

ГИПЕРБОРЕЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ №1(2)

«СОЮЗ РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ»
ТЮМЕНСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

2020

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ

ГИПЕРБОРЕЙ

№1(2)

Издаётся с 2019 года

ул. Осипенко, 81
+7 3452 56 56 50

АО «Тюменский дом печати»

Тюмень

2020

УДК 82
ББК 84
Г50

ГИПЕРБОРЕЙ: Литературно-художественный альманах.
Куратор издательского проекта: Сопредседатель Правления Союза российских писателей Н.М. Шамсутдинов. Тюмень: АО «Тюменский дом печати», 2020. – № 1(2). – 300с.

**Издано при финансовой поддержке авторского коллектива
и техническом содействии Союза российских писателей**

Уважаемый читатель!

Вы держите в руках второй номер литературно-художественного альманаха «Гиперборей», орган издания Тюменской региональной организации «Союза российских писателей», которая объединяет писателей трёх субъектов Российской Федерации: ХМАО–Югры, ЯНАО и Тюменской области в одно единое писательское сообщество. Альманах издан по многочисленным просьбам авторов и читателей и посвящён Году памяти и славы - знаменательному событию: 75-летнему юбилею Победы в Великой Отечественной войне.

Номер альманаха запомнится нам, читателям, своим патриотическим духом и памятью о единении всех граждан нашей страны в борьбе с фашизмом.

ISBN 978-5-87591-313-6

ISBN 978-5-87591-314-3

Возрастная категория: 14+
(в соответствии с ФЗ от 29.12.2010 № 436-ФЗ)

© Тюменская региональная организация
«Союз российских писателей», 2020

ФЕНОМЕН ПОЭТА НИКОЛАЯ ШАМСУТДИНОВА

ПИР ДЛЯ ИНТЕРПРЕТАТОРОВ — (Dialog, Neues Munchner Kunstforum e.V./Диалог, Новый Мюнхенский Культурный форум, *Übersetzung/* Перевод (г/d) Пја Samoilenko, Printed in Germany 2020/ Германия 2020). – 180 с.

ЯБЛОКО РАЗДОРА — книга юмора и сатиры. Стихи. – Тюмень: Издательство «Вектор Бук», 2019. – 360 с.

ИЗБРАННОЕ — Пятитомное собрание избранных произведений: стихи, поэмы, проза, детские стихи, поэтическая сатира (пародии, эпиграммы, афоризмы), литературно-художественный перевод стихов с языков младописьменных народов тюменщины (ханты, манси, сибиротатарского, чеченского). Рубрика «Слово читателю». Фотохроника событий. — Тюмень: Издательство «Вектор Бук», Т. 1-5 –2018. – 528 с.

ПАТРИЦИАНКА: Книга лирики. — Тюмень: Вектор Бук, 2018. — 352 с.

Для известного российского поэта **Николая Шамсутдинова**, которого Станислав Золотцев, к сожалению, недавно ушедший от нас поэт и критик, называл одним «из самобытнейших российских стихотворцев», 2019 год стал юбилейным. Серьезную дату юбиляра воспринял не эсхатологически, а оптимистически, издав, при поддержке Правительства Тюменской области, пятитомное собрание сочинений «Избранное», а также книгу поэтической сатиры и юмора «Яблоко раздора», в которую вошли пародии, авторские афоризмы, автором метко названные «законсервированной мудростью», и катрены:

На подарки нам скупа природа...
Потому-то и люблюсь я
Женщиною – ложечкою мёда
В бочке дегтя, в бочке бытия...

Данное четверостишие прекрасно иллюстрирует восторженное отношение поэта к женщине. Критик, доцент ТГУ В. Рогачев,

говоря о любовной лирике Н.Шамсутдинова раннего периода (книги «Заветная беззаветность», «Женщина читает сердцем», «Пенорожденная» и другие), выделял в стихах поэта «трепетное, нежное преклонение перед женщиной, гармонизированное в свободно льющихся образах. Зоркий наблюдатель, искушённый знаток прекрасного пола, автор сведущ в милых уловках... своих героинь». В одном из интервью Николай Шамсутдинов приводит, в свою очередь, отзыв Станислава Золотцева: «Я всегда знал, что ты безумно талантлив, – писал ему собрат по перу после прочтения книги стихов «Пенорождённая, – но не ждал, что ты выдашь такую – совершенно иную по чувственно-эмоционально-философской насыщенности вещь. Это действительно современный Гимн Любви во всех её проявлениях. Песнь Песней нынешнего русского поэта...».

Судьба настоящего поэта полна мистических и сакральных тождеств: Николай Шамсутдинов родился ранним утром 26 августа 1949 года. Читатели, знающие историю русской литературы, помнят: 26 августа 1921 года был расстрелян Николай Гумилев, а великая Анна Ахматова именно 26 августа 1949 года, после обеда, написала свою знаменитую «Колыбельную»:

Я над этой колыбелью
Наклонилась черной елью.
Бай, бай, бай, бай!
Ай, ай, ай, ай...

Под стихотворением значится: «26 августа 1949 года, Фонтанный дом». Символика поэтических и мистических совпадений определяет вектор судьбы героя моего материала – трагических испытаний, судя по биографии, выпало Николаю Шамсутдинову немало: не единожды, кстати сказать, он избежал гибели... Ставший русским поэтом и демонстрирующий блестящее владение русским языком, он подчеркивает, – «Родной для меня – русский язык, а родная литература для меня независима от языка – английская ли, немецкая ли, русская... Если автор талантлив, для меня его произведение становятся родным». Николай Шамсутдинов — по сути своей является мостом между культурами континента: единственным, в частности, из тюменских литераторов он был приглашен в Данию, где прочитал цикл лекций о российской поэзии в Королевских университетах Копенгагена и Оденсе (1991).

Интересен генезис самой фамилия «Шамсутдинов», произведенной от фамилии его предков Шамси (Шамс — Солнце). Поэт рассказывает, что ведет историю рода своего от народа волжских болгар, ярким представителем которого является болгарский поэт Микаиль Шамси ибн Башту — автор поэмы «Шан кызы дастаны» (865-882 гг.) и, помимо этого, великий визирь государства «Волжская Булгария» (см.: Борис Рябухин «Волжский царь», М., 2013). Николай Шамсутдинов отмечает, что его «матушка внешне сущая европейка, носила имя Юма-бика Атыкашевна», приставка «бика» к тюркскому женскому имени означает «княжна». Так вспомним же правительницу Казани во время захвата этого города Иваном Грозным, которую звали – Суюм-бика!

Существует научно обоснованная точка зрения, что именно представители болгарской знати стали пращурами многих дворянских родов России, таких, в частности, как Аракчевы, Атласовы, Ахматовы, Булгаковы, Голенищевы-Кутузовы, Карамзины, Куприны, Мичурины, Огаревы, Суворовы и т.д. (об этом: А. Халиков «500 русских фамилий болгаро-татарского происхождения». – Казань, 1992).

В качестве переводчика Николаем Шамсутдиновым выполнены прекрасные переводы стихов тюменских и казанских поэтов, (Булата Сулейманова, Загиты Акбулякова, Ракипа Ибрагимова, Гарая Рахима и др). Им же переведены на русский язык стихи чеченского поэта Асламбека Осмаева, с языка манси – стихи Марии Вагатовой, а также стихи ханты Романа Ругина и многих других.

Но – упоминавшийся в контексте материала филолог В. Рогачев, говоря о лирике поэта и обещая «пиршество для гурманов», уже тогда отмечал наглядную взаимосвязь поэта с мировой и европейской культурой: «Здесь есть уважительный диалог с Данте, Овидием – классиком римской античности, оживают древнегреческие ионийские, эолийские лады и переданы те возвышенные страдания души, за которыми видна даль культурных штудий поэта, его понимание смысла жизни».

О том же писал постоянный исследователь творчества Н. Шамсутдинова С. Золотцев: «Эллинистическое движение строки, с «переливаниями» групп дактиля, амфибрахия и анапеста, звуковая аллюзия античного движения стоп... Образы и реалии древнегреческого и древнеримского мифов, евангельско-библейский словарь, лексика западных поэзолегалд – все это как-

то удивительно и органично смыкается у него с его с тюркской почвой мелоса и фольклора».

Критик Ирма Юстус, утверждающая, что Николай Шамсутдинов — исключительное явление в современной литературе, в своей статье, посвященной творчеству российского поэта, говорит о том, что автор «обладает богатой творческой родословной, исполненной мощи и полифоничности соседствующих в пантеоне мировой поэзии творцов», поэзия его «альтернативна повседневному убожеству» и с горечью подчеркивала: «Мощное и независимое дарование оборачивается для творца, в конечном счете, драмой...».

А С.Золотцев отмечает ещё и «особое умение поэта ставить слово к слову», что видно «прежде всего в эпитетах, определениях, обретающих многозначность, дополнительный смысл в их слиянности с определяющими словами...». Эти черты проявились уже в ранних стихах 70-80-х годов, отличающихся и по эмоциональному настрою, и по особенностям поэтики, – в стихах более поздних, «тёмных», то есть очень сложных по своей стилистике и философской парадигме. Ранние стихи были исполнены оптимистического накала, в них жили и творили люди труда. Но в и них, по большому счету, уже явственней звучала тревога за сохранение природы не только Сибири, но и всей Земли: недаром его поэму «Покорители» В.П. Астафьев предварил такими словами: «Поэма-боль, поэма-крик, поэма-смятение нашего разума, ибо только разум способен спасти нас и летящую в безбрежном пространстве планету, по нашей вине и разнузданности всё более впадающую в инвалидное состояние».

Феномен поэта Николая Шамсутдинова, на мой взгляд, заключается в том, что, будучи одним из самых заметных советских стихотворцев, имевших своё лицо и не обойдённых славой, публикациями и премиями, он не мумифицировал свои прежние стихотворные достижения, что часто случается с бывшими советскими поэтами, не застыл на воспоминаниях о былом успехе, который был весьма заметен (к примеру, в начале 80-х гг. Евг. Евтушенко на Всесоюзных Днях Маяковского в Грузии, представляя огромной аудитории театра им. Шота Руставели тридцатилетнего поэта Н.Шамсутдинова, назвал его «автором гениальных образов»). Нет! поэт совершил весьма рискованный для любой поэтической биографии резкий переход к совершенно иной поэтике, отталкиваясь от культуры, книги, но одновременно

не утрачивая энергии стиха и связи с жизненными впечатлениями... Стихи его становятся драматичнее, труднее для восприятия, многослойнее. Мир изменился, страна, в которой вырос поэт, рухнула, иная жизнь, противоречивая, сложная, прогностически непредсказуемая, окружает теперь поэта — и рефлексия лирического героя становится все тревожнее: «Мир катастроф. Неоновою россыпью/ горя, трещат, в содоме городов...». Образы его, эстетически неординарные и захватывающие внимание, наполняются новым, нетривиальным философским содержанием, непосредственным образом образовывая читателя, его культуру, ощутимо пострадавшую в результате массовой ориентации на упрощение, обернувшуюся безвкусицей. Зачастую образы его наглядно афористичны: «убожество божеств гламурных», «эстетический стоицизм», «исповедник муз», «пластическая цитата из Истоминой», «сбивая истерические массы в критическую массу», «вечность есть архетип, заключенный в архитектуре» и так далее.

Но автор поглощен наполнением своей речи и глубокими мыслями, приглашающими нас разделить его рефлексии. Поэтому его стиль (вспомним О.Шпенглера)— это не просто признак культуры, это — судьба. Симон Гурарий, концертирующий по миру пианист и редактор журнала «Dominanta» (Мюнхен), подчеркнул в своём выступлении, посвященном награждению Николая Шамсутдинова Международной премией «Dominante-Preis 2019» «За выдающиеся открытия и развитие новых эстетических принципов в литературе», что стихи поэта отмечены неповторимой, энергичной, выпуклой, хорошо узнаваемой интонацией, а в своей приветственной речи добавил «...твои, неповторимые в своём кристаллическом блеске стихи... Ты — «трудный автор» для массы, привыкшей заглатывать «литературные наслаждения» без затраты сил». Действительно, произведения Н. Шамсутдинова 90-х-2000—х гг. невозможно читать без интеллектуального напряжения и культурологического соучастия:

И за полночь, простёрт, в молчанье, вдоль
безлюбия чужого, к избытию
рацей, он убаюкивает боль,
надсадно обернувшуюся былью.

Жизнь бьёт его, кремнёва, – не добьёт,
плодя, в текущих подлостях, обиды,
покуда, в искупленье, не пошлёт
смерть Филемона – у колен Бавкиды...

Передо мной книга Николая Шамсутдинова «Патрицианка», стихи из которой вошли в пятитомное собрание его сочинений «Избранное». Именно в «Патрицианке» поэт, уходя от тематических или сюжетных стихов, выявляет свое отношение к языку как первоэлементу поэзии. Стихи его максимально усложняются, поскольку сцеплением слов часто служит семантическая «валентность» рядом стоящих, нередко заключающаяся в самом их созвучии, а отнюдь не в прямом смысле слова или фразы. С. Аверинцев как-то признался: «Иногда приходится идти на затрудненный способ выражения, чтобы разрушить автоматизм скользящих мимо слов, «разбудить» себя и читателя». «Патрицианка», на мой взгляд, относима к явлению такого именно характера. «Астрофичность – характерная примета стихов книги. Каждое стихотворение надо воспринимать в его целостности, в объёмности той мысли, которая рождается из течения стиха», — еще один формальный признак, отмеченный критиком И.Матвеевой в статье «Соименник сердца». Тема и сюжет в «Патрицианке» не исчезают, но становятся менее конкретными, а главное, сквозными, соединяя стихи книги одним лирическим героем – странствующим Одиссеем: архетипический образ для любого настоящего творца («Жить упованьем, что жизнь это топливо для /Фантасмагорий Гомера»), у Н.Шамсутдинова насыщается интенсивной личной образностью и питается личной эмоциональностью, подлинными переживаниями, настоящей лирикой:

Закроешь глаза и внезапно откроешь глаза,
Проснувшись от грома, – в листве увязая по оси,
В сон ломится, не разбирая дороги, гроза,
И, не отступаясь, в лицо погружается осень.

Один из неизменных героев его – Одиссей, по О.Мандельштаму, «пространством и временем полный...», Одиссей Н.Шамсутдинова «в дощатой скорлупке, ведомый Афиной/ на дымок очага, нетерпением полн,/ с приближением к Итаке...». А Пенелопа верна

и таит тихую боль любви «под скрипучее бденье/ткацкого, в узловатых морщинах, станка».

Одиссей Н.Шамсутдинова – ещё имеет и свои особые черты: протест против опошления жизненных смыслов, восприятие такого снижения трагически: «Осточертев, при внешней безучастности, /Тем откровенней, то бишь тем честней, /Суть люда – в разделившем участь частности/ При общем разложенье духа...». Разложению духа можно противопоставить только лишь гармонию, рождающуюся из единения человека с человеком, человека с Природой, человека с Космосом, то есть, по сути, путь к гармонии есть первый шаг на духовном пути к Богу. А иначе – падение и дорога к Апокалипсису:

...Трубную весть органа
из глубин подаёт нам субстанция Иоганна
Себастьяна Баха, не требующая иных
сфер. Но, под ламентации о прозябанье пошлом
и грядущем коллапсе, в его посвежевшем прошлом –
наше будущее?!

Вспомним же В. Шкловского: «Литература не рояльна, а органна, – звук продолжается».

Стихи Н.Шамсутдинова, с одной стороны, сигнализируют о дне нынешнем, с другой – заключают его в мифологическое кольцо вечности:

Под ропот листвы неизменных плакучих аллей,
Застиранных вечным ненастьем,
с рефлексией скифа,
Закроешь глаза и откроешь их, медленный, с ней –
По разные стороны времени, жизни и мифа.

Именно так: «По разные стороны времени, жизни и мифа» – ибо настоящий поэт – «ретранслятор трансцендентного» и «толмач его»...

Читая «Патрицианку» Николая Шамсутдинова, невольно пытаешься понять причину радикальной метаморфозы его поэтики, и приходишь к выводу: не столько тотальные социальные перемены изменили духовную и профессиональную сущность поэта, сколько движение его души, получившей, благодаря социальным переменам, «грант свободы». Движение —

к совершенству, ибо в его основе – настоящая потребность искать и – находить ту единственную, сокровенную поэтическую ноту, в тон которой человеческая душа начинает резонировать:

...дай мне отдохновенья, вдохновение,
от неусыпных милостей твоих...
Тогда уже и спросится сторицею
за камерное бдение вдвоём
со странницей по вечности, страницей,
с которой на два голоса поём...

Мария Бушуева, Москва

(Статья в сокращении выходила в Литературной газете №14
от 08.04.2020, ссылка:

<https://lgz.ru/article/-14-6732-08-04-2020/po-raznye-storony-mifa/>)

ВНАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО

эссе

Посвящается Мастеру Слова

Порою отвлечься от свалившихся в одночасье мировых глобальных проблем и сосредоточиться на писательстве есть единственное спасение от тоскливой действительности, которая подобно безжалостному хищнику преследует выбранную тайно жертву.

И не хватает сил перевести стрелки умчаться от мучительных предчувствий, развернув поезд в своём сознании, спрятаться от стучащих в мозгу колёс, чтобы минуя серую обыденность, вернуться к спокойной и размеренной жизни.

И вдруг мир, насторожившись, останавливается и замирает. Перегруженный житейскими стрессами поезд продолжает глухо стучать по нервам и бестолково тащиться, без всякой необходимости и остановок...

В какое-то мгновение проводник привычно срывает стоп - кран, от чего распахиваются глаза и живое осознание действительности издевательски сообщает, что вокруг глубокая ночь, а тени воспоминаний отчаянно мечутся по комнате, пытаются скрыться от преследования собственных изматывающих переживаний. Реальный, обиденный мир, словно насмехаясь бульдожьей мордой, спрашивает:

– Ну и как ты справляешься с такой закрученной мною житейской задачей, из которой не-е-т выхода?!

И тот же критический момент из ирреального мира вдруг, как бы по-волшебству, раздаётся телефонный звонок, и бархатный голос Академика Российской Академии Поэзии приглашает на праздник Золотого Лауреата...

Красивый и щедрый голос его звучит, как удивительная, эпическая рапсодия, полная особого философского представления о зрелой оценке, как сущности бытия, так и абсолютном равнодушии мира к вещам ненужным и бесполезным.

А затем наступает... роскошь живого человеческого общения с Мастером несравнимая ни с чем повседневным, тем более, бесполезным, но позволяющая прикоснуться к самой сути вселенского бытия и осознать, что на самом деле было вначале?..

А вначале было СЛОВО.

Речь Мастера проста и подобна роскошному бриллианту, что имеет уникальную огранку, в сверкающем многоцветии наивысшего природного блеска.

Солнечный свет этот проливается из внутреннего душевного очага, из неповторимой сути самого Мастера... Почему-то, кажется, в миг озарения, что невидимый, он молится за израненные души поэтов, собратьев своих, воззвавших с вопросом, непосильным для решения и понимания окружающего мира.

Мастер слова, вдруг превращается в волшебного дарителя, который лёгким, едва заметным движением снимает накопившийся груз мирских обид и горечь унижений, но открывает невидимый ранее занавес, а за ним: непринуждённо раскинувшись до далёкого горизонта, лежит широкое бархатное, нежное, зелёное, залитое солнечным светом, ласковое поле, созданное для выращивания свободного и истинного слова.

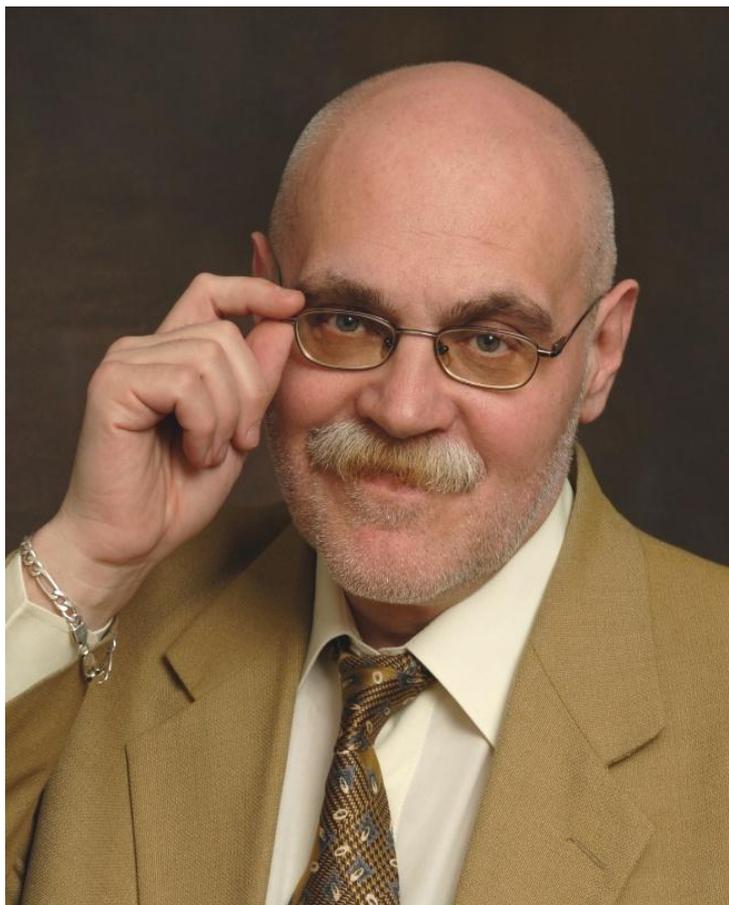
Необыкновенный восторг бытия, бодрости духа, свежего настроения, поднимает над вселенной души слетевшихся вместе поэтов... Наблюдателям истинно чудного действия ясно видно, как взмечтаются к небу стаи многоцветных и ликующих птиц и щебечут и поют они на всех своих птичьих многоголосьях неразрывную и бессмертную симфонию свою...

И зрелище это вселяет бесконечный восторг и божественное наслаждение от сакральной музыки, от ощущения величия каждого мига и от жизни земной.

Обнимая каждого зрителя, уносит горько – сладостная симфония в удивительный полёт, в поэзию мысли, чувства и вдохновения самого Мастера.

И всё происходящее вершится в реальном мире потому, что... вначале было СЛОВО!

*Светлана Титова,
1 мая 2020 года*

ГОСТЬ АЛЬМАНАХА

www.gnord.ru

Геннадий НОРД — поэт, композитор, исполнитель, актёр, общественный деятель. Много лет активно занимается пропагандой и продвижением русской культуры, русской литературы и русского искусства за рубежом.

Член Союза писателей России, Союза писателей Москвы, Международного ПЕН-клуба, Клуба литераторов Центрального Дома литераторов России, Литературного Фонда России.

Один из создателей и председатель Правления Союза писателей Северной Америки.

Автор 27 книг и 38 песенных альбомов. Сыграл роли в нескольких художественных и телевизионных фильмах. Автор идеи и разработчик программы «Культурное наследие, фундаментальные ценности и русский язык», которая предусматривает с целью

популяризации русской культуры установку в различных странах мира памятников русским писателям. Инициатор и организатор установки памятника А.С. Пушкину (скульптор Виталий Гамбаров) в центре Монреаля (Канада), а также за 2009-2014 годы памятники Александру Сергеевичу Пушкину установлены в Жуковском (Россия), Будапеште (Венгрия), Подгорице (Черногория), Панаме-Сити (Панама), в древнем городе Салоники на горе Парнас памятник вошёл в туристический путеводитель Греции.

Учредитель Международного общества пушкинистов, один из создателей Российского Общества веселых поэтов, член Правления Международной Федерации русскоязычных писателей.

Составитель и один из авторов четырех томов «Антологии русских писателей Северной Америки», изданных при поддержке Правительства Москвы

Организатор многочисленных Международных фестивалей искусств: «Кленовые листья» (Канада), музыкального «Проекта Открытие» (Россия) и автор гимна Первого Всероссийского фестиваля «Мама Улица» (Россия).

Создатель Центра культурных проектов «НордиКо», который в свою очередь совместно с Союзом писателей Северной Америки провёл в 2012-2016 годах 596 культурных мероприятий в России, Канаде, Украине, США, Абхазии, Азербайджане и других странах. Победитель поэтического конкурса МИД России, лауреат Премии ГУВД Москвы, национальной премии «Золотое перо Руси» и Международных: «Золотой Дюк», «Пушкинская лира», «Янтарное ожерелье» и многих других.

Включён в энциклопедии: «Who is who», «Знаменитые люди Москвы» и в «Энциклопедию русского шансона».

Академик Международной Академии Интеграции Науки и Бизнеса, Евразийской Академии Телевидения и Радио, Российской Академии литературы.

Присвоены почётные звания: «Человек тысячелетия», «Лучший автор нового тысячелетия», «Мастер словесности», «Маэстро Шансона», «Поэт 2002 года Русского Зарубежья».

Награждён многими орденами и медалями.

Имя Геннадия Норда присвоено Голубой звезде Седьмой величины в созвездии Водолея (Запись в «Международном каталоге небесных тел», сертификат RUS 75132 от 1 февраля 2014 года).

Я ГОНЮ ЛОШАДЕЙ

Я гоню лошадей по замёрзшему тракту.
Скрип полозьев и сиплый прозвон у дуги...
Та-та-та-та... Упавшему щедрому такту
Подпеваает фагот баритоном пурги.
А за белой стеной, огоньками охвачен,
Вскользь мелькнёт иногда тёплый лик деревень
И кидаются звуки в возок на удачу:
Тавда, Таборы, Тара, Тобольск и Тюмень.

Пробивают копыта настилы сугробу
И, размытые ноты в полёте схватив,
Ветер пьёт их, смакуя, и тянет на пробу,
И пытается втиснуть в щемящий мотив.
И, слегка осовев, от безумной дороги,
И картуз, передвинув рукой набекрень,
Я пытаюсь запомнить и выучить слоги
Тавда, Таборы, Тара, Тобольск и Тюмень.

Я гоню лошадей, от себя убегая,
От судьбы, от беды, от любви, от тоски.
А мотив, раздуваясь от края до края,
Мою странную жизнь зажимает в тиски.
По заснеженной зыби вдогон за мной мчится
Твоих звуков и запахов лёгкая тень.
Ретуширует снег незнакомые лица.
Тавда, Таборы, Тара, Тобольск и Тюмень.

И гоня метель по российской глубинке,
Унесут меня лошади в тёмную даль,
Высекая подковами искры и льдинки,
Разрывая мечтой и надеждой печаль.
И взъерошится утро усталой зарёю,
И, слепя, обожжёт возгорающий день.
А я в памяти новой надёжно укрою
Тавду, Таборы, Тару, Тобольск и Тюмень.

РУСЬ

Бездорожье, грязь и вязнут траки,
матерятся тихо шофера,
за посёлком бесятся собаки,
а в посёлке хнычет детвора.

День остыл и сумерки у власти,
вспыхивают в окнах огоньки.
Пароходное густое «Здрасте»
долетает эхом от реки.

Возле клуба пьяная гармошка
мыкает вечернюю тоску.
Рыжая обтрёпанная кошка
наискось крадётся по песку...

Ах ты, Русь! Дремотная глубинка,
летняя изнывная жара,
рощица в берёзовой косынке
стонет под ударом топора,

замерзает дым от зимней стужи,
разрезает скрипом полночь дверь...
Я погибну, если ты не сдюжишь
череду ненастий и потерь.

Верю, что в предутреннем покое
медленно сползёт с травы слеза,
и тебя восторженно умоет
чистая весенняя гроза.

Но когда придёт твоя победа,
я гадать, сегодня не берусь.
Просто я тебе навечно предан,
грешная и праведная Русь.

ПИСЬМО МАМЕ

Мы долго не встречались, мама.
Как километры не вини,
а от звонка до телеграммы
неспешно проползают дни.

Я далеко забрался, мама,
туда, где длинная зима,
где ветер выдувает гаммы
слегка простуженным домам,

где снег и в марте, и в апреле,
а в августе уже мороз,
и очень редки птичьи трели
перед началом летних гроз.

Неизмеримо расстоянье –
по карте сантиметров нить,
и где-то в будущем свиданье,
и надо как-нибудь дожить.

Я сын, наверно, не хороший:
пишу одно письмо в квартал,
но каждый день, что мною прожит,
к тебе я мысленно сбегал.

От безысходности разлуки
так мне порою не везло.
Я помню, мама, твои руки
и их домашнее тепло.

Твои глаза мне душу греют.
Ты столько лет меня ждала...
Неправда, мамы не стареют,
стареют только зеркала.

СИБИРЬ

«Отпишите мне в Сибирь - я в Сибири».
По тайге в разрыве обских берегов
задохнувшийся иду от этой шири
нескончаемых, простуженных снегов.

Напишите, не оставляю без ответа
я ни слога вашего, ни мыслей, ни чернил.
В грудь вливаю дух искрящегося света,
ощущая дрожь от гордости и сил.

Напишите мне в Сибирь, ну, ради Бога!
Хоть почтовая дорога не легка
в звоне кедров растворяется не строго
недопетая Высоцкого строка.

Напишите мне в Сибирь, и я сквозь мили
прорычу, как эхом, вторя той строке,
про костры судьбы, что в спешке мы сложили
и сгорели на сибирском сквозняке.

Напишите, я отвечу, это точно,
что впаялся в этот жгущий нервы край,
привязавший к сердцу намертво и прочно
волю, небо, землю, ад, снега и рай.

Кто слезу пускает в бархатной квартире,
не поймёт всей силы свёрнутой в дугу!
Отпишите мне в Сибирь, ведь я в Сибири!
И расстаться я с Сибирью не могу!

ВЕНЕЦИЯ

В Венеции застыли годы,
невыносимо влажно, жарко.
Иду под арочные своды
на площади Святого Марка.

В «Локарно Мантин» зал неброский.
Я заказал бокал портвейна.
Когда-то здесь Иосиф Бродский
коньяк тянул с дружищем Рейном.

Тут нет излишеств в интерьере –
колонны в древнеримском стиле.
Тут были Моцарт и Сольери,
Вивальди, Гёте, Гейне, Шиллер.

В меню текила, водка, виски –
лишь звякни золотым в кармане.
Тут часто сиживал Стравинский
и напивался Модильяни.

Спокойно тут, вялотекуще,
и солнце бдит в лазурной дали.
Они тут думали о сущем,
свою Италию искали.

Каналы разграфили город,
гондолы трутся у причала,
а мир на черепки расколот,
и нет конца, и нет начала.

Дворцы плывут по водной сини
в гордыне витражей и кружев...
Я твёрдо знаю, что в России
места есть, в общем-то, не хуже.

Тут просто всё, как на ладони,
тут красота уже не нова.
Ну, где-то здесь гулял Гольдони
и плёл интриги Казанова.

Их нет давно на этом свете,
с их судеб тайна отлетела.
Что Рейн? Его недавно встретил
Я в вестибюле ЦДЛа.

Душе же хочется открытий –
долгой засовы Шоушенка.
Куплю билеты в Крокус Сити,
схожу послушать Евтушенко.

МОСКВА

Этот город меняет лица
ежедневно и ежечасно,
и готов я до крови биться
за его непростое счастье.

Я готов за него на плаху,
по Вселенной готов слоняться,
я готов за него заплакать,
и до коликов посмеяться.

Я люблю городское слово,
парки, скверы, пруды, бульвары.
Я люблю его утром – новым,
я люблю его ночью – старым.

И ложатся Москвы проспекты
стихотворной тоской на душу,
я его неизбывный вектор
безразличием не нарушу.

Он летит в напряженье спора
между «поздно», «сейчас» и «рано».
Я люблю этот громкий город –
непонятный, живой и странный.

Пусть мелькают его страницы,
пусть гуляет его беспечность!
Этот город меняет лица
не года, не века, а вечность.

Даже псов его грязных свора
для стихов моих знак и строчка...
Я люблю этот сильный город!
Потому, что люблю. И точка!

ПРИВЕТ!

За билет мне друзья заплатят.
Я без слов подчинюсь судьбе.
Скорый поезд «Москва-Тольятти»
через время летит к тебе.
И вздохнёт в полусне плацкарта,
и проспит перегон молву.
Мимо смятых сугробов марта
скорый поезд летит в Москву.
Барабанят часы на стыках,
учащая сердечный стук.
Я спешу от любви до крика,
от улыбок спешу до мук.
Утром воздух гудок разрежет,
расчищая туманный путь.
Остановки всё реже, реже,
и осталось совсем чуть-чуть:
обгоняющей электричке
помахать пятерней вослед
и собрать, не спеша, вещички,
и сойти, и сказать: «Привет!»

ЛЮБИМЫХ МНОГО НЕ БЫВАЕТ

О женщинах не судят строго,
узнаешь, коль судьба дала:
красивых не бывает много,
а некрасивых несть числа.
В любви интимно всё и лично:
увидел - и дрожит в груди.
На свете столько симпатичных,
а милых просто пруд пруди.

Но в городах, дождём умытых,
они ревут, платки соля.
На свете столько позабытых,
что переполнена земля.
Зовут, устав от зимней стужи,
и подают заветный знак.
На свете столько слёз ненужных,
а вот улыбок на пятак.

Как часто мы бываем грубы
в расколах фраз, в обрывках встреч.
На свете очень много глупых,
а умных надо бы беречь.
Ты в светлой россыпи веснушек
слова заветные прочти.
На свете множество дурнушек,
а вот счастливых нет почти.

И вспоминая век, что прожил,
ты внукам сможешь подсказать:
на свете столько баб хороших,
что разбегаются глаза.
Но даже в перезрелом мае,
когда бесчинствует весна,
любимых много не бывает -
любимой может быть одна!

КРУГ

Вы совершеннолетняя,
я – совершенно зимний.
Осень над нами бледная
в тучи скликает ливни.
Нет и секунды встретиться,
Нет и единоточья.
Осень меж нами вертится,
дни, разрывая в клочья.

Мы, как два разных полюса
грубо воспетых в прозе.
В грустном вагоне поезда
осень судьбу увозит.
Вы - совершеннолетняя,
я – совершенно зимний.
Осень смыкает сплетнями
круг непрерывных линий.

И невозвратность вечная
вдруг разорвала связи.
Осень с утра до вечера
все переулки сглазит,
вертит пустыми бедами,
с мыслями ищет слада,
словно сама не ведает
то, во что верить надо.

Ищет на мокрых улицах
след и остатки мая,
ищет и стыло хмурится,
в город мороз впуская.
И увядают бледные
кустики белых лилий.
Вы – совершеннолетняя,
я – совершенно зимний.

ЗЕЛЁНЫЕ ГЛАЗА

У судьбы зелёные глаза,
и от них запрягаться нет мочи.
Можно только ласково сказать
о любви полслова между строчек,

можно только, подавив озноб,
пить отраву колдовского зелья,
можно только целовать взхлёб
этих глаз неистовую зелень.

ПОБЕГ

И вновь перрон, и вновь вокзал,
и суета, и злые звуки,
и сквозь толпу твои глаза,
не оценившие разлуки.

Бегу, как чёрт, от этих глаз
на необжитые кулички.
Отстукивают пальцы джаз
на стёклах сонной электрички.

И то, что я совсем не прав,
в тех километрах обнаружу,
куда несёт шальной состав
шалым путём шальную душу.

А за окном болит закат,
горят мосты, побиты блюда,
и больше нет пути назад,
но очень хочется вернуться.

ХОЛОДА

Холода на всей земле, холода,
проморозило от ниток до строк.
И большая ледяная беда
перелезла через стёртый порог,
растворила настежь окна и дверь
и присела на полу без стыда
подсчитать итоги жертв и потерь.
Холода на всей земле, холода.

Индевеют на ветру провода,
мёрзнут дружба, вера, братство, любовь.
Холода на всей земле, холода.
И твердеют в стужу души и кровь.
Разменяла свою сущность вода,
не растут, а погибают цветы.
Холода на всей земле, холода -
улетают безвозвратно мечты.

Мыслей нет, а если есть, ни о том -
без эмоций загнивает страна.
В серой дымке за Уральским хребтом
в перепутье затерялась весна.
Не ухожены давно города,
тлеют, грустно доживая, дома.
Холода на всей земле, холода -
мёртвой хваткой прицепилась зима.

В небе чёрном душу нечем согреть,
чуть поеживаясь, стынет звезда.
И не хочется ни петь, ни звенеть...
Холода на всей земле, холода.
И не будет ни улыбок, ни слёз,
будет тщета, суета, маята,
пока этим миром правит мороз.
Холода на всей земле, холода!

ПЕРЕЗИМУЕМ

Что в этом мире так нравится нам?
Чем дорожим? Чем рискуем?
Может быть, вся наша жизнь – просто спам?
Перезимуем?

Страстный огонь, сохраняя в душе,
как не задуть его все?
Дней полутёмных разрезав клише,
перезимуем.

Губы, обжёгшие на молоке,
трусим и на воду дуем.
Нервы, до боли зажав в кулаке,
перезимуем.

Перед Отчизною вечно в долгах.
Сладкие блага рисуя,
топят нас в новых, глубоких снегах.
Перезимуем.

Но, несмотря на пургу и мороз,
ветви раскрасим, как туя.
К светлым улыбкам сбегая от слез,
перезимуем.

И разрывая разлучливый плен,
нежно любимых целуем.
Без суеты, без обид и измен
перезимуем.

Лезем в тайгу, в небеса, в глубину
всем, что имеем, рискуя.
И, несомненно, дождёмся весну!
Перезимуем!

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

Год сорок первый, июнь, воскресенье,
двадцать второе число.

У Мавзолея моё поколенье,
ясно, уютно, тепло.

Школьную полночь отбили куранты,
но не уснула Москва –
белые платья, косички и банты,
песни, улыбки, слова.

Юность закончилась, завтра с рассветом
выйдем на сотни дорог.

Ну, а сегодня – девчата и лето,
и не до взрослых тревог...

...Я бы не стал вспоминать этой ночи,
но среди звёздных огней
не было ночи на свете короче,
не было ночи длинней.

В ней собирала гармонь переливы,
мылись травинки в росе...

Двадцать второе, и все ещё живы,
все, все, все, все, все...

НЕ ИЩУ

Не ищу в травах вешние росы,
всё решаю вопросы, вопросы
в бытовом катаклизме стихий.

А во сне вижу небо и лето
и встречаю рассветы, рассветы,
и меняю грехи на стихи.

ЛЯГУХИ

Да, я лысый, лысый, как на грех.
А ведь если честно, между нами,
Лысина имеется у всех,
Но у многих скрыта волосами.

Дамы худые скупы на гроши,
Очень сварливы и склонны к измене.
Полные дамы всегда хороши:
Зимой для тепла, ну, а летом – для тени.

Солнце меня уже больше не греет,
Хоть целый день проваляйся на крыше.
Что-то случилось. Наверно, старею.
И писсуары становятся выше.

Вас вижу – в горле спазм.
Не помните вы сами.
Что мне должны оргазм.
Но можно и деньгами.

На женщине лежит печать,
С ней совладать намного хуже.
Мужчиной легче управлять –
Пульт управления снаружи.

Её увидел возле парковой аллеи
И сразу понял: жизнь моя разбита.
Забыл про всё и бросился за нею...
Ну и засранцы эти трансвеститы.

Детей, как надежду, растим и лелеем.
Но годы идут и не тот результат.
Поэтому внуков мы любим сильнее.
Они нашим детям за всё отомстят.

Подавив ночной неясный стон,
Провожая взглядом птичьей стаи,
Не бросайте мусор из окон.
Пацаны находят, надувают.

Хочу я, как раньше, услышать слова
И позывные родные:
«Внимание! Говорит Москва».
Работают все остальные.

Поэзия – есть дело вкуса
И тех, кто к этому давно привык.
К поэту по ночам приходит муза,
А к поэтессе, видимо, музык.

Читая эту повесть по уму,
Вдруг понимаешь: автор приукрасил.
Ведь кобелем, по правде, был Муму.
А сухой настоящей был Герасим.

Орал Кащей в палате жутко
И делал страшное лицо.
Но запихнули всё же в утку
Врачи кашеёво яйцо.

Хоть ты липнешь, как пчела,
Не смогу тебя принять.
Честь свою всегда блюла
И блюду, и буду б...

Ох, сколько же под этим чистым небом
Досталось нам невзгод, трагедий, зим.
Народ, заедает макароны хлебом,
Наверное, в веках непобедим.

ДУМЫ

Люблю плавать на спине. Но мало кто выдерживает меня больше минуты.

Довел до роддома, а дальше сама.

Какой идиот придумал, что все дороги ведут в Рим? Как может дорога Сыктывкар - Урюпинск привести в Рим?

Осторожно: не все, что покрашено – женщина.

Человек создан для счастья.
Хочешь быть счастливым - стань человеком.

Интересно, почему наше государство очередной долг Нигерии в двадцать миллионов долларов может простить, а мой долг налоговой в двести рублей - нет?

Надо признать, что пятьдесят лет назад по трём каналам советского телевидения показывали намного больше интересных передач, чем сейчас - по шестидесяти.

Девушки, никогда не следите за мужчиной.
Следите за собой - и тогда мужчина будет следить за вами!

На заборе было написано слово «мир» с тремя ошибками.

Люди делятся на два вида. На тех, кто любит порядок в доме, и на тех, кто любит детей.

Вышел с покупками из магазина и подумал: «Что-то слишком дорого я себе обхожусь».

БАЙКИ

Организаторы присылают за мной машину, чтобы доехать от самарской гостиницы до зала филармонии. Водителю под семьдесят, всю дорогу рассказывает о том, что он уже лет двадцать извозом занимается.

- У меня людишки разные попадаются, - говорит он. – Вот недавно на заднее сиденье сели две девушки, обнимаются, целуются..

- Лезбиянки, наверное? – спрашиваю.

Водитель смотрит на меня, как на идиота, и произносит:

- Нет, вроде, русские.

В начале девяностых в Нижневартовске в зубной клинике работал врач Сергей Петрович Голубых.

Случилось это в день его дежурства.

Приходит в клинику стопроцентный браток: пиджак, цепь в палец толщиной на шее, на пальцах татуировки, полный рот золотых коронок. И под одной из них зуб загнил. Садится он в кресло.

Ассистенты врача ему в рот заглядывают и думают, что делать?

По всему видно, надо коронку опускать, так это называется.

- Ну, что делать будем? – спрашивает первый.

- А что делать? – отвечает второй. - Опускать будем.

- Тогда зовите Голубых, - говорит первый.

Братка из кресла сдуло.

Бурный девяносто шестой. Глухая зимняя ночь. Три часа. Нижневартовская городская больница.

Хорошо подогретые друзья привезли разухабистого и столь же тёплого братка прямо с шумной вечеринки. Крутой, весь в цепях и наколках, браток, привыкший, чтобы его красиво обслуживали, жалуется на животик. Ведёт себя безобразно: куражится, хамит, матерится, закидывает ноги прямо на стол.

Медсестры на грани истерики. Одна из них звонит в ординаторскую дежурному хирургу.

А дежурит этой ночью Вася Недорезонюк. Тридцать два года, рост сто девяносто, вес сто двадцать. Телосложение очень крепкое. Стрижка под ноль. Характер спокойный, уравновешенный, надёжный товарищ, добрейшей души человек.

Доктор Вася только пришел с экстренного вызова. Замучился в дороге. Добрёл в дежурку, свалился на кушетку и моментально отключился.

И тут раздаётся оглушительный треск телефона во тьме. Доктор вскочил и схватил трубку

- Хирурга - в приёмное, срочно!

Доктор Вася, нашарил в темноте фонендоскоп, повесил его на шею и бросился в приёмный покой. А дальше – картина маслом: распахивается дверь и в приёмный покой влетает доктор Вася, останавливается напротив братка и хриплым со сна басом вопрошает:

- Что беспокоит?

Браток меняется в лице, улыбочка сползает с его пунцового лица, и он говорит дрожащим голосом:

- Да ничего, доктор, извините, доктор, уже всё прошло.

Доктор Вася издаёт вопросительный рык.

- Извините за беспокойство, доктор, до свидания! - браток застёгивает кожан, приобретает совершенно приличный вид, бочком, по стеночке пробирается к выходу и исчезает.

С улицы доносится рёв стартующего автомобиля.

Все в недоумении глядят друг на друга, потом на доктора Васю. Персонал хватается за животы и начинает дружно гоготать. Доктор Вася всей своей громадой стоит посреди комнаты в истерзанном хирургическом костюме с пятнами крови, с помятой мордой и налитыми кровью глазами.

На бычьей шее, спускаясь на мощную грудь, висит... кипятильник.

Аэропорт города Урай. На обочине рулевой дорожки аэродромный работник обычной косой-литовкой обкашивает траву около сигнальных фонарей. Накрапывает нудный мелкий дождик, и мужик накинул плащ-палатку. Косит.

В этот момент вырывается на взлёт по этой самой дорожке Як-42.

Дядька отходит метров на двадцать и стоит, ждёт. Капюшон на голове, в руке коса.

Борт катит мимо, и мужик приветливо машет самолёту, желая ему счастливого полёта.

- Диспетчер, - кричит по радиации пилот, - скажи своему косарю: пусть хоть косу положит, пока у нас пассажиры через аварийные люки не выпрыгивали!

Дань

памяти и славе...

Посвящается 75-летию со Дня Победы
в Великой Отечественной войне
1945-2020гг.

Светлана ВАСИЛЕНКО

- ✚ Первый секретарь Правления Союза российских писателей (с 1996)
- ✚ Главный редактор двух альманахов: поэтического «Паровозъ» и универсального литературно-художественного альманаха «Лёд и пламень»
- ✚ Член Русского ПЕН-клуба, Союза кинематографистов России (гильдия кинодраматургов), Союза журналистов России и Союза российских писателей,
- ✚ Председатель оргкомитета Международной Волошинской премии (с 2007), председатель жюри Чеховского, Лермонтовского, Тютчевского, Тургеневского конкурсов (с 2013).

Василенко Светлана Владимировна родилась 24 января 1956 года на Волге. В 1983 году она окончила Литературный институт им А.М. Горького, отделение прозы, в 1989 году – Высшие сценарные и режиссерские курсы. Писать начала с детства. Первая публикация в 17 лет – стихотворение «Я качусь по тротуару, как вагонетка» – было опубликовано в газете «Комсомольская правда» 8 февраля 1973 года.

Автор изданных книг: «Звонкое имя», изд. «Молодая гвардия», М., 1991, «Шамара», изд. «Столица», М., 1991, «Рассказы», изд. «Узорочье», Рязань, 1997, «После войны» (в соавторстве с А. Яхнисом), Рязань, 1998, «Русалка с Патриарших прудов», изд. Виктора Гоппе, М., 2000, «Дурочка» изд. «Вагриус», М., 2000, «Дурацкие рассказы», изд. Виктора Гоппе, М., 2005, «Стихи», изд. Гуманитарий, М., 2007, «Город за колючей проволокой», приложение к журналу «Огонек», М., 2009, «Проза в столбик», изд. Союз российских писателей, М., 2010, «Ёлка, или Прекрасный лётчик», изд. Союз российских писателей, М., 2015, «Дневные и утренние размышления о любви», изд. Союз российских писателей, М., 2016, «Обнаженная натура», изд. Союз российских писателей, М., 2018. Произведения Светланы Василенко публиковались в центральных газетах и журналах России: «Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Юность», «Литературная учёба», «Москва», «Советская литература», «День поэзии», «День и ночь», «Меценат и мир», «Литературная газета», «Литературная Россия», «День литературы», альманахах «Паровозъ», «Лёд и пламень» и др.

По сценариям Светланы Василенко поставлены фильмы: «Некрасивая» (по мотивам рассказа Юрия Казакова «Некрасивая», «Мосфильм», 1994), «Шамара» (Киевская студия им. А.Довженко, 1994), «Горячев и другие» (в соавт., «Мосфильм», 1995), «Простые истины» (в соавт., студия им. Горького 2000), док. фильм «Место» (студия «Человек и время», 2001), худ. фильм «Ботинки из Америки» (студия «Глория», Берлин, 2001), «Котлован. Случайный взгляд» (по мотивам произведений А. Платонова, «Мосфильм», 2005). Светлана Василенко – одна из организаторов и авторов международного русско-китайского издательского проекта: «Проза из Китая» – «Проза из России». Её рассказы и роман на китайском языке опубликованы в журнале «Писатели» (Writer magazine) (Китай, г. Чаньчунь) в 2016 и 2018 гг. И составительница сборников женской прозы: «Непомнящая зла», «Новые амазонки», «Брызги шампанского», «13 историй о любви», «Я научила женщин говорить...» (в 2-х томах), «Русский женский декамерон», «Дочки-матери». В начале 90-х годов XX века она была лидером группы женщин-писательниц «Новые амазонки».

Награждена за вклад в культуру Благодарственным письмом Министерства культуры Российской Федерации, а также медалью М.А. Шолохова, Ф.И. Тютчева, М.Ю. Лермонтова (Министерство культуры РФ), медалью президента Республики Калмыкия за вклад в культуру, медалью Союза журналистов России.

Книга «Звонкое имя» получила международную премию «Лучшая европейская книга года» (Прага, 1991). За лучший сценарий присужден Высший приз им. Сергея Эйзенштейна (Германия, 1994). Фильм «Шамара» получил приз им. Ива Монтана на Международном фестивале женского кино в Минске (Беларусь, 1995). Лауреат премии журнала «Новый мир» за роман «Дурочка» – 1998, а также премии им. Владимира Набокова – 1999. Фильм «Место» получил главную Национальную премию гильдии режиссеров документального кино России «Лавровая ветвь» – 2001. Повесть «Шамара» – вошла в шорт-лист премии Л.Н. Толстого «Ясная поляна» – 2005. В 2006 – лауреат Общенациональной литературной премии им. А.М. Горького. Рассказ «Город за колючей проволокой» – шорт-лист премии им. Юрия Казакова – 2007. Книга «Дурочка» на польском языке вошла в шорт-лист Международной литературной премии Центральной Европы «Ангелус» (г. Вроцлав, Польша, 2008). Книга «Проза в столбик» получила первую премию Берлинского института как «Лучшая книга 2014 года» в номинации «Поэзия». В 2017 книга «Дневные и утренние размышления о любви» вошла в лонг-лист премии Фазиля Искандера Русского Пен-клуба. Рассказы и романы Светланы Василенко переводились на английский, немецкий, итальянский, французский, польский, чешский, исландский, голландский, финский, белорусский, казахский, узбекский, японский, китайский, корейский, хинди языки. Изданы книги на немецком языке в Германии, на английском в США, на польском в Польше, чешском – в Чехии. Светлана Василенко проводит семинары прозы и читает лекции по литературе для литераторов на Всероссийских совещаниях молодых писателей и студентов: в Литературном институте им. А.М. Горького (Москва), в Домах творчества в Малеевке и в Переделкино (Московская область), в Доме-музее им. М.А. Волошина в Коктебеле и Севастополе (Крым), в Каменске-Уральском, Челябинске, Оренбурге (Урал), Ярославле, Красноярске, Нижнем Новгороде, в Кишиневе (Молдова), в Доме-музее им. Михаила Булгакова в Москве. Читала лекции о современной русской литературе и о современном российском кинематографе в Китае (Пекинский университет, Чаньчуньский университет, Шанхайский лингвистический университет, Чжэцзянский университет и другие), Индии (Делийский университет), Германии (Берлинский, Эрфуртский и другие университеты), Дании (университет в Копенгагене), США (университет в штате Нью-Мексика).

ВОСПОМИНАНИЯ О МАМЕ И КАПУСТИНОМ ЯРЕ

эссе, рассказы, мини-рассказы

*Памяти мамочки моей,
Василенко Марии Савельевны, посвящается*

МАМА И ПАРАД ПОБЕДЫ

Сегодня (9 мая) возила маму и нашу соседку тетю Галю (им обеим по 87 лет) как участников войны на парад Победы. Парад проходил на площади Королёва. Их посадили на трибуну, где сидели ветераны войны. Потом пригласили в кафе, налили фронтовые сто грамм, которые они одолеть, конечно, не смогли. Надарили им цветов, пели песни военных лет, сфотографировались с генералом, одним из основателей ракетного полигона Капустин Яр. Вернулись очень довольные.

Мама, Василенко Мария Савельевна, встретила войну 15-летней девчонкой в совхозе «Красная заря» Боковского района Ростовской области. Через год туда пришли немцы. На соседнем хуторе, где жила родная тетка мамы — безногая тетка Харита скрывались наши советские разведчики. Они совершали диверсии в тылу врага: пускали под откос поезда, взрывали военные объекты, перерезали электрические провода. Все это они описывали в своем дневнике.

Мама с младшей сестренкой Мариной носила им на хутор еду. Однажды, когда она шла обратно, ее догнал на телеге староста, назначенный немцами, и пригласил подвезти до дома. Между разговором он сказал: «Девочка, а что это у твоей тетки солдатские гимнастерки на веревке сушатся? Или она совсем ничего не боится? Немцы же придут, проверят». Мама отговорила тем, что ничего не знает.

В ту же ночь арестовали всех разведчиков вместе с теткой Харитой и маму. Отправили их в тюрьму в городе Миллерово в той же Ростовской области. Сначала маму посадили в одиночку, потом пытали (сжимали железным обручем голову, засовывали пистолет в рот, грозя пристрелить), заставляли ее рассказать о том, что она знает о разведчиках и чем она им помогала. Мама молчала. Она уже

из газет знала о Зое Космодемьянской и хотела быть, как она. Однажды на допрос притащили безногую тетку Хариту. Та пронзительно кричала немцам: «Делайте со мной, что хотите, только дэтыну не трогайте!» Тетку Хариту в тот же день расстреляли. Харитина Ивановна Василенко похоронена в братской могиле, которая находится в городе Миллерово.

Мама случайно в тюремном коридоре увиделась и с одним из разведчиков — Сашей. Он дал ей припрятанный в кармане хлеб и сказал, что они во всем признались, так как немцы нашли их дневник, где были описаны все их действия. Там же было написано и о маме, что она приносила им еду. Маме сказали, что всех разведчиков расстреляли. Сашу тоже расстреляли, но мама до сих пор верит, что он жив.

Маму же отправили в концлагерь для политических пленнх под Миллерово. Уже нашей победой закончилась Сталинградская битва и началось наступление на запад. Там, в лагере, мама вместе с другими узниками выходила в степь и под пулями копала могилы для убитых немцев. Однажды увидели в небе воздушный бой двух самолетов — нашего с немецким. Наш самолет этот бой выиграл, и мама с другими пленными громко радовалась этому. Один из пленнх, пожилой мужчина, их остерег, мол, немцы увидят, тише, молодежь.

В один из дней прилетели советские самолеты и начали бомбить Миллерово. В городе и лагере началась паника. Немцы и румыны бежали из города на грузовиках и автомобилях. Лагерь на время остался без охраны и многие пленные стали разбегаться. Мама с одной из девушек, с которой сдружилась уже в лагере, тоже бежала. Девушку звали Женей, она была старше мамы на восемь лет и была коммунисткой. Она жила в станице Вёшенской, им с мамой было в одну сторону, и они решили добираться вместе.

Был февраль, шли, обходя населенные пункты стороной, скрываясь от немцев. Ночью попросились в одну из хат станицы. Хозяйка дверь не открыла, стала их прогонять. Но мама с Женей очень устали, замерзли, оголодали, сил идти дальше у них не было. Они сели, укывшись лагерным одеялом, которое взяли с собой, на ступеньки крыльца и решили здесь заночевать. Но начала брехать хозяйская собака. Через какое-то время хозяйка вышла вновь, вынесла им поесть и попросила уйти, иначе расстреляют семью. Делать нечего, пошли дальше.

Видимо, от безысходности Женя предложила зайти к ее брату, полицаю, который жил в этой станице. Женя считала, что брат сестру не выдаст. Мама сомневалась, но деваться было некуда: или замерзнуть, или идти к брату Жени. Брат их встретил приветливо, Женю напоил чаем. Мама как стояла на пороге, так и осталась стоять. Ей чаю не предложили, и она мучительно завидовала Жене. Брат расспрашивал сестру про жизнь в лагере, сочувствовал, а сам послал сына за немцами, и через полчаса за мамой и Женей пришли полицаи и арестовали их. Их отвезли опять в Миллерово, но уже не в лагерь, а в ту тюрьму, где мама сидела сначала.

После Сталинградской битвы румыны стали относиться к узникам тюрьмы лучше, даже заискивали перед ними, говорили, что они не виноваты в развязывании войны, кормили галетами. Потом началась битва за Миллерово, которая продолжалась трое суток. И румынские, и немецкие охранники тюрьмы сбежали, мама с другими узниками сидела трое суток голодная, не зная, что будет дальше. Слышались только разрывы гранат, свист пуль, артиллерийские залпы. Наконец, двери тюрьмы открылись: на пороге стояли наши, русские советские солдаты! Сколько было радости! Каждому узнику солдаты раздали немецкие галеты и выпустили на свободу.

Мама с Женей опять пошли домой вместе, везли домой санки с галетами. По дороге их подвез грузовик. Сначала водитель отвез маму до «Красной зари», потом повез Женю до Вёшенской. Отец мамы, мой дед Савва, страшно плакал, увидев маму живой и невредимой: он думал, что ее расстреляли.

После войны мама закончила строительный техникум в городе Ворошиловграде (ныне город Луганск) и была направлена в Астраханскую область — в молодой строящийся военный город Капустин Яр. Работала в КЭУ инженером, отвечала за водоснабжение города и ракетных площадок. Ее называли Маша Холодная, так как она заведовала холодной водой. А была еще Маша Горячая, та заведовала соответственно водой горячей. Мама гордится тем, что вместе с другими построила наш удивительный, вечно молодой Знаменск.

*9 мая 2013
г. Знаменск Астраханской обл.*

СКВОРЦЫ ПРИЛЕТЕЛИ!

В Астраханской области не тепло, а по-летнему жарко. Словно доказывая себе и миру после столь холодной зимы, что выжили, живы, разом начали цвести в саду вишни, яблони, расцвели тюльпаны, ландыши, сирень.

Муж по моей просьбе смастерил два скворечника, один привязали к вишне, другой — к яблоне. На другой день в скворечниках поселились скворцы. Три дня они, сидя чуть выше скворечников, пели брачные песни (или песни новоселов).

Мама после перенесенного инсульта в свои 86 лет обошла с палочкой весь наш цветущий сад и осталась очень довольна. Однажды в письме астраханскому начальству, где она просила провести в дом газ и воду, она написала: «Я вместе со своим народом победила в войне (была партизанкой), построила в степи город (ракетный полигон Капустин Яр), воспитала дочь-писательницу (то есть меня) и вырастила сад». Вот так: для нее Победа, Город, Дочь и Сад — как главные свершения жизни.

Сегодня скворцы устав от собственных песен, начали деловито таскать в домики разные прутики — стали гнездиться.

Весна, сад, счастье.

МАРИНКА

Мама после инсульта путает, кто жив, а кто нет. Спрашивает у меня. Я говорю ей, что тот или эта умерли. Мама недоверчиво смотрит на меня. «И Вовка?» — спрашивает мама. «И Вовка», — отвечаю я. Вовка — это мой отец, которого она любила всю свою жизнь. Мама замолкает. А потом через день опять спрашивает.

Вот и сегодня. Зашла соседка Надя. Разговариваем о том о сём. А мама все невзначай нас среди разговора спрашивала, мол, где же Маринка? Соседка не понимала, что за Маринка. Но потом сказала, что, видимо, мама её дочку Лену называет Маринкой. Но я-то знаю, что это пунктик такой появился недавно у мамы насчет девочки Маринки, которая живет якобы с нами. И мама все время беспокоится, что Маринка эта: то ушла, то спит, то еще что-нибудь с ней происходит. Может быть, это ее умершая в этом году сестра, а моя тетя Марина, теперь девочкой у нас в доме поселилась? И мама ее видит, а я нет? Например, недавно она спросила, где ее тетка Харыта. Я ей сказала, что тетку Харыту расстреляли немцы во время войны. Но мама твердо и уверенно мне сказала, что тетка

Харыта жива. Я уж не посмела ее разубеждать. То есть она всех мертвых видит живыми. Может быть, оно так и есть, и ей они видимы. Ведь все живы у Бога. А значит, просто живы.

БЕЛЫЕ ТУФЛИ

Нашей соседке, тете Гале, в августе исполнилось 88 лет. А моей маме 87 с половиной. И вот они соревнуются: кто из них проживет дольше. Причем мама о смерти говорить не любит. Тетя Галя же напротив, любит пропеть в конце застолья в честь своего дня рождения, куда приглашаются старушки из соседних домов и улиц: «Эх! Пить будем, гулять будем! А смерть придет — помирать будем!» Собравшиеся старушки машут на нее руками: типун, мол, тебе на язык, Галина Васильевна! А тетя Галя помолчит-помолчит, потом добавит: «Смерть придет — меня дома не найдет! А найдет в кабаке — с поллитровочкой в руке! За нее, родимую, и выпьем на посошок!» Эта песенная добавочка всем нравится, раздумавшиеся старушки расходятся довольные.

Причем о смерти тете Гале говорить рано: она бодра, разумна, у нее прекрасная память, она шьет, вяжет, содержит дом в чистоте, готовит и по субботам два раза в месяц ездит со мной на такси в городскую баню, парится в парилке с веником долго, дольше всех. Любит тетя Галя прийти к нам в гости вечером, когда ее дочка Света уйдет на работу в ночную смену, и поговорить о «смертном» — об одежде, которую припасла себе на смерть. Платье она заказала у портнихи на резиночке — чтобы одевать ее, тетю Галю, мертвую, было бы удобно. Хвасталась, что уже купила ритуальные трусы, рейтузы, майку, белые гольфы. Загвоздка была одна — не было туфель на смерть. И вот однажды на воскресном базаре она, наконец-то, купила белые туфли. Радостно рассказывала мне и маме, какие эти туфли красивые, белые: не в гроб ложись, а на свадьбу в них невестой беги.

И вот прошло полгода и вдруг тетя Галя приходит к нам в гости с этими самыми белыми туфлями: мол, малы стали, ноги у нее распухли. И не подойдут ли ее белые смертные туфли Савельевне — моей маме? Я обмерла вся. И моя подруга Юля, которая к нам приехала из Калмыкии, тоже. Ведь примета-то плохая! Мама болеет, лежит, не встает, а тут ей смертные туфли приносят и просят примерить. Но вида не подаю. Беру у тети Гали туфли и с остановившимся сердцем подхожу с ними к маме. Держу их в руках, как смерть. Меряю. Туфли маме малы! Я облегченно

выдыхаю, нервно смеюсь и радостно кричу: «Туфли маме малы!» Тетя Галя огорчена: что же ей с ними делать? Мы советуем ей пойти на базар и отдать тем, у кого она их купила.

И когда тетя Галя уходит, вечер мы с подругой и мамой проводим празднично: радостно бродим по дому, целуем маму в щеки, произносим «белые туфли!» и невпопад хохочем.

Мама впервые за время своей болезни смеется тоже.

ТЕПЛО, КРАСИВО

Уже наступала весна, днем было плюс одиннадцать, набухли почки сирени и калины, в саду из земли вылезли листья тюльпанов, прилетел скворец и начинал пробовать голос, сидя на старой яблоне, как вдруг — бац — опять зима. Вечером убирала в кучи прошлогоднюю листву, смотрела на стволы яблонь и вишен, собираясь их назавтра побелить. А утром вышла — все стволы уже побелены, но так, словно бы кто из ведра небрежно выплеснул на них побелку. У меня даже голова закружилась от нереальности произошедшего. Кто это сделал, зачем? Кто мог подслушать мои вчерашние мысли? Потом присмотрелась — а это снег. Лежит в углублениях старой коры яблони, словно бы мел.

А утром следующего дня сломался газовый котел, отапливающий весь дом. Приехали газовщики и отключили его, сказав, что нужен новый котел. Температура — минус девять. Хорошо, что когда — десять лет назад — проводили газ, мы не сломали старую печку-голландку. Хорошо, что в сарае все эти годы нетронутыми пролежали дрова, а в душевой — уголь антрацит. Натопили, как раньше, печь, сидим с мамой в тепле, смотрим в окно на свежеснеженный снег. Тепло, красиво.

ВЕРАНДА

Веду полномасштабный ремонт в доме. Дошла очередь и до ветхой деревянной веранды: старые вещи выбросили, потолок покрасили, стены оклеили обоями, пол покрыли линолеумом, — просто новая красивая комната получилась, можно в ней жить. Показала с гордостью веранду маме. Вот что, мол, мамочка, получилось. Мама говорит: а где же моя веранда? Я показываю на пустую веранду, говорю — да вот же. Нет, говорит, это не моя веранда. У нее там всегда травы сушились, зерно для гуся

хранилось, веники дубовые висели, кошки на мешках с зерном сидели и в окошко смотрели, ну и т. д. — прямо сказочным местом была эта веранда волшебная. А теперь просто пустая комната. Еще не знаю, что туда и поставить.

ПОДСОЛНУХ

Еле я доехала из Волгограда, что-то мне было трудно ехать, задыхалась и очень жарко было, хотя уже было 17:30, когда я выехала.

Приехала, и до ночи поливала за двором картошку и вишни. А мама стояла на крыльце и кричала в темноту: «Света. Света!» Я отзывалась, что поливаю, и скоро приду. А она опять: «Света, Света!» Уже сорвала первые свои огурчики — три штуки. И помидорчик позавчера свой сорвала. И абрикосы пошли, хотя мало, но есть. А в том году не было ни одной штучки ни у кого.

И еще у нас подсолнух расцвел, который Ёжик посадил. Он в темноте мне и светил.

ИМАГО В СЕРОМ, ИЛИ ВСАДНИК АПОКАЛИПСИСА

У нас в Нижнем Поволжье жара страшная. Только вечером и живем. Вечера южные — роскошные. Цикады поют, звезды с полтинник, запахи одуряющие от цветов: лилия расцвела и петунья. Еще циннии цветут очень красиво: желтые, красные, розовые, сиреневые. Их у нас в военном городке называют майорами — оттого, что стебель прямой, а цветок жесткий, мужской, — и выглядит так, как раньше выглядела большая майорская звездочка на офицерских погонах.

Сегодня еще, когда днем сидели с мамой и ее подругой Ирой под шелковицей (у нас она называется тутовником) и пили чай с мятой, навестил нас разведчик — имаго саранчи. Такой огромный экземпляр в сером сюртуке прилетел и сел на побеленную стену дома. Лошадиное узкое лицо интеллектуала, внимательный взгляд огромных глаз, словно бы из-под окуляров. Всадник Апокалипсиса. Явно рассматривал нас, людей, сидящих за столом. Кошка его заметила и попыталась поймать, но он оказался намного ее умнее и упругий телом. Стрельнул — и улетел далеко в сад.

Что он высматривал? О чем доложит Всевышнему?

Ждать ли нам нашествия? Конца света? Или всё обойдется?

БАССЕЙН

Сегодня наконец-то поставила бассейн в саду. Он полтора месяца бесполезно валялся на специально забетонированной для него площадке, потому что в надувных бортах где-то был прокол, через который выходил воздух, и вода из бассейна выливалась.

Сегодня накачала воздух в борта, намылила их и сантиметр за сантиметром проверяла, где же эта дырка. Нашла. Малюсенькая такая. Кое-как залатала изоляцией, и бассейн готов.

Позвала маму. Ей 87 лет, но она очень любит плавать в бассейне. Плещется, смеётся. Плавали с ней минут сорок.

Чудесно! Совершенно другое качество жизни — и всё благодаря небольшому китайскому надувному бассейну.

ДЕНЬ ТИГРА

Вчера на обед сварила борщ, стараясь, чтобы все овощи были из нашего огорода. Готовила его почему-то как-то тщательней, что ли, чем обычно. Потом наготовила фаршированных перчиков, целые две огромные чугунные сковороды. Подумала еще: на поминки обычно перчики эти делают у нас в Астраханской области. Настругала салат. Накрыла на стол. Поставила бокалы для вишневого вина, которое сама сделала и только что сняла: разлила из десятилитровой бутылки по бутылкам.

— Ну что, говорю, мама, отметим День тигра?

И только-только начала в бокалы наливать темно-красное вино, как тут же вспомнила, что в этот день, 29 июля, 20 лет назад, умер мой отец Владимир Георгиевич Морев. Вот и помянули его с мамой.

Он бросил нас, когда мне было десять лет, уехал в Ригу, где учился в военной академии, там женился, там умер, там и похоронен. Мне не сообщили, когда он умер, позже сказали только день, когда это случилось. Несколько лет назад, когда я по работе была в Риге, то с его вдовой посетила кладбище Яна Райниса, постояла у могилы отца. Мама сказала, что когда он сообщил нам, что уезжает навсегда, я рыдала и страшно кричала, схватив его за колени: «Папочка, не уезжай!» Я этого не помню. Мозг вытеснил некомфортные воспоминания.

И вот и теперь: умом про его поминки не вспомнила, а подсознание (или душа?) помнит.

ГА!

Сегодня с утра тепло, даже припекает. Мама сидит на улице за столом на солнышке. Пришла соцработница, принесла продукты. Сидит, считает, сколько я ей должна. Спрашивает, а где же ваш гусь Кеша? Раньше он всегда здесь у стола с Ежом сидел, разговаривал с ним. Слушал человеческую речь того и отвечал, соглашаясь, тихо, по-мужски раздумчиво «Ке-ке-ке», — посмотришь на них, словно за жизнь два мужика калякают. А сегодня Еж уехал, и гусь спрятался в саду — горевать.

Я зову гуся: «Кеша! Иди сюда!» Гусь, вытянув шею, слушает меня и молчит. Опять кричу: «Кеша!» На этот раз отвечает громко и недовольно: «Га!» (Так в украинских селениях жена зовет мужа-лежебоку: «Петро!» А тот отвечает, зевая: «Га?!» Типа: отстань, баба, не видишь, казак думу думает!)

Опять зову: «Кеша!» Гусь отвечает, скрипуче и гортанно, словно несмазанная телега: «Га!» и, переваливаясь с бока на бок, словно белоснежный корабль, уходит от нас еще дальше — в темную глубь сада.

БИМКА

Сегодня поехала на Раковое озеро ловить брошенного там кем-то рыжего котенка. Взяла ему поесть: банку ухи, кефир, хлеб и сухой корм. Подъехала, позвала, он откликнулся. Покормила его, кидая ему намоченный хлеб. Он поел с удовольствием. Но в руки так и не дался. Залез в непроходимые заросли бурьяна и мяукает, но уже не так, как вчера, а поспокойнее. Решила съездить на речку, искупаться, а потом уже поймать котенка и везти домой. Проплыла вдоль всего берега: мимо заросшего старого городского пляжа, где уже никто не купается, и мимо солдатского пляжа, где тоже никого. Только двое дядечек рыбу сидят ловят. Поинтересовались у меня, есть ли рыба там, где я плыву. Наконец, увидела прекрасный песчаный пляж и большое скопление народа, приехавшего на нескольких машинах, — и решила тут и выйти. Вышла и увидела под кустом совсем маленького кутенка, черного, с белой шеей, белой звездочкой на лбу. Спросила у рыбака, не его ли собачка. Сказал, что нет. Обошла все компании, спрашивая, чья собачка и не хотят ли они ее забрать. Все отказались. В общем, взяла я ту собачку. И долго шла с ней, прижав ее к себе, по берегу к

моему велосипеду. Котенка решила отловить завтра или просто ездить к нему каждый день и кормить его, пока он ко мне не привыкнет. Так что у меня теперь есть маленькая собачка, даже не умеет еще есть, кормлю ее из ложки. Красивая такая девочка. Назвали ее с мамой — Бимкой. Но мама упорно называет ее Димкой.

— Мама, может, я ее завтра на базар отвезу, отдам в добрые руки? – спросила я.

— Нет, — сказала мама, – самим пригодится!

А вечером пришла тетя Галя. Собак она не любит. Но нашу одобрила. — Нарядная собачка! – сказала она.

ШАПИТО

С мамой ходили в цирк-шапито вчера, и нам очень он понравился. Там были и дрессированные собачки (как наш Грей, пудели) — они особенно понравились маме, были обезьянки, еноты, маленькая кенгуру стремительно носилась по арене в платице и так же стремительно умчалась за золотые кулисы, и были волки, и даже медведица в русском сарафане плясала «русскую» вместе с дрессировщиком. И были еще гимнастки под куполом, прямо до слез меня довели своим искусством, и клоуны очень смешные были, завели всех детей и нас тоже. Давно мы так не смеялись.

В общем, мы с мамой очень довольны остались представлением. И вышли, и пока шли, то нас перегнали молодые артисты из этого цирка и спросили, понравилось ли нам. Я сказала им, что очень, очень, и они, радостные и гордые, побежали в свое общежитие. Молодость, любовь, творчество! И труд огромный.

А еще несколько дней назад я шла мимо городского рынка и их еще не поставленного шапито, и они так грустно все сидели рядом. Жара, степь, пустыня и артисты, приехавшие в незнакомую местность. Придут ли зрители? Заплатят ли деньги за билет? Хорошо ли все пройдет?

И звери ходили ходуном по клетке, высунув языки, от жары изнывая. И я подумала, неужели вот из этого может что-то получиться? И специально пошла, думаю, ну, халтура приехала. И вот вдруг прямо на глазах из вот этого «сора» вырос прекрасный цветок искусства и творчества. Очень я была рада как-то даже философски.

ДВОЙНЯ

Вчера поздно вечером, когда мы с мамой уже легли спать, пришла к нам наша соседка по улице, тетя Галя, бодрая и веселая бабушка 88 лет. Дочь ее, Света — на работу на сутки, а она к нам — в гости. Ну, повскакали мы с мамой с постелей — чай, гостья пришла! Пришла она с кучей рекламных листовок и «Российской газетой», которую они со Светой выписывают. Пока мама с тетей Галей о ценах на базаре говорили, я «Российскую газету» проштудировала. В конце наткнулась на гороскоп. Прочитала вслух свой гороскоп на неделю: типа, чтобы не разбрасывалась деньгами в эту неделю, а сэкономила, потом мамин. Тут и тетя Галя просит, чтобы и ее гороскоп был мною озвучен. Она Лев по гороскопу. Читаю: ждет вас на этой неделе любовь, амурное свидание и огненная страсть, мол, не пропустите момент. Смеемся с мамой. А тетя Галя не смеется, задумчиво говорит нам: «Чего ржете? Момент действительно серьезный, пропустить никак нельзя. Если кто попадется, то пойду навстречу страсти, может еще, и двойню рожу, как Пугачева!»

Торжественно, как королева, поднялась и ушла в ночь.

ЦВЕТОЧЕК

Всю прошлую зиму жила у нас моя подруга детства Юля. У нее никого нет: родители давно умерли, а год назад умер и ее муж Сережа. Третьего марта у Юли был день рождения, и я подарила ей живой цветочек в пластмассовом горшочке. Он уже зацвел голубенькими цветами. И цвел, пока она не уехала в свою Калмыкию. А уехала, он захирел, поник, листья его пожелтели, и я выставила его на улицу: вдруг да оклемается. Ну и забыла про него напрочь. Прошли весна, лето, осень, и вот несколько дней назад смотрю, среди сухой травы стоит Юлин крепенький такой и зелененький цветочек в горшочке. Хотя уже и заморозки были, минус пять градусов. Принесла его домой, полила. А тут мне уехать из дома надо было на несколько дней, и я Юле позвонила, мол, приезжай, за мамой присмотри. Она с радостью: приеду.

Вот сегодня, в понедельник, должна приехать. А вчера, в воскресенье, смотрю: цветочек вдруг зацвел — голубенькими цветами, — как раз к ее приезду. Вот и встретятся.

ЧЕРНЫШ

Пока были мы с мамой на концерте в Доме офицеров, умер наш старый черный кот Черныш. Он до конца сидел рядом со мной, я его гладила, потому что он плохо себя с утра чувствовал, кашлял, и сопливился, и трудно дышал, но потом я чем-то отвлеклась, и смотрю, его уже нет, посмотрела, он спрятался за диваном моим в комнате, где телевизор, и лежит там. Я думала, что отлежится.

Но после концерта пришла, посмотрела за диван, а он уже лежит недвижим. Достала и похоронила пока в саду, прямо в снегу, там, где летом бассейн ставим, у забора соседей. Сегодня оттепель, надо бы перезахоронить. Я его помню огромным красивым молодым котом, совершенно блистательным. Черный кот с белой бабочкой. И теперь помню его уже больным, очень похудевшим за последнее время добрым старичком, который всех лечил. Если болеет кто, обязательно подойдет и ляжет там, где болит. Недавно он сидел рядом с молодой кошечкой Катей на диване и чой-то ей мурчал на ушко. И она прямо как девушка улыбалась. И он улыбался тоже. Таким я его и запомнила. Лет десять он все же прожил. И если бы не болезнь, может быть, и еще жил. Подруга Юлька говорила мне, что надо бы поколоть ему антибиотики, но я не стала его мучить. Правда, не думала, что так быстро он после этого разговора уйдет.

Ушел в свою страну кошачью.

ДОМОЙ!

Пятого февраля моей мамочки (Марии Савельевны Василенко) не стало. Я не успела приехать из Москвы, чтобы увидеть ее живой. Моя подруга Юля, которая с ней сидела, сказала, что мама в два часа ночи в самый мороз (- 27) ушла из дома (у мамы в последнее время была навязчивая идея (синдром ухода), что ей ночью надо идти куда-то, как она говорила: «Домой!» — она собирала вещи в узелок и пыталась выйти из дома. Я ее попытки всегда пресекала). Мама дошла до соседнего дома и упала. Тут сиделка проснулась, кинулась ее искать, выбежала и нашла маму лежащей на снегу. Вызвала «скорую» и МЧС. «Скорая» не приехала, а МЧС приехали через час. Мамочка замерзала, так как вышла без варежек и в шлепках и в легкой курточке. МЧСники внесли ее в

дом и положили на пол. Утром я позвонила, и Юля сказала, что с мамочкой плохо. Я позвонила соцработнице, и та вызвала уже «скорую». Но сказала, что обморожения легкие, и наш старый и опытный врач-хирург сказал ей, что угрозы для жизни нет. И я вместо того, чтобы лететь самолетом, взяла билет на поезд и долго ехала, почти сутки. И не успела. Оказывается, у мамы, видимо, от падения, лопнул сосуд рядом с кишечником и получилось загноение, оно вылилось в гангрену сосудов кишечника, и мамочка скончалась в больнице. Умерла тихо, ее после ужина вечером перепеленали, положили на бочок спать, она дышала-дышала и перестала дышать. Это было в 19 часов 20 минут пятого февраля. А я приехала в Волгоград шестого февраля в 8:25, села в маршрутку и тут мне позвонила соцработница и сказала, что мамы больше нет. Похоронили ее на сельском кладбище на центральной аллейке рядом с могилой ее подруги Никулиной Пелагеи Кузьмовны. Мама тридцать лет ухаживала за этой могилкой и всегда говорила, чтобы если что, то ее положить здесь рядышком. С похоронами помог генерал полигона. Были и автобусы от военных, и венок, и даже духовой оркестр. Как-то мама мне сказала, что хотела бы, чтобы ее провожал духовой оркестр, и так оно и исполнилось. И поминки сделали в кафе «Березка», которое она очень любила из-за вкусных пирожков и тоже высказала как-то мимоходом желание, чтобы там ее помянули. Отпели мамочку в церкви святого Николая, той, что стоит на горе, церковь вся эта выкрашена в сине-голубой цвет, как небо. Священник отпевал ее так проникновенно, что я его после отпевания поблагодарила. Он сказал, что видит, что она человек заслуженный, что мамочка моя — героиня войны (на подушечке лежали ее орден и медаль) и поэтому отпевал ее с чувством благодарности к этому великому поколению. В годы войны мама моя была партизанкой, ее поймали, пытали, она сидела в фашистской тюрьме в городе Миллерово Ростовской области. В 1943 году мамочка убежала из немецкого плена и шла по февральской заснеженной ростовской степи до своего дома в совхозе «Красная заря» сто километров пешком. Вот и теперь отправилась в февральские морозы — «Домой!» Накануне своего ухода она сказала Юле, что хочет найти свою мать. Не мачеху, добавила она, а свою настоящую мать. Ее мать умерла, когда ей было одиннадцать лет, и потом ее воспитывала мачеха. Теперь она нашла свою родную маму.

22 февраля маме исполнилось бы 88 лет. Царствие ей небесное!

ГУСЬ КЕША

Вчера, 22 июня, в воскресенье, наш сказочный белоснежный гусь-лебедь Кеша умер.

Он дня два был какой-то вялый, плохо ел и почти не пил воду. Но я думала, это из-за жары и мошки. И вот мошка закончилась, Кеша стал выходить в сад (до этого он прятался от мошки в своем домике). Позавчера я его уже поздно нашла далеко от домика в траве под яблоней и загнала обратно. А вчера вышла вечером, чтобы его попоить и загнать, и вижу, что собака, вышедшая со мной, вдруг остановилась как вкопанная, — и увидела Кешу лежащим около дорожки недвижимым. Рядом с ним сидел ёжик. Ёжик испугался собаки, убежал.

Я подумав, что ёжик ранил гуся, стала рассматривать Кешу. Но ран не было. Он просто умер. Кеша умер, видимо, и от старости (18 лет исполнилось ему весной), и от тоски по моей ушедшей в феврале этого года маме.

История Кеши такова. Маме в день ее 70-летия ее сестра Марина подарила два гусиных яйца. Яйца подложили под курицу. Вскоре вывелись два гусенка: девочка и мальчик. Девочка рано погибла, а мальчик — Кеша — остался. Мама за ним ухаживала все эти 18 лет, кормила, поила его, разговаривала с ним. Он ей отвечал гортанно: гага-га! И она ему говорила: дада-да! Так они и разговаривали. Он любил обвить ее шею своей и тихо что-то шептать ей на ухо: хе-хе-хе. Был он романтичный и влюбчивый. Однажды влюбился в расцветшую белую лилию. Видимо, она ему напоминала его погибшую подругу. Приходил к ней утром, садился рядом и, забыв о еде, восторженно смотрел на нее весь день.

Он был такой грустный после маминого ухода, все последнее время. Я даже на днях задумалась, что ему надо купить гусят. И даже вчера утром, в воскресенье, собиралась поехать на базар посмотреть, есть ли там утята или гусята. Когда у нас были утята, Кеша очень трогательно заботился о них: ранним утром бежал к ним, к клетке, где они находились, подолгу стоял рядом и ждал, когда мама выпустит утят, охранял их от ворон, водил на купанье к корыту в саду, поднимал шум, если видел приближающуюся к утятам кошку.

Кешу я похоронила в саду. Потом сказала соседке Рае, что вот, может, надо было его зарубить. «Ты что, — сказала она, — он же у вас как человек был!» Сегодня хожу, маюсь, думаю о Кеше. Что он полетел за мамой, ее догонять. Другая соседка, Света, хотела его

забрать на зиму к себе, приготовила ему домик из сарая. Она ухаживала за Кешей в мае, когда я уехала, очень полюбила Кешу и говорила мне, когда я вернулась: «Кеша — мой друг!»

Он был и мой друг. Вот, нашего друга Кеши не стало.

ДУРНОЙ СОН

Ехала в поезде из Ставрополя с форума всех творческих союзов. Заснула на второй полке и приснился мне дурной сон. Словно бы сидим мы с мамой (во сне она живая) в своем доме в Капустине Яре, и вдруг дом начинает раскачиваться, на улице бульдозеры рычат, на нас с мамой уже балки сверху летят. Тут я выбежала посмотреть, что же происходит. Смотрю, бульдозеры наш дом ломают. Я их остановила. Влетаю в дом — а там мама под досками кричит. Раскидываю доски, — а там мама моя раненая, в крови, но живая.

Проснулась: вагон раскачивает, как мой дом во сне, скрипит. Говорю попутчицам: дурной сон приснился. Они говорят: не берите в голову, все будет хорошо. Тут мне по мобильному телефону звонят, говорят, твои лучшие друзья-писатели на тебя клязузу написали, приедешь, прочтешь.

ПЛАЧ

Это случилось где-то за два месяца до маминой смерти. Я сидела в своей комнате и вдруг услышала ее тихий плач. Пока я раздумывала, что на этот раз могло стать причиной этого внезапного плача, он становился все громче и громче. В последнее время, после перенесенного инсульта, она часто обижалась на меня. Что-то не так скажу — и она в слезы. Что-то она скажет, а я не пойму ее, — и опять плачет. Но я всегда тут же просила у нее прощения, зацеловывала ее, и она быстро успокаивалась, прощала меня, начинала улыбаться.

Я побежала в мамину комнату. Мама лежала на диване и рыдала. Худенькое тело ее сотрясалось от рыданий, впалые щеки были мокры от слез. Я бросилась к ней:

— Мама, мамочка! Ты на что-то обиделась?

— Не хочу умирать! — сказала мама.

И я ее стала утешать, что она не умрет, что она же стала выздоравливать, начала ходить сначала по дому, потом гулять на

улице... Мама слушала меня сначала недоверчиво, всхлипывая, потом затихла, а я сидела и укачивала ее, как ребенка.

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Вчера пришла в гости тетя Маша — мамина подруга. Мама ее очень любила. Когда они встречались, то очень радовались друг другу, словно сестры. И так получилось, что именно тетя Маша была последней, кто видел маму живой. Она моложе мамы на девять лет, и мама считала ее молодой. Но вот и «молодой» тете Маше исполнилось уж 82 года. Слово за слово, и вдруг выяснилось, что она уж два года не может найти могилу мамы на нашем разросшемся капустиноярском сельском кладбище.

Тут же и решили сходить на кладбище с тем, чтобы я ей показала мамину могилку. Взяли тяпку, грабли и пошли. На кладбище показала тете Маше, по какой тропинке идти. Она всегда шла по тропинке направо, а надо — налево. Сначала тетя Маша прочитала молитвы у могилы своей любимой подруги, моей мамы, потом начала рыхлить землю, выстраивать из холмика земли подобие гроба. Рыхля, она выпевала молитвы. Молитвой помянули и Пелагею Кузьмовну, знакомую мамы, за могилой которой она ухаживала долгие годы и рядом с которой просила ее похоронить, что и было мною исполнено.

Попрощавшись с мамой, мы пошли к могиле матери тети Маши. Ее мама жила 93 года и один месяц. Умерла сравнительно недавно — в 2000 году. А родилась в 1907-м. Чуть-чуть не дожила до своего столетия. Над ее могилой росла старая акация. А рядом — молодая. «Вот тут, — сказала тетя Маша, — под молодой акацией и похороните меня, так я детям своим приказала». Потом пошли обратно, думая, что придем опять к могилке моей мамы, но вышли на тропинку, по которой всегда ходила тетя Маша, — ту, что шла направо, и к маме уже не попали.

А по дороге тетя Маша показывала мне, где лежат ее родственники — жена старшего сына Володи, умершая в 47 лет от рака, сваты — свекр и свекровь дочки тети Маши Светланы, внучка Алена, первая дочь Светланы, не дожившая и до полгодика...

Мы шли и шли, и тетя Маша мне показывала на памятники и кресты: этот был врачом в поликлинике, хороший был врач и человек, тот хирургом, многих спас, а вот тот военным, дослужился до подполковника и погиб на учениях, Таня Выскубина рядом со

своим папой Иваном, а маме ее, тете Гале, уж 90, еще жива, а где-то здесь могилка другой подруги матери Валентины Редкобаевой, помнишь, горб у нее был, рос и рос, а вот теперь лежит Валя, как все, говорят же, что горбатых могила исправит, а здесь соседи ваши по улице, крест к кресту, весь род Цапковых захоронен... Увидела гранитный памятник с надписью «майор Чекалин», обрадовалась: «Вот, по этому памятнику мы с твоей мамой и находили могилу Пелагии Кузьмовны, той, с которой мама похоронена!» И как же она могла забыть этот ориентир — майор Чекалин!

Возвращались с ней домой по пыльной улице села и она вдруг остановилась и со значением глядя мне в глаза вдруг призналась: «Знаешь, обычно я иду с кладбища печальной, а сегодня так радостно на душе. Будто мы с Машей, мамой твоей, и вправду, как раньше, свиделись!»

ИНВАЛИДНОЕ КРЕСЛО

Сегодня приснилась мама. Будто везу я ее в инвалидном кресле по Капустину Яру, весна, кругом яблоневые сады, все цветет, и она радостно все оглядывает. Я говорю с ней и вдруг понимаю, что она мне отвечает все правильно, а раньше, после инсульта, что-то не то говорила, не понимала, путалась во времени и пространстве. А теперь вот все понимает и отвечает. И я так радуюсь там, во сне, что вот мама наконец-то выздоровела. И нам так хорошо идти вместе.

Сон этот когда-то был явью. Год назад я повезла ее в сбербанк в инвалидном кресле, и она жадно на все смотрела и комментировала: тут новый дом построили, тут спилили дерево, тут покрасили забор. И меня поражало, что такая память в ней проснулась вдруг, а до этого сидела дома, ничего не помнила и ничего как будто не понимала. Когда вернулись, совершенно уставшие, она сказала, что как хорошо прогулялись, вот бы так еще. Но больше не получилось — мамы не стало.

И вот приснилась.

Но я утром этот сон забыла, заспала. А днем пришла соседка, мамина ровесница, тетя Галя, посмотреть мой ремонт и вдруг, увидев мамино инвалидное кресло, захотела в него сесть. Мы сначала ее отговаривали, а потом все же посадили ее в него, и она радостно затихла и я вдруг сразу вспомнила сегодняшней мой сон,

цветущие сады на нашей улице и маму, — и то тонкое, волшебное чувство родства, когда два родных и любящих человека идут сквозь этот цветущий мир, разговаривают и понимают друг друга, — даже если один из них здесь, еще на земле, а другой — уже там, на небе.

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Сегодня шла по площади Ленина г. Знаменска (Капустин Яр) Астраханской области на военном параде в рядах «Бессмертного полка». Школьники и взрослые люди несли фотографии участников Великой Отечественной войны, погибших на войне и умерших после нее.

Я несла фотографию мамы — Василенко Марии Савельевны. Девчонкой она помогала нашим разведчикам на оккупированной фашистами территории (Боковский район Ростовской области). Немцы арестовали ее и ее родную тетку Харыту и бросили в тюрьму г. Миллерово. Ее пытали, тетку Харыту расстреляли. Освободили маму в 1943 году бойцы Советской армии. Еще год назад мы с ней ходили на парад Победы. В феврале ее не стало. И в этом году я прошла с ее портретом по площади.

Рядом шли люди, которые несли портреты своих отцов и дедушек. Перед парадом многие из нас перезнакомились. Рассказывали друг другу о своих близких и родных людях. Девушка, которая стояла рядом со мной, несла портреты двух своих дедов. Фамилии их здесь, в Кап-Яре, очень распространенные — Выскубин и Буряков. Жили, сказала она, один на улице Крестьянская, а другой — на Кооперативной. И сразу они стали для меня тоже очень близкими людьми.

Мы беспокоились, как пройдем, ведь не репетировали. Но когда подняли портреты и пошли, то я почувствовала, как сама собой выпрямилась спина и появилась необыкновенная гордость и стать. Прошагали мы мимо трибун, чеканя шаг и высоко поднимая портреты. Потом мне сказали, что наш «Бессмертный полк» шел лучше всех.

*9 мая 2014
Знаменск Астраханской обл.*

*2013 — 2014
Капустин Яр — Знаменск*

Николай ШАМСУТДИНОВ

БАЛЛАДА О СИБИРСКИХ ПОЛКАХ

Баллада о них начинается... Ши-и-ирь!
Зарёванным ситцем полощет Сибирь,
Последнюю баржу уносит война,
До мыса её провожает волна,
И бьётся над талой судьбой мужиков
Истошная стая прощальных платков.
Ни жён не щадя, ни седин, ни крестин,
Стояла дворами тоска проводи́н...
Навеки запомним: под хохот уключин,
В холодных ладонях осенней реки
Полощут, взлетая на синие кручи,
И рушатся в пропасти – бабьи платки.
Эх, бабы...
Всходили и падали зори,
На слабых руках обвыкались мозоли,
Но, не покладая обветренных рук,
Работали бабы, вздыхая натужно,
Одно сознавая: хоть трудно, а нужно!
И – «Каждый осётр – снаряд по врагу!»
Они зоревали в тоске по любимым,
Под северным небом, полуденным дымом...
И в пушечных глотках гремели ветра,
Холодные ветры осенней путины,
Военной путины, тяжёлой години,
Широкие ветры побед и утрат...
Возьмите их в святцы – и этого мало!
На льду Прииртышья, в бригадах Ямала,
Вам слава, войну бедовавшим без слов,
С грядюю салютов живущие вровень,
Победу вспоившие потом и кровью,
Надежда и совесть сибирских полков!

Зля стервенеющих собак,
Летит промёрзшею низиной
Девчонка в малице, «пушняк»,
На вытертых мешках с пушниной.

И конус чума в полночь вмёрз,
Как чернобурка, ночь играет,
Топорща ясный звездный ворс...
Какая страсть тебя снедает?

Какая сила в темный час,
Пронизанный дыханьем моря,
Тебя несет и в мрак, и в чад
Тяжелых, рубленых факторий?
В седой, размашистой глуши,
Ты видишь, лишь глаза прикроешь,
Как похоронками пуржит
Война – над яростной страной,

Как под фугасом дыбом встал
Багровый горизонт, и, тая,
Горит слезящийся металл
И судорогой истекает.

Огнем и кровью обагрён
Здесь каждый день...
Огонь и люди...
Надрывный крик, протяжный стон
Слоятся в грохоте орудий.

Так, олицетворяя мрак
Звериной власти,
Рассветы втаптывая, враг
Вломился в наш покой и счастье.

Он, каской затенив лицо,
Разбоем – шел по землям древним,

И стыли – гибельным свинцом
К земле пришитые деревни.

А враг – настойчивей и злей
Глотал простор, маньяк по сути,
И тернии концлагерей
Примеривал он к нашим судьбам.

Но он забыл, что часа ждет
Иная мощь... У этой силы
Есть воплощение – народ
И глубь отечества – Россия.

Вот из каких глубин она
Свои полки вздымает снова –
От легендарных льдов Чудского
И батарей Бородина.

И, в славных отблесках бывшего,
Кичится ли она собой?
Нет! – возвышает дух суровой,
Но выверенной правотой.

Той правотою, что для нас
Была духовным стержнем в бедах,
И суть её – легла в приказ:
«Все для победы!».

Для победы! –

Сверкнули пристально глаза,
И непреклонной сталью – встали,
Возмездьем ворогу грозя,
Мобилизованные дали.

Огнем летучих батарей,
Грозой – над ворогом нависли,
В неотвратимости своей,
Мобилизованные выси.

Все для победы! – и, в дождях,
На истощенных пашнях слабых,
Ни сил, ни жизни не щадя,
Надорвано пластались бабы.

Все для победы! – и Урал
Ломил,
 ломил за сменой смену,
Изнемогал, и плавил жар
Осатаневшие мартены.

Все для победы! – у станков
Взрослели дети... Пусть усталость! –
Но бугорками желваков
Прорезывалась возмужалость.

И здесь, от заверти бела,
На кромке вздыбленной России,
И ты, «пушняк» моя, была
Кровинкою великой силы.

Измотанная, ты брала
Меха в притихнувших селеньях
И вновь в полярный мрак гнала
Четверку взмыленных оленей.

Текло дыханье дальних льдин,
И ночи коротал с тобою
Заиндивелый карабин,
Подремывая за спиною...

И мерк подлунный блеск снегов,
Лед заплывал голубизною –
Мерцанье меха из мешков
Выпрастывали зверобои.

В полярной ветреной ночи,
Под стылым небом, оплывая,

Текли песцовые ручьи,
Метался пламень горностая.

И наплывал далекий смех,
И мучил память отблеск вальса,
Когда лениво кутал мех
Твои застуженные пальцы...

Незрим, поверх армейских карт,
Пылил порошей белой стыни
Усталый след груженных нарт
В безликой ледяной пустыне...

Я по штрихам воссоздаю,
Что мне в судьбе твоей открылось, –
То

 воплощение в броню,
В стальные смерчи эскадрилий –
Уюта, блеска и тепла
Пушистой, ласковой пушнины,
Той, что валютою была
И остается ей поныне...

И ясно видится тогда,
Как, на окраине Сибири,
Ледовым блеском – те года
Твои виски посеребрили,

Размыли ясные черты...
Но мне такое в них открылось!
Благодарю за то, что ты
Со мной судьбою поделилась...

БАНИ

Какая весна выпевает в России!
Ее светосилы – горят на губах...
Матерую кипень она замесила,
Веселые зубы – мелькают в садах.
Зарыты в дурман белоперые села,
Парные, согреты от крыши до пола...

И, раннею, росной березой пропах,
Клубится хозяин мой в банных парах.
О чем он задумался?
Тихо и пусто...
Он веник наладил, облитый огнем.
Чу! – шорох за тонкою стенкой, как будто
По смирному полу прошли босиком.
А жар матерееет, и мягкая сила,
Что плоть бередила и хмелем бродила
В оборванной песне его сыновей,
Вздымается паром из млечных дверей.
(В тумане мерцает чело Водолея,
Снимается гул мотоботов с реки...).

В светелке,
С войны безнадежно старея,
В бескровных морщинах, их ждут рушники.
Холодные складки, старческий запах...
По горьким субботам, пусты и тихи,
У бань безголосых, в нательных рубахах,
Почти бестелесны, молчат старики.
Сбиваются в стаи чужие туманы,
Где над сыновьями сомкнулось жнивье,
Где даль, обезумевши, кличет Ивана,
И робкие ветры обходят ее.

По тихой равнине,
в порыве цветенья,

От сирых крестов, обелисков – в закат
Ложатся багровые горькие тени,
И белые тени – на запад глядят.
...По трубы засосаны кипенью бани,
Темнеют подтеки, уснув на полу.
Я выйду в предбанник, сухими губами
С распаренных плах обирая смолу.
Я жадно вбираю: девчонки.., собака..,
Гармошка, задушенный кипенью вскрик....

И тонко сквозит, как слезинка, из мрака,
Аж режет глаза,
одиноким старик.

СОРОК ПЕРВЫЙ

Загорелые дочерна,
в зорях дрогнут солдатские дочери –
Чужедальним огнем полыхают метелки овсов...
За обугленный Дон
Отступают окопные ночи,
Штыковые бессонницы хмурых, небритых отцов.
Перебитые рощи...
Измятые письма – короче,
Воспаленное небо – в горящих подтеках свинца.
Через Родину
бьет, содрогаясь, тяжелая очередь
На случайную спичку,
На вспышку худого лица.
В воронье и чаду,
Тяжело выкипает смородина...
Загорелые дочери сквозь лихолетье растут,
Их тяжелые тени на запад легли –
через Родину,
И по ним,
наступая, отцы до Берлина дойдут...

Нина ЛЕКСИНА

ЧЕЛОВЕК, О КОТОРОМ ХОЧЕТСЯ РАССКАЗАТЬ

эссе

*Светлой памяти Вилика Степановича Малхасяна.
Ветерану Великой Отечественной войны,
ветерану Вооруженных Сил, подполковнику запаса,
прекрасной души человеку, посвящается*

За заслуги перед Родиной награжден:

Двумя орденами Отечественной Войны, медалями «За боевые заслуги», тремя медалями «За безупречную службу в Вооруженных Силах СССР» - 3-х степеней, «За Победу над Германией», «40 лет Победы над Германией», «50 лет Победы над Германией», «40 лет Вооруженным Силам», «50 лет Вооруженным Силам», «60 лет Вооруженным Силам», «70 лет Вооруженным Силам», «Ветеран Вооруженных Сил и многими памятными медалями.

Бывают в жизни разные встречи. Порой даже и не знаешь, что рядом с тобой работал, жил человек необычной судьбы. И удивляешься: неужели столько событий может вместить одна человеческая жизнь? Или это время тогда было такое?

Малхасян Вилик Степанович работал в Нижневартовском нефтяном техникуме преподавателем начальной военной подготовки в течение 12 лет. Подполковник запаса, член КПСС с 1957 года... Так обычно пишут в анкетах. А за этими скудными данными – целая человеческая жизнь с ее радостями и горестями.

Шестнадцатилетним парнишкой в январе 1945 года ушел Вилик Степанович на фронт. А точнее – убежал против воли матери, оставив короткую записку, что, мол, вернусь с победой. Отец его, кадровый офицер, уже сражался с врагами на фронтах Великой Отечественной войны. В это скорбное и суровое время позвала Вилика на фронт крылатая мальчишеская мечта. До Бреста добирался на товарняке, но был снят и задержан. Помог счастливый случай: военный комендант города Бреста, как оказалось, был другом отца, признал его на фотографии, которую Вилик свято берег. Чего только не бывает в жизни! Веселые озорные искорки мелькали всякий раз в глазах у Вилика Степановича, когда он вспоминал об этом, а тогда был страх: а если вернут домой? Комендант приказал зачислить парня сыном противотанкового истребительного полка. В составе артбатальона

дошел Вилик Степанович до Праги. Воевал сначала на Втором Белорусском, а затем на Втором Украинском фронте.

По-отечески относились к парнишке боевые товарищи. Жалели, да и, что говорить, берегли от смерти. Вилик был сначала подносчиком снарядов, потом заряжающим орудия.

Запомнилось ему и первое боевое крещение, когда не в кино, а наяву увидел, как земля, казалось, мешалась с небом, как умирали боевые товарищи. Разве такое забудешь?

А первое ранение осколком снаряда... Тогда он отказался от госпиталя, лечился в медсанбате. Но никогда не забыть, как на подступах к Франкфурту-на-Одере (Восточная Германия), немецкие танки прорвали советскую оборону и вырвались вперед, утюжа окопы вместе с бойцами, все сметая на своем пути. Жутко вспоминать это...

Вот тогда-то старик-наводчик и отослал Вилика Степановича дальше в тыл, за снарядами. А когда тот вернулся, узнал, что задержаны и уничтожены фашистские танки благодаря помощи двух эшелонов наступающих войск. Но в этом была заслуга и Вилика Степановича, так как его расчет уничтожил в этом бою два танка. Тогда вручили ему первую награду – медаль «За боевые заслуги».

Шел апрель 1945 года. А в мае дошел Вилик Степанович до стен Берлина и там, глотая слезы радости, встретил долгожданную Победу. Вручена была вторая награда «За победу над Германией». Не знал Вилик Степанович, что где-то совсем рядом под Берлином погиб его отец. Уже после войны сможет он навестить дорогую могилу. Тогда, наверное, и созреет окончательное решение продолжить дело отца. И в июле 1945 года младший сержант Малхасян был зачислен в Саратовское Суворовское училище, а в 1947 году после окончания с отличием училища он поступил в Саратовское военное училище, окончив его также с отличием в 1950 году, что дало ему право свободного выбора места службы.

Вилик Степанович возвращается в родной Ленинанкан, служит командиром отдельного взвода разведки 81 пушечной артиллерийской бригады. Вилик Степанович Малхасян прошел путь комвзвода до начальника разведки дивизии. Служил в разных военных округах: в Германии, на Кубе, защищая небо Гаваны, три года службы в Ленинградском военном округе. В 1956 году был направлен на Чукотку для дальнейшей службы в войсках ПВО, в частях зенитно-ракетных войск (г. Анадырь, бухта Провидения), посвятив службе на Чукотке 7 лет. Получил звание подполковника.

Но очень тянуло в родные места. Ночами снились белоснежные шапки родных Кавказских гор. Наконец мечта сбылась. В 1973 году он вернулся на Родину. А в 1978 году был уволен в запас из рядов Советской Армии, и в том же году уехал в далекий Нижневартовск. Такой уж у него был беспокойный характер. Не знал Вилик Степанович, что пройдет десяток лет, и страшное горе обрушится на родной армянский народ. В трагические дни 1988 года черным крылом коснется оно его родных: похоронит брата, погибшего в землетрясении, а родной дом в Ленинанконе встретит его грудой развалин...

Пережить горе помогла напряженная ответственная работа: Вилик Степанович был начальником отдела кадров а/о «Нижневартовскстрой», затем в ВМУ-1. Шел 1978 год. Нужно было строить город, дороги среди тайги и болот: временное жилье, бездорожье, нехватка стройматериалов... Но «солдат – везде солдат» – трудности не пугали человека, победившего в страшной войне. Награды (сколько их!) говорят сами за себя.

В 1986 году в Нижневартовске открылся нефтяной техникум. По рекомендации военкома города и горкома партии Вилик Степанович стал работать военруком, создав кабинет НВП.

Отец двух замечательных сыновей и дедушка (трое внуков и пятеро правнуков) работал с молодыми людьми и всегда сам оставался молод душой.

Вилик Степанович был свидетелем многих перемен в нашей стране. Много пережил и в личной жизни стойкий ветеран. Но со смертью любимой жены он не смог смириться. Внешне по-прежнему казался бодрым, чувствовалась военная выправка, но грусть уже навсегда поселилась в его глазах.

24 ноября 1998 года сердце Вилика Степановича Малхасяна остановилось навсегда.

Но в нашем учебном заведении есть еще люди, которые помнят его. И в моей памяти он останется как мудрый наставник, интересный собеседник, прекрасный педагог, человек беспокойного сердца. Покой был неведом его сердцу, сердцу ветерана.

Бывает, спрашиваю себя: а сможем ли мы, последующие поколения, встать на защиту родной земли и выстоять, победив, как это сделало их «могучее племя»?

Встречая 75-летие Великой Победы, хочется сказать: «С Днем Победы, Вилик Степанович! Я кланяюсь вам до «честной русской земли», ведь у Бога нет мертвых!»

ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ

Праздник Победы, 9 Мая...
Всюду знамена цветут на ветру.
Звуки парада гремят, не смолкая.
Песнь ликования уже поутру.

Но в этот День мои скорбные мысли
Птицей летят в мой покинутый кров.
У обелиска, где тучи нависли,
Вижу я лица родных земляков.

Горсточка их в том селе уцелела.
Верные памяти дедов, отцов,
Шли к обелиску, где кровью алело:
«Вы не забыты во веки веков»!

Где полегли, и покой обрели вы?
Вечный покой? – Не пришло полсела.
Пали безвестно, но в братской могиле
Вечно живые!

Так пусть весела

Песня соловушки будет, привольна.
Звонче свирели пусть птицы поют:
- Выжила Русь – будьте прокляты, войны!
Вечная память вам, вечный салют.

Помним, что смело ходили в атаку,
Верим – не кланялись пулям назло,
Что проявили и честь, и отвагу.
Верим, что с вами врагу не везло.

Праздник Победы, 9 Мая!
Грусть отошла – снова мысли легки.
Звуки парада гремят, не смолкая,
И все - в вашу честь, мои земляки!

ДЕДУШКИНА КУЛЬТЯ

рассказ

*Светлой памяти деда, Силантьева Ивана Семеновича,
Ветерана Великой Отечественной войны,
награжденного за подвиг орденом Красной Звезды*

– Девчонки, марш на печку: дедушке надобно раненую ногу лечить, – коротко приказала бабушка Катя мне и сестренке Танюшке. – И занавеску на печке задерните – тут вам смотреть нечего...

Не подчиниться было нельзя, поэтому мы быстро оказались на лежанке.

– Тань, а как это бабушка будет деду ногу лечить, у него ведь ее нет? Он же на войне ее «оставил»?

– Не знаю, – ответила она и тут же нашла себе занятие.

А я никак не могла понять, как это бабушка будет деду «лечить» ногу, если ноги-то нет, а вместо нее пристегнут протез, которого все дети в деревне боятся. Нет, тут что-то не так...

Бабушка на самом деле умеет лечить людей, я с интересом всегда за ней наблюдаю, потому что мечтаю быть врачом, когда вырасту.

Теперь мне непременно хотелось увидеть, как бабушка будет «лечить раненую ногу».

Но вести наблюдение мне мешала печная занавеска.

Может, попроситься на улицу под любым предлогом, тогда все в окно и увижу? Но как ослушаешься – нельзя... И на улице сегодня холодно, слякотно, хотя конец апреля, да и вечер уж близится. Что же делать-то?

И тут, подвинув подушку, заметила я внизу на занавеске дырку, маленькую такую...

Не медля ни минуты, я сунула в дырку мизинец, потом – средний палец, крутанула им в дырке несколько раз – готово! И – замерла: а вдруг дедушка и бабушка заметили? Но они были заняты своим разговором. Оглянулась на Танюшку: она спала в обнимку с котом.

Любопытство разбирало меня все больше и больше.

Прильнув глазом к дырке, будто это была подзорная труба, я увидела деда, сидящего на кровати. Дед мой вовсе не похож на

деда: бороды он никогда не носил, а только чапаевские усы, щеки чисто выбриты.

Широк дед в плечах. Никогда не сутулится и не горбится, «прямоспинный», как говорит бабушка.

На нем полосатая рубашка-косоворотка, ворот расстегнут, и на широкой груди медный нательный крестик кажется детским.

Он был в светлых кальсонах, обе штанины были подвернуты выше колен, и мне показалось, что обе ноги у него были на месте.

Но почему тогда протез лежит рядом, на полу возле кровати?

Полностью видеть его ноги мне мешала бабушкина спина. Я ждала, замирая от страха быть замеченной.

– Эх, Ваня, Ваня, пятеро сыновей у нас с тобой, а только вот где они? – Город забрал... Были бы они с нами, не надсадил бы ты свою бедную ногу, забор поправляя, – со слезами в голосе участливо говорила бабушка Катя.

– Лето уже скоро, до отпусков рукой подать – съедутся, помогут.

Крышу на сарае перекрыть надо. Да сенокос начнется, как крутая гора. Что-то силы совсем поубавилось, Катюша, а тут еще подвела культия..., – сокрушался дед.

Он морщился от боли, сжимая руками края железной кровати, а бабушка тихонько всхлипывала, приговаривая: «Ироды, что сделали, ироды...».

Мне не терпелось поскорее увидеть раненую ногу, которую дед называл почему-то «культей». Тут бабушка резко повернулась вправо, чтобы взять травяной настой и мазь в банке, и я едва не вскрикнула: у деда левой ноги, чуть ниже колена, совсем не было, а вместо нее – страшный, бледный обрубок, но с багровыми рубцами и кровавыми мозолями.

Так вот она, культия...

Я отпрянула от занавески, не в силах осмыслить до конца, что же произошло там, на войне, с моим дедом, но в то же время чувствуя, что совершилось что-то страшное, непоправимое, если плачут даже взрослые люди.

Сердце мое бешено колотилось, зубы стучали, я кусала губы и пальцы, чтобы не закричать, не расплакаться вслух.

И зачем я только подглядывала?

На другой день в моем классе был урок чтения. Учительница, Анна Петровна, дала мне задание: прочитать рассказ о

черноморском матросе-герое Шульге, потому что «Родную речь» я всю прочитала еще до школы.

Прочитав рассказ, я стала смотреть в окно, в школьный сад.

Серый, слякотный день. Ветки деревьев еще голые, но почки уже набухли, вот-вот проклюнутся листья. А вон клен изувеченный: самая большая ветка сломана и валяется в стороне, оттого дерево кажется кривобоким.

Вчерашняя история с «культей» живо припомнилась и не шла у меня из головы.

Бедный дедушка! Надо еще больше любить его и помогать по хозяйству.

Анна Петровна спросила меня: «Ну что, прочитала рассказ? Так что же такое *война*?»

Вопрос застал меня врасплох, и, встав, я выпалила: «Война – это дедушкина культя...»

Позади меня хохотнул второгодник Сашка, по прозвищу Батя. Еще несколько человек засмеялось.

Я села на место и громко, навзрыд, заплакала. Рекой лились мои вчерашние невыплаканные слезы.

В классе наступила тишина...

Анна Петровна подошла ко мне, положила руку на плечо:

– Не плачь – твой дед живым вернулся с войны. Ты радоваться должна, гордиться им.

И, обращаясь ко всем, тихо попросила:

– Встаньте те, у кого с войны не пришел дед или еще кто-то из близких родственников. Я вытерла слезы, огляделась: большая часть учеников стояла. И тогда учительница сказала незабываемые слова:

– Запомните, дети, война – это не только геройские поступки, но это смерть и кровь, раны и увечья. И ты, Нина, правильно сказала: искалеченная дедушкина нога – это тоже война.

Тогда все снова поглядели на меня, но никто уже не смеялся.

А через год деда не стало: он умер в больнице – на этот раз врачи его не спасли...

Я решила: когда вырасту, стану учительницей.

МИРУ – ПОБЕДА НУЖНА!

*Памяти матери, Горбуновой Анастасии Ивановны,
Ветерана войны и труда (медаль «За доблестный
труд»), бригадира женской тракторной бригады
в годы Великой Отечественной войны*

Ночь – а девчонка одна, и не видно ни зги –
В тракторе – ей не до сна. Пашет. Круги, круги...
Борозды ровно кладет – пахота – не на час.
Вздрыгнет – нет-нет да сверкнет фосфором волчий
глаз.

*Круги на пашне – круги вокруг глаз.
Не спи, девчонка, костер не погас!*

В поле победу кует, сил не щадит она:
Ночи и дни напролет где-то гремит война...
Гонит фашиста отец – вне закона война,
Скоро ей будет конец, проклята будь она!
*Круги на пашне – круги вокруг глаз.
Не спи, девчонка, костер не погас!*

Песнь, соловей, запевай – усыпляет мотор!
Славил весну юный май, звал, уносил в простор...
Ах, эта майская ночь, ночь без покоя, сна.
Людям уже невмочь – миру – Победа нужна!

Норма!.. Девчонка спала, кудри с рулем сплелись...
- Настя! – подруга звала. – Враг побежден! Проснись!
*Проснись, девчонка, – желанный час!
Сияло солнце: «С Победой вас!»*

Светлана ТИТОВА/ СВЕТЛАЯ

ДЕТИ И ВДОВЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. Семья Титовых. Западная Сибирь

*«Культурность страны измеряется
числом живущих в ней поэтов»
С. Н. Сергеев-Ценский*

Виктор Титов успешно окончил Новосибирский институт Водного Транспорта летом 1953 года. Молодой и талантливый инженер-механик, как и положено советскому человеку, получившему высшее техническое образование, был распределен кадровым инженером в город Сургут, куда своевременно прибыл с направлением на работу из отдела кадров и был командирован в поселение Нижневартовское, Тюменской области, в Речной Порт, что уютно расположился на берегу полноводной сибирской реки Обь.

Вчерашний студент был немного выше среднего роста, худощавым юношей с русыми, слегка вьющимися волосами и синими, как полевые васильки, глазами. Виктор энергично сбежал с подножки деревянного мостика теплохода и плашмя упал в головокружительное цветение прибрежного разнотравья, отбросив в сторону потертый квадратный чемодан с железными набалдашниками по углам.

Задыхаясь от счастья цветения, земля свободно сообщала миру о зрелости сибирских недр, о скором перевоплощении природной гармонии Северного края, о приближении минуты рождения чуда. Казалось, сама тайга пела любимую песню седого Севера об ожидаемой космической тайне и о беззаветной человеческой любви на целый век... Виктор извлек блокнот из глубокого кармана модных брюк и записал восторженные и смешные юношеские стихи:

*На полноводной, на реке Оби,
Девчонку милую я крепко полюбил...
С ней поплывем на белом теплоходе,
К мечте большой при солнечном восходе...*

Вскоре Виктор Андреевич женился на молодой красавице, озорной, бесшабашной и влюбленной Любушке, примчавшейся за ним, и запахом тайги из вечно цветущего Краснодарского края в непроходимые болота Западной Сибири по комсомольской путевке...

Год 1953 двадцатого века был ознаменован общегосударственными проводами главного человека страны в общенародном трауре.

Виктор понял, что именно в день ухода эпохального лидера, личности неизбежно значимой для каждого гражданина страны, от него самого, от Виктора, безвозвратно уходит тяжелое военное детство и безграничное гражданское счастье, пережитое вместе со всем миром в день величайшей победы.

Тогда Виктор искренне написал в своем дневнике:

- Народ горько скорбит, провожая вождя мирового социализма, генералиссимуса Иосифа Виссарионовича Сталина, искренне и захлеб оплакивая отца народов. Советский Союз победитель в Великой Отечественной войне с верховным главнокомандующим Советской Армии, который не отделял своей судьбы от судьбы своего народа. Именно поэтому неиссякаемые потоки и из миллионов людей текут по улицам городов СССР, укрытые черными лентами, с высоко поднятыми красными плакатами с бессмертным ликом вождя мирового пролетариата и венками из живых цветов, напоминая всем советским людям о кончине страшных военных лет. Прошло восемь счастливых послевоенных лет, с тех пор, как мы живем под безмятежно мирным небом и ясно сияющим солнцем. Каждый человек остро ощущает в наступившем всемирном благоденствии свое личное счастье от Великой Победы Советского народа над фашистским захватчиком...

Через четыре десятка лет дочь Светлана, осторожно листая пожелтевшие, иссушенные временем страницы дневника, упорно старалась разобрать потускневшие буквы и сохранить бесценные воспоминания отца, до самой последней буквы, чтобы полно и достоверно отразить знаменательные события истории своей страны в истории своей семьи. Она записала:

- Победа во Второй Мировой войне дорого обошлась гражданам всего Союза Советских Социалистических республик, около 27 миллионов человеческих жизней. Почти три десятка

миллионов солдат проглотила ненасытная глотка войны. В чудовищной, по масштабам потерь, Великой Отечественной войне 1941- 1945 годов более всего страдали осиротевшие без мужей семьи: вдовы, дети, старики. Им доводилось работать в тылу до 20 часов в сутки, отправляя из тыла на фронт все, даже самое необходимое в тылу. Потому и женщины, и дети, и старики умирали от голода и дистрофии, нервно- психического истощения и хронической усталости, коченеющего холода и беспросветной нищеты, от тяжелых болезней и непосильного труда. Вдовы и дети, младшие братья и сестры, постаревшие в одночасье отцы и матери, каждый день и долгие годы ожидали победы советских воинов. Не жалея себя каждый день, солдаты шли в бой, сражались и умирали в смертельной битве «За Родину! За Сталина!» потому их жены и дети работали в тылу, без перерывов, самоотверженно, неустанно и жертвенно...

Дневник о семье Титовых был продолжен дочерью Виктора Андреевича, Светланой по рассказам бабушки, Екатерины Фотеевны Титовой, мамы Виктора. Бабушка рассказывала Светлане:

- Случалось нам иногда собраться вечером, чтобы поддержать друг, получивших «похоронки», мы вместе плакали, и пели народные и военные песни, читали стихи, которые сами писали на фронт своим мужьям...

Из этих простых рассказов бабушки, как вязание теплой шали, складывалось повествование о дружной, счастливой и трудолюбивой семье Титовых, о людях, любящих поэзию самой жизни человеческой. Это было удивительное поколение советских людей, для которого слова «терпеть и жить» означали одно и то же, они ежедневно, солидарно и бескорыстно выполняли свой гражданский долг, испытывая при этом незабываемое человеческое счастье.

Светлана старалась списать со слов живых героев военного времени поэзию их собственных слов, судеб и характеров.

...В тылу с начала войны для фронта и победы трудились молодая женщина Екатерина с тремя детьми младшего подросткового возраста...

Екатерина Фотеевна Титова напоминала скорее юную девушку, очень стройную, красивую и скромную, богобоязненную и хрупкую, на девочку- подростка была похожа Катюша, со своими

ясными серо- синими и широко распахнутыми глазами, с туго заплетенной на затылке русой косою. Невысокий рост и тонкие руки скрывали сильную волю, железный сибирский характер жены и матери многодетной семьи с уважаемой, исконно сибирской фамилией.

Всю войну прослужила Екатерина на мясокомбинате, откуда ежедневно отправлялись на фронт вагоны мясных консервов. В соответствии с отработанными трудоднями каждый работник получал кости, не пригодные к дальнейшей переработке, дочиста очищенные от животного мяса.

Костями рассчитывались за труд в установленном на одного работника количестве.

Работать в рабочую смену следовало восемь часов, но когда продуктов для переработки поступало больше нормы, смена автоматически удлинялась, сообразно востребованному количеству времени для изготовления продукта.

В выходные дни семья Титовых, на вырученные от продажи костей деньги, покупала на рыке продукты питания: хлеб, сахар, соль, овощи, фрукты, крахмал, крупу, словом, самое необходимое.

Работа на мясокомбинате считалась во всей местной округе и на улице Коминтерна, города Новосибирска очень престижной, поскольку досыта кормила большую семью. Соседи же, в большинстве своем, питались крапивой, скудными плодами скупых сибирских огородов и садов, сбором дикоросов в ближайших лесах, ловили рыбу в Оби, словом выживали кто как мог и кто чем мог. Екатерина настойчиво приучала детей к строгой дисциплине. Подъем, зарядка, завтрак, рабочая смена с семи часов утра. Екатерина Фотеевна понимала, что детей следует вырастить не только трудолюбивыми, но и счастливыми, а значит, научить уважать, ценить и любить труд, чтобы помочь отцу и его товарищам, солдатам России защитить родное Отечество. Так дети быстрее осознают истинную ценность вещей и любовь к жизни.

Сама Екатерина неожиданно быстро повзрослела, став мудрой, собранной и цельной личностью уже к 30 годам. Теперь она всецело отвечала за жизнь своего большого семейства, которое при отсутствии терпения и рабочей дисциплины, ожидала неминуемая физическая гибель.

Детям выдержать удвоенную рабочую смену было непросто, малыши боялись заснуть за конвейером, с методично усыпляющим стуком агрегатов по переработке, расфасовке и

упаковке консервов. Обессилив вконец, как тоненькие, подрубленные деревца, подростки, заснув стоя, валились на пол. Понимая, что маленьким не в силах работать наравне со взрослыми гибкая и сильная Екатерина, старалась удержать, сосредоточить внимание, добиться требуемой максимальной работоспособности у ребятишек, а когда это уже не удавалось, молодая мама свежим и ласковым голоском запевала мелодично-протяжную народную песню:

- У воробушки головушка разболелась, стал воробушек уставати, стал воробушек плохо летати, пора воробушку отдыхати...

Под ласковый, убаюкивающий материнский голос дети падали ниц и засыпали, укрывшись тяжелой материнской овечьей шубой, словно самым легким, пуховым, необычайно нежным одеялом.

Екатерина трудилась одна за всех, выдавая за смену точно установленную на четверых работников, норму.

Письмо о смерти мужа, отца своих детей Катя получила в самом начале войны. Ранним летним утром 1941 года девушка-почтальон протянула Екатерине треугольник и быстро отвернувшись, убежала, чтобы снова не услышать знакомого звериного воя, задыхающихся отчаянных стонов и утробных рыданий женщины. Екатерина молча и быстро спрятала треугольный конвертик в карман фартука и ушла подальше от дома. Оказавшись в лесу, она дала волю слезам:

*- Во зеленой травушке, мой суженый,
Обручальных не сыскать колец,
Раненько ушел от нас, Андрюшенька,
Наказав жене одной нести венец...*

Катя тихо рыдала, уткнувшись лицом в траву. Потом тысячу раз перечитала знакомые всем вдовам войны скупые строчки о героической смерти мужа, чтобы запомнить их, как молитву. Екатерина вдруг подумала о том, что вечное право войны: убивать, насиловать, грабить навсегда ожесточает людей, но вспомнила слова своего отца Фотия:

-Бог дал русским людям силу великой веры, он позвал: придите ко мне все утруждающиеся и обремененные и я успокою вас, дам покой душам вашим...Христос, воскресший из мертвых,

смертию смерть поправ и сущий во гробе жизнь даровал... Победа зла не существует, зло умирает ... ибо сын мой был мертв и ожил, пропал и вернулся...

- *Воскресший из мертвых ...был мертв и ожил,-* повторила Екатерина, насухо вытерла слезы и решительно встала, чтобы вернуться домой и спрятать фронтовой треугольничек в самый дальний угол старого комода. Екатерина не заметила, что сын сопровождает в лесу любимую свою маму. Виктор ясно слышал, что в дом принесли известие от отца, с войны...

Екатерина Фотеевна продолжала жить и работать по привычке, не замечая времени; умом она понимала, что любимый муж уже никогда не вернется и она одна за двоих родителей ответит и перед семьей, и перед страной за воспитание подростков, а потом, после страшной войны, одна поможет студентам получить высшее образование. Однако в душе она настойчиво продолжала идти по длинной дороге их совместной с мужем судьбы, нежно сжимая в своей руке сильную руку погибшего единственно дорогого и верного спутника жизни.

Оставить семью без отца обнаружением полученного сегодня из военкомата известия Екатерина не имела права, а потому сохранила живой образ мужа в любящем сердце, до последних дней своих, но видела рядом с собой Катя всегда живого Андрея, здорового, молодого и смеющегося просто, открыто и заразительно, как в день первой встречи влюбленных.

В тяжелые минуты, Екатерина уходила из дома и бродила по лесу, негромко и откровенно разговаривала с мужем, как и раньше, рассказывая о том, как подрастают дети, как меняются их лица и взгляды, характеры, как особенно теперь трудолюбивы Виктор и Галина, и Зоя, как она сама, верная мужу и любящая Екатерина, обучает их трудовой дисциплине и человеческой чести:

- *Так и объясняю детям нашим, словами, что ты уходя наказал. С честью человек рождается, с честью живет и с честью умирает. Честь нельзя отнять, можно только потерять, но жить без чести невозможно... ответственность перед своей семьей и своей страной в истине самой жизни человеческой в вере, в любви и надежде, поэтому самое главное на земле для человека, научиться любить...*

Детям о гибели отца Екатерина Фотеевна рассказала только в счастливый день Великой Победы, 9 мая.

В тот незабываемый для всего мира день, всем народом встречали и праздновали возвращение с войны отцов, дедов, братьев и сестер, собирали столы, слушали рассказы родных фронтовиков о сражениях, о жизни в землянках, о погибших товарищах, а потом на все голоса пели всей улицей военные песни.

В этот день, 9 мая 1945 года Екатерина Фотеевна собрала детей в большой комнате фамильного семейного дома, прочитала строчки из памятного треугольника, что хранился в старом комоде и тихо добавила:

- Я думаю, что папа наш непременно вернется, ошибки на фронте часто случаются. Всему на земле нашей дана всевышнего воля: скажу я вам, просите и дано будет, ищите и найдете, стучите и отворят вам, ибо всякий просящий получает...Я ждала отца и ждать буду...

- Мы тоже будем ждать - тихо, но твердо ответил за себя и сестер сын Виктор.

Послевоенная жизнь быстро перетекала в мирное русло. С вновь избранным первым секретарем ЦК КПСС, Никитой Сергеевичем Хрущевым пришла «оттепель», великая страна по-прежнему шла только вперед. Повсюду гремели комсомольские стройки, досрочно выполнялись планы, славились люди труда.

Но вскоре случилось то, чего больше всего опасалась Екатерина и было тайной и горем всей жизни, что незадолго до войны отняло у Екатерины, ее братьев и сестер их любимого отца.

Первый секретарь ЦК КПСС ввел особые требования относительно проведения в стране жесткого атеистического воспитания в целях культурного просвещения советских граждан и принимал необходимые меры наказания за посещение церкви, обряды крещения детей, венчания, отпевания и другие, не принимаемые правительством социализма религиозные ритуалы.

В чистом и уютном доме Екатерины Фотеевны, дочери погибшего в 1937 году, священнослужителя Фотия, незаметно для посторонних глаз, продолжали аккуратно соблюдать и свято чтить семейные традиции верующих православных христиан.

В переднем углу на кружевно-резной деревянной полочке, зависшей под потолком, располагался богатый иконостас со старинными рукописными иконами, светилась живая, с миррой, лампада. На столе внизу хранились Библия и молитвенник, а также

книги Ивана Бунина, излюбленного старейшим главой семейства, русского писателя.

Дом Екатерины Фотеевны продолжал жить по строгим православным канонам, сохранившимся с прошлого века, установленных и жизненно необходимыми для верующих людей. Общепринятые христианские традиции в 19 веке особенно чтили любимый дед и дорогой отец Екатерины. Фотием в семье заведен был особый и неизменный уклад общей жизни для домочадцев, сообразный православному календарю.

Сама Екатерина с ранней юности и все последующие годы несла епитимью, отказавшись до конца своих дней употреблять в пищу мясо животных и внимательно следила за точностью исполнения добровольно принятой на себя обязанности. У Екатерины была отдельная собственная кастрюлька для постного супчика из овощей и особо засушенные на печи, а затем завернутые в узелок, маленькие сушеные сухарики. Хлебушек с любовью хранился в доме в эмалированном ведре под крышкой. Когда ведро открывали по дому взвившись, разливался незабываемый аромат только что испеченного, живого хлеба. Это голубое ведро было памятным и безусловно самым главным предметом в доме.

Убранство комнат представлялось удивительно простым и лаконичным. В большой центральной комнате, помимо иконостаса в правом дальнем углу стояла просторная кровать с фигурными набалдашниками, с мягкой периной, пышными подушками под кружевной накидкой, в ней спали дети. Над кроватью портреты юной супружеской пары молодой семьи Титовых, девицы Екатерины и мужа Андрея в военной форме. Дальше шкаф для одежды, напротив комод, тоже деревянный и ручной работы, с пятью выдвижными ящиками под кружевной белой скатертью сплетенной Екатериной, настольные часы на комод. У передней стены располагался большой удобный рабочий стол деда и фотографии родных: отца Екатерины Фотеевны, церковного священнослужителя, посередине фотографической композиции и всего многочисленного семейства вокруг. Коллажи из черно-белых фотографий с многочисленными тетушками и дядюшками в платьях и шляпах прошлого века, облаченные в резные деревянные рамки.

В другой смежной комнате размещалась столовая. Перед окном раскинул широкие свои объятия большой и добротный деревянный стол с образами святых великомучеников в верхнем переднем углу. В другом углу тахта, на которой отдыхала сама

Екатерина. Напротив удобно пристроился железный рукомойник на три литра воды с подвешенной мыльницей, а неподалеку, неустанная домашняя электрическая плита, чайник и незатейливая кухонная поверхность для приготовления простой пищи военного времени: супов, каш, рагу, компотов из сушеных фруктов и ягодных киселей. Печка топилась слева у входа, обеспечивая домочадцев теплом, свежим хлебом, размеренным добром и спокойной домашней жизнью. Далее, по коридору, справа, располагалась комната странника Филиппа, остановившегося на последней ступени земного своего пути у Екатерины для помощи по - хозяйству, слева, кладовка. В терраске две скамейки и столик, а за терраской, крыльцо и тропинка в сад с яблонями, юргой, смородиной и малиной, и клумбами желто - оранжевых цветов, похожих на огоньки вдоль череды ягодных кустов у деревянного забора. Сразу за забором понималась стена дома тети Дуси, дородной и красивой, всегда с виноватой улыбкой, без времени постаревшей женщины. Как и у всех соседей, у вдовы Евдокии, проводившей на фронт всех своих родных, мужа и сыновей, было свое личное и большое горе.

В порядке, установленном христианским календарем, в семье Титовых строго соблюдались православные посты и особо пышно, согласно русским традициям, отмечались большие церковные праздники. Дети знали наизусть молитвы, а по воскресениям семья в полном составе ходила в церковь. Екатерина Фотеевна наказывала детям помогать нищим чем Бог послал и принимала в доме странников и странниц, родящих за веру в Отца, и сына, и святого Духа. Кормила гостей Екатерина Фотеевна досыта, в узелки накладывала все, что было в доме, приговаривая:

- То не я говорю, сам Господь говорит, и пресвятая мать Богородица заговаривает. То не я даю, Господь посылает. Ступайте с Богом, люди добрые, помолитесь за нас, за всех, за все великое войско Христово, попросите всем монашеским чином своим за нас, грешных, в чудодейственном монастыре вашем...

В просторной русской горнице, с удивительным живыми ликами на иконостасе, простыми и всем понятными традициями, дети, а затем и внуки Екатерины и Андрея получили благопристойное и осознанное духовное воспитание, вытекающее прямо из натруженного чистого и великодушного сердца самой Екатерины Фотеевны. Каждое воскресенье в мирной жизни бабушка Катя после утренней службы, покормив церковных

голубей, уводила детей в парк или лес, что раскинул неподалеку от дома роскошный шатер высоких деревьев, недоступную щедрость кустарников и незабываемую свежесть лесной травы. В руках у Екатерины Фотеевны всегда были сладости: конфеты, финики, яблоки. Малыши шумно гонялись за пестрыми бабочками и друг другом, собирали лесные цветы. Любовь к природе родного сибирского края дети и внуки Екатерины почувствовали с малых лет...

Сильная духом сибирячка Екатерина Фотеевна Титова сумела дать двум своим выжившим детям, потерявшим отца, высшее образование. Свою старшую дочь Зою, мать похоронила уже после войны.

Образование общее, среднее, специальное и высшее в Союзе Советских Социалистических Республик граждане получали бесплатно, но вот обладателями диплома о высшем образовании, кроме детей высших партийных работников, могли стать только те, кто не покладая рук работал и одновременно упорно учился. Иначе наличие диплома о высшем образовании утрачивало всякий смысл, поскольку на руководящую работу с людьми после окончания высшей школы в советское время принимались не только высокообразованные, но и высоко ответственные перед страной и обществом профессиональные специалисты, умеющие обеспечить высокую эффективность труда и вверенных трудящихся людей, за что лично отвечали жизнью. В послевоенные годы слабые руководящие кадры, в разрушенной и обескровленной войною, доведенной до полного развала и убогой нищеты, стране, были не нужны. Плановая экономика требовала эффективных и конкретных результатов труда от страны, от каждой географической области, от каждого самостоятельного завода и предприятия и лично от каждого советского человека.

Виктор Андреевич Титов и невеста его, Любовь Сергеевна, встретившись в поселении Нижневартовское в период хрущевской оттепели, прожили яркую, многосложную, полную тяжелого труда, но счастливую жизнь влюбленных и непоседливых супругов.

Семейную жизнь молодая чета Титовых начала в Нижневартовске в новой трехкомнатной квартире, на улице Пионерской, дом 1, в квартире № 1 многоквартирного дома, в построенном студентами комсомольского стройотряда новостройки, который расположился неподалеку от магазина с очень символическим названием «Север». Однако вскоре, в ожидании прибавления потомства, семья переехала в отдельный дом, для молодых специалистов в Речном

Порту на улице Первомайской в доме 35, в старой части поселения Нижневартовское. Эти деревянные презентабельные частные дома для советских работников Речного Порты построили по образу и подобию добротного дома прошлого века, купца Ламбина, что на улице Первомайской, однако, по принятым, сибирским обычаям, в один только этаж, для тепла в зимние дни. Стояли три одинаковых деревянных дома, прямо вдоль берега реки Обь неподалеку от деревянной пристани Нижневартовского Речного Порты. Улица Первомайская была густо засажена первопроходцами нефтяной эры рябиновой аллеей со всегда смеющимися коралловыми губами высоких красавиц, рябиновых деревьев. Там дочь Титовых Виктора и Любаши, Светлана Титова, написала свои собственные стихи о деревянной пристани:

*Деревянная пристань на холодной реке.
Смешная девчонка с платочком в руке.
Утро раннее светит, а ей не до сна,
На сибирскую землю опустилась весна...
И гудок теплохода захлебнулся вдали,
Время местных Асsoleй встречать корабли...*

В доме было четыре комнаты, все смежные, объемная терраса с кладовой при входе, за нею большая и светлая столовая, с белым буфетом у передней стены, с красивой посудой внутри. Изысканные модные льняные шторы были вышиты цветами по всей длине кромки прилежными руками Любушки, которая легко и доброту обшивала всю свою семью в свободное от работы время. В просторной гостиной величаво выдавался высокий старинный книжный шкаф, мягкая мебель, состоящая, как у всех советских людей, из дивана - раскладушки и двух кресел дополнялась сплетенным из цветной рогожи журнальным столиком. У окна примостился главный в каждом доме, парадный, широко раскладывающийся, многоместный стол.

Семья жила по советскому календарю, к 7 ноября дом сверкал чистотой, накрахмаленной скатертью и новыми вышитыми Любашей салфетками. Домочадцы в это день в полном составе шли на городской парад, с разноцветными воздушными шарами, украшенными бумажными цветами ветками деревьев и красными флагами революции и победы.

В каждый Новый год наряжалась высокая, под самый потолок, пушистая красавица - ель, украшенная сказочными игрушками, бусами, снежинками и серпантинном, с которыми

подолгу возились дети, старательно наряжая волшебное дерево. Верхние игрушки и гирлянды укреплял отец семейства.

Ночью в дом приходил Дед Мороз и раскладывал в валенки детей подарки, о которых заблаговременно сообщали малыши в письмах к доброму дедушке. Днем Дед Мороз внимательно слушал стихи детей, особенно поощрялись песни на стихи собственного сочинения. Родители с детьми увлеченно шили маскарадные костюмы и клеили в тазу с водой на заранее подготовленную болванку маски известных персонажей русских народных сказок: Бабы-Яги, Кощея-Бессмертного, многоголового Змея-Горыныча.

В Новый год в каждом сибирском доме сверкали волшебные гирлянды, пахло свежей хвоей, мандаринами и счастьем...

Каждую новую весну встречали всем поселком, люди выходили в первый день ледохода на берег реки Обь и ликовали, любясь магическому действию природы, ломающей громадные льдины и легко несущей их вперед, по реке, словно веселясь и нарочно развлекая собравшихся зрителей чудом своей непреодолимой мощи.

В стране к тому времени тоже началось бурное жилищное строительство, СССР начал первые шаги в освоении Космоса, а также таежных болот и богатых природными ресурсами Сибирских недр земли Самотлорской.

В поселение Нижневартовское были направлены первые государственные экспедиции для исследования геологами факта наличия и расчета объемов природных ресурсов Западной Сибири, а вслед за тем родилась, знаменитая на весь Советский Союз, комсомольская стройка - Самотлор.

В марте 1972 года решением ЦК КПСС поселению Нижневартовское был присвоен статус города Нижневартовска. Накануне объявили конкурс на лучшее название для города и песню о городе. Каждый вечер на сцене клуба, который в советское время расположили в старой церкви напротив деревянного здания поселковой библиотеки. Конкурсанты выразительно читали со сцены в переполненный зал стихи собственного сочинения и увлеченно пели песни под громкие аплодисменты слушателей. В том поселковом клубе Любовь Сергеевна Титова прочитала свою поэму, посвященную городу:

*Нижневартовск на Оби,
Как тебя нам не любить?
Нам награда из наград
Стоит город Нефтеград...*

Город менялся прямо на глазах. Началось строительство «московских» шестнадцатизэтажных домов, рядом с первыми пятиэтажками, построенными на скорую руку для массово пребывающих со всех сторон страны нефтяников. Теперь горожане почувствовали себя жителями большой современной столицы. И действительно, столица Самотлора потрясала страну и целый мир объёмами добычи черного золота и природного газа, под лозунгом «Миллион тонн нефти и миллиард кубометров газа в сутки-стране». К нефтяной жемчужине Самотлора провели железную дорогу, всем городом с песнями ко всеобщему восторгу встретили первый поезд. Потом возвели памятник покорителям Самотлора...

В старинных настенных часах в доме Титовых постоянно проживала неугомонная кукушка, что каждый час радостно сообщала о новом времени жизни всем присутствующим, о той безмерной радости великой природы жизни человеческой, что без усталости возрождалась снова и снова...

В углу родительской спальни стояла изящная детская кроватка для новорожденных, выточенная руками отца семейства, Виктора Андреевича, напоминающая о том, что в доме непрерывно должен звучать детский смех...

В уютном, теплом и светлом доме на улице Первомайской семья Титовых прожила около семи лет, затем супруги решили построить свой собственный частный дом, с зимним садом, камином и комнатами для каждого из трех детей, с просторной родительской спальней с покрывалом, сшитой умелыми руками жены и матери семейства, в бархатных шторах, цвета пыльной розы. В доме была создана библиотека мировой художественной классической литературы, книги об окружающем мире, художественные альбомы и другие бесценные томики, приобретенные родителями для формирования у детей потребности узнать и понять мировую и отечественную культуру, полюбить природу родной земли.

Чудесным образом независимо от времени года в зимнем саду семьи Титовых постоянно цвели белые каллы...

В семье Виктора Андреевича Титова, сына Екатерины Титовой и, погибшего во Второй Мировой войне рядового солдата Красной Армии, Андрея Титова, подрастали трое детей. У дочери Светланы было два брата Николай и Герман.

Виктор Андреевич носил установленную Уставом предприятия форму речника с блестящими пуговицами на погонах и отличительными значками и прослужил в Нижневартовском

Речном Порту начальником цеха и главным инженером - механиком одновременно, большую часть своей жизни.

В майские дни празднования Великой Победы Виктора Андреевича не редко спрашивали о том, как жилось детям в тяжелое военное время? Виктор Андреевич Титов отвечал, как обычно, улыбаясь, просто и честно:

-Мы всегда жили хорошо, мы не голодали...Не всем так повезло, как нашей семье. Многие люди особенно тяжело страдали, а на фронте миллионами погибали солдаты, погиб и мой дорогой отец, защищая нашу великую страну. Счастливые мы, теперь без войны живем, под мирным небом детей подняли, внуков дождались...

Ветеран труда ХМАО - Югры Виктор Андреевич Титов проживает сегодня в сибирском городе Мегион. Любушку свою Виктор Андреевич схоронил двенадцать лет тому назад на малой Родине жены, на высоком и всегда зеленом холме над быстротечной рекою Кубань.

В День первый от Рождества Христова по современному календарю пошел потомственному сибиряку Виктору Андреевичу Титову 83-й год. Вместе со своей дочерью ветеран труда, потомственный сибиряк посвятил стихи городу вечной юности, Нижневартовску:

*Столица нефтяная Самотлора.
Нижневартовск на реке Оби
Обнимает ликующим взором
Бесконечную снежность тайги.
Статью твердой Россию славит,
Шар земной на руках несет.
С Самотлором наша держава
Свободно и гордо живет.
С богатырскою мощью подвига,
Поклонившись недрам земли,
Из болота, из озера мертвого,
Нижневартовск жизнь возродил!
С черным золотом Космос освоен был,
Океанов, морей глубины,
Бриллиантом живым достойно
В ожерелье сияет Сибири!
Нижневартовск- гордость России,*

*Нижневартовск - святая любовь,
Здесь озера особенно синие,
Здесь на картах геологов кровь.
Славься город, подвигом знатным,
Фонтанируй дарами тайги,
Город избранный, город знатный,
В сердце Родину - мать береги!*

Вот и дожил старик до юбилейного праздника, до 75 - летия Великой Победы. Теперь он задумчиво сидит один на балконе своей двухкомнатной квартиры в условиях самоизоляции, объявленной, как обязательное средство борьбы с коронавирусом, с 11 марта 2020 года Всемирной Организацией здравоохранения...

Виктор Андреевич вспоминает, как во Вторую Мировую войну они с мамой мечтали свободно гулять по улицам, как веселились всей улицей, всей страной ... Вспоминает, как ликуя, с салютами, встречали День Великой Победы, под ясным небом и ласковым солнцем майского дня, как слушали, затаив дыхание, рассказы вернувшихся с войны солдат, прошедших за долгие годы войны полсвета.

Подрастающие для высадки на даче зеленые росточки будущих помидоров и огурцов, заняв собою весь широкий подоконник кухонного окна, взяв в рот рассказывают Виктору Андреевичу о нескончаемой радости мирной жизни на восхитительной, цветущей планете Земля, о непрерывном и таинственном перерождении всего живого на земле и о богатом, невероятно красивом, сибирском крае, о неповторимой и уникальной жизни каждого, из тех, кому посчастливилось родиться на планете Земля.

Виктор Андреевич внимательно смотрит в телевизор, потому, что совсем плохо слышит и изо всех сил старается по губам диктора новостей угадать, состоится ли парад в честь Юбилея Великой Победы в 2020 году нашего XXI века? Парад Победы, по его мнению, обязательно должен быть, как и мир во всем мире!

Нижневартовск, 04.04.2020 г.

Ольга ГУБИНА

75 ДНЕЙ ДО ПОБЕДЫ

эссе

*Памяти моего дедушки,
Четвёркина Георгия Александровича,
лейтенанта 2 –го Белорусского фронта,
погибшего 24 февраля 1945 года, посвящается*

О папином отце я знала с детства, смотрела фотографии, на которых улыбался молодой красавец лейтенант. На одной фотографии дедушка был в форме старого образца, с «кубарями» и будёновке, а на другой – в новой офицерской форме.

О нём, мне совсем немного, рассказывали мой папа – единственный сын дедушки и дедушкины сёстры, баба Маруся и Баба Таня, как о весёлом гармонисте, певце и балагуре, романтике, мечтающем о карьере военного. Мечта сбылась: мой дедушка окончил Омское военное училище, позже вступил в партию большевиков.

Дедушка был видным мужчиной и женщины обращали на него внимание. Так случилось, что он увлёкся другой женщиной. Моя бабушка не смогла простить измену мужа и семья разрушилась.

Дедушка часто из Омска приезжал в родную деревню с новой женой. Детей у них не было, и поэтому вновь испечённая супружеская пара очень любили сынишку деда, Стёпку – моего папу. И когда дед в военной форме ходил с ним по деревне, держа его маленькую ладошку в своей тёплой, большой руке, для Стёпы это было счастьем! Дедушка одаривал своего сына городскими подарками, усаживал к себе на колени, уговаривал мою бабушку отдать ему Стёпу. Мол, в городе у него жизнь будет другая, он – военный, сможет дать мальчишке хорошее образование. Но моя бабушка – мама моего папы Стёпы отказывалась наотрез, не пускала сынишку к отцу в дни его приезда в деревню... А тот, тайком убежал, после чего был дран ремнём. Но любовь и ласка отца тянули больше, чем наказание и все дни, пока его отец гостил у своих родителей в деревне, Стёпа неизменно был рядом с ним.

Стёпке было всего одиннадцать лет, когда пришла Великая беда – война. Отца сразу забрали на фронт, он даже не успел

приехать, попрощаться. Стёпка ждал писем. Шли голодные дни, и годы... Он пахал на быках, возил воду, собирал колоски и ждал письмо с фронта... Они приходили эти письма, но редко. Потом отправили мальчишку от колхоза в Фабрично-заводское училище при фанерном комбинате в Тюмень. Он ждал, когда приедет тётка Таня, сестра отца и привезёт от него весточку.

А война катилась всё дальше от родного дома. Отец уже воевал в Польше, письма были веселее, он обещал скоро вернуться домой, писал о том, как заживут они после войны, что устроит сына в военное училище, увезёт его в город Омск. И сердечко у Стёпки прыгало, как молодой жеребёнок–стригунок.

А потом, в сорок пятом, писем не стало. Степан ждал. А вскоре приехала в деревню тётя Фрося, вторая жена отца. Приехала с «похоронкой». Потемнело в глазах у пятнадцатилетнего Степана, убежал он в красный уголок, забился в угол и заревел, как маленький. Тётя Таня – дедушки моего сестра, привезшая эту чёрную весть, долго искала племянника.

А вскоре была Победа! После войны жизнь текла. Степан – мой папа стал получать какую-то доплату, как сын погибшего офицера. Но где и как погиб его отец – мой дедушка Егор, никто мне никогда не рассказывал. Только иногда, когда приезжали к нам в гости папины тётки, они говорили о дедушке, вспоминали его, пели любимые его песни, рассматривали его гражданские фотографии, сравнивая молодого дедушку с моим папой Стёпой.

А деда в нашей семье почитали, как героя. Его портрет в будёновке висел над родительской кроватью в горнице. Я смотрела на молодого лейтенанта и думала: «А какой он был бы сейчас, мой дедушка? Как он погиб? Где это и как случилось?».

Но время скоротечно... Не стало дедушкиных сестёр, ушел из жизни и мой папа Степан. Я сама уже стала бабушкой. Теперь этот портрет дедушки хранится у меня. И я часто в дни ПОБЕДЫ рассказываю своим внукам о дедах, погибших на войне, показывая их портреты и ещё две фотографии деда Егора, по крупицам я собирала сведения о нём от знакомых, родных, а также с 2019 на поисковых сайтах «Мемориал».

И вот однажды, по своим делам, случайно оказалась в Исетском краеведческом музее. Из беседы с научным сотрудником музея я узнала историю одного офицера Великой Отечественной войны, Четвёркина Георгия. Его фамилия совпадала с фамилией моего погибшего на той войне дедушки Егора, «однофамилец» –

мелькнуло в мыслях. У меня появилась надежда, что я узнаю что-то и о своих дедах Егоре и Тимофее, призванными Исетским районным военкоматом в 1941 году.

Зашли к нему в кабинет и, с экрана монитора компьютера, на меня смотрело знакомое, до боли лицо, моего умершего папы, только в офицерской форме.

– «Это же мой дедушка Егор» – сдавленно проговорила я.

– «Нет, это – Георгий! Я Вам сейчас про него рассказывал» – убеждал меня сотрудник музея.

Мы зашли на сайт, по личным данным выяснили, что это, действительно, мой дедушка. Просто имя Георгий, Егор, Юрий, уж очень вольно, трактовалось писарями. А дедушку Егором звали в родной деревне, но когда он женился во второй раз и переехал в Омск, он поменял имя, на более звучное – Георгий.

Слёзы радости успешного поиска застилали глаза, вот он мой дедушка, завеса тайны его гибели сейчас открывалась передо мной...

Сухая военная сводка:

Лейтенант Четвёркин Георгий Александрович – начальник инженерной службы 273-го стрелкового (впоследствии – Гданьского) полка внутренних войск 63-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД СССР Управления войск НКВД по охране тыла 2-го Белорусского фронта (2-го формирования), участник боёв за восточную Пруссию.

Родился в 1908 году в селе Красногорское Исетского района Тюменской области. Член ВКП(б). Рабочий.

Был у него единственный сын (от первого брака) Степан (мой папа).

В армию был мобилизован в 1941 году Исетским районным военкоматом.

В Польше шли бои, до Победы оставалось ещё семьдесят пять дней. 24 февраля, в деревне Острово Георгий Четвёркин подобрал после затихшего боя две гранаты немецкого производства: фашисты уже делали их из бетона, начиняли болтами, гайками, гвоздями и прочим железным хламом. Конструкцию этих гранат, он решил как опытный сапёр, рассмотреть более детально. Одну гранату он бросил, а вторую тщательно осмотрев, решил метнуть, дёрнул за крючок взрывателя, граната взорвалась в его руках. Через две

минуты лейтенант Четвёркин Георгий Александрович – мой дедушка погиб от ранения в грудь, лицо и шею...

До конца войны оставалось семьдесят пять дней...

Всего семьдесят пять дней, и он бы вернулся живым домой, вернулся к своему сыну... Всего семьдесят пять дней и у меня был бы дедушка, который пел бы свои любимые песни, играл на гармонии, качал меня на руках и рассказывал о Великой Отечественной войне и их Победе над фашизмом...

Но жизнь участника боёв за Восточную Пруссию, смелого и отчаянного любимца фортуны, воевавшего с первого дня в Великой Отечественной, так нелепо оборвалась от собственной неосторожности и любознательности. Сухие слова военного донесения о безвозвратных потерях, а за ними детские слёзы, несбывшиеся мечты...

Лейтенант Четвёркин Георгий Александрович – мой дедушка был похоронен в польском местечке Линкс на «братском кладбище». Но сегодня в Польше больше нет этого кладбища. Никто и никогда, ни я, его внучка, ни его правнуки, не сможем возложить красные гвоздики на могилу погибшего воина. Но память о нём жива и будет жить в памяти моих детей, их детей – моих внуков.

По весне, когда возвращаются с юга журавли и их радостный клич несётся над головой, я верю, что это мои дедушки, пролетают над родной стороной и говорят нам, своим потомкам, чтобы мы помнили.

В наших окнах летят бумажные журавлики, в сердцах горит вечный огонь в память о тех, кто уже никогда не вернется, и смотрят с портретов молодые погибшие лейтенанты и рядовые на прохожих.

А мои сероглазые внуки смотрят знакомыми глазами своего прадеда на его портрет. Они все немного похожи на него. И мне кажется, что мой дедушка, смотрит на них, улыбаясь, целует их в макушку тёплым майским ветерком, щекочет шаловливым солнечным лучиком. Он продолжает жить в нас – вечно.

* * *

*Моему деду, Четвёркину Тимофею Дмитриевичу,
погибшему 22 сентября 1942 года под Сталинградом,
посвящается*

Мне снился дед, которого не знала,
Мой дед, что не пришёл с войны.
Его я много лет искала, но информации так мало.
Лишь только снились эти сны.
Живой, без ног обеих. В страшных шрамах,
Но узнавали мы друг друга вмиг...
Я обнимала деда со слезами,
А он, доверчиво к плечам моим приник.

Ему на ухо тихо я шептала
- Так ты живой.
- Живой, - он отвечал.
А утром я опять ответ искала,
А вдруг, и правда жив, и ждёт меня.
Найти его, в каком краю не знаю,
Я помню лишь обрыв и керамзит,
Да жимолость с обрывистого краю
И госпиталь, какой – то, горем стих.

Нет ни названия, не вех приметных,
Чужая снилась мне земля
Лишь в памяти печалей светлых,
Его усталые глаза...
Зашла на сайт, там «похоронка»,
Что бабушке так долго шла,
А в сердце слёзная воронка-
Нашла его, нашла, нашла!

Погиб мой дед под Сталинградом,
В сорок втором, среди других,
Пал под лавиной пуль, снарядов,
Собою Родину закрыв.

Он рядовой и безымянный
Под камнем общим крепко спит.
Там, где Синявские болота,
Мемориал для них отлит.

Он был стрелком «второй ударной»,
Что полегли, погибли все.
Осталась горсточка от армий,
На том кровавом рубеже.
Есть мемориал на Малауксе,
И камень памятный гранит,
Там написали просто грустно,
Триста семьдесят четвёртая тут спит.

Их, безымянных, там две тысячи
И двести двадцать семь стрелков,
А может, кто – то тоже ищет
Своих родных – фронтовиков?
А я хочу приехать к камню,
И горсть родной земли отдать,
Чтобы для бабушки - солдатки,
Земли святой - кровавой взять.

И увезти в Сибирь, в глубинку,
К могиле бабушки родной,
Чтобы отдать и ей кровинку,
Того, кто не пришёл домой.
Она ждала его до смерти,
Не веря в то, что он погиб,
Передала нам «и вы верьте»,
Ловя с надеждой двери скрип.

Нашёлся дед, погиб в бою,
Я знаю, где он захоронен,
И в сердце память сохраню
«Простой солдат, советский воин»

Александр ГОЛОЗУБОВ

ДЕНЬ СКОРБИ НА КУРСКОЙ ЗЕМЛЕ

День скорби по павшим солдатам
Сегодня на Курской земле,
Здесь немцы огнём автоматов
Творили бесчинства в селе.
Шли фрицы походкой вальяжной
По улицам сельским толпой.
Над степью лавиною страшной
Летели Люфтваффе стеной.
Они разбомбили заслоны
Советских стрелковых частей,
И слышались раненых стоны
В окопах под грудой камней.
А вечером зорькою мгливой
Собрали весь честный народ,
И, выявив всех коммунистов,
Пустили несчастных в расход.
Сожгли на окраине хаты,
Лишь трубы остались одни.
Развесили всюду плакаты
О новом порядке в те дни.
Силком отбирали скотину
У мирных рабочих семей,
Грузили поспешно в машину
Для фронта нацистских зверей.
Каратели днём задержали
Не местных мальчишек в селе,
Жестоко штыками пытали,
А после зарыли в земле.
За чистые души подростков,
За гибель невинных сельчан,
Той ночью в избе отморозков

Взорвал слободской атаман.
Как волки фашисты взбесились,
Искали в селе партизан,
На всех истерически злились,
Топили в колодцах крестьян.
Но люди упорно молчали,
Не выдали им никого.
До смерти тогда истязали
Ещё паренька одного.
И молча, стояли сельчане,
От гнева их разум кипел,
Когда на колхозной поляне
Амбар с детворою горел.
Вот так продолжалось полгода,
Чуть кто-то нарушит закон,
Того при собранье народа
На смерть отправляли под склон.
А там две глубоких траншеи
С телами убитых людей,
У тихой кленовой аллеи,
Где змейкою вился ручей.
Но скоро пришло избавленье
От вражеских подлых чертей:
На Курск началось наступленье
Ударных советских частей.
Бежали германцы трусливо
Под натиском русских солдат.
В лесной полосе у обрыва
Погиб легендарный комбат.
За смерть удалого комбата,
За смерть неповинных детей,
Пред боем решили солдаты
Бить пуще кровавых зверей.
Они разгромили пехоту
Немецко-фашистских частей,
И заняли улицы сходу,

Разбив в пух и прах палачей.
Все планы нацистов сорвались
На выступе Курском тогда.
Россия врагам не сдавалась,
Так было, так будет всегда!

КУРСКАЯ БИТВА

В июле хлеба созревали,
На Курских раздольных полях...
Фашисты тогда лютовали,
Жестоко в родимых краях.
Они никого не щадили,
Ни женщин, ни малых детей,
По улицам ночью бродили,
Как стаи голодных зверей.
Сквозь тучи луна серебрила
Вдали тёмно-серый рассвет.
Окопы врагов осветила
Ракетница в бежевый цвет.
Осталось немного до боя
На Курской степной стороне.
Солдатская трудная доля:
В атаку идти на броне.
И вот! Началась подготовка:
Полтретьего, в мглистую ночь,
Внезапно «Катюш» группировка
На фрицев обрушила мощь.
Летели снаряды из башен
На немцев смертельным огнём,
Борисов, комсорг, был бесстрашен,
Семь танков подбил этим днём.
Хвалёные «тигры» пылали,
Как свечи горели вокруг,
Германцы в окопах дрожали,
Теряя воинственный дух.

Как выжить в ужасной кручине
Под градом ракет и свинца?
При каждой взорвавшейся мине
Не сгинуть бы здесь до конца...
Когда же огонь прекратился,
Звенела в ушах тишина.
Посёлок за речкой дымился,
Погасла на небе луна.
Смешалась на поле Великом
Земля, что в овраге крутом!
- За Родину! Сталина!- с криком
Пехота неслась напролом.

ОБОЯНСКАЯ ВЫСОТА

Земля стонала и гудела
На Курском выступе степном,
Эскадра «Илов» налетела
На фрицев в сумраке ночном.
Бомбила немцев за рекою
В сырых окопах у села,
Горели избы чередою,
Луна кровавая плыла.
Они как волки стаяй мчались
Сквозь мглу трусливою толпой,
Снаряды мощные взрывались,
Сметали всё взрывной волной.
Пылали танки и машины,
Дым уходил за горизонт,
Ложились кучно наши мины
У неприятельских высот.
Вот затрещала оборона,
Враг беспорядочно бежал,
В атаку шла бронеколонна,
То полк Сибирский наступал.

ПРОХОРОВСКАЯ ВЫСОТА

Пошёл в атаку лобовую
Советский летчик Горобец,
Звездой Героя золотою
Посмертно награждён боец...

Горела новая «пантера»,
Попал в неё шальной снаряд,
Она застыла у барьера,
Ни метр вперёд, ни метр назад.

Из люка выползли фашисты,
Пытались лесом удирать,
Но наши смелые чекисты,
Сумели нелюдей догнать.

Они схватились в рукопашной
С немецкой «мёртвой головой»,
И в драке яростно-отважной
Убиты фрицы под сосной.

Везде строчили пулемёты,
Враг с поля брани отступал,
В дыму померкли неба своды,
Как будто ад земной настал...

В бою у всех судьба такая,
Солдата каждого спроси.
- За нами Курск!- Москва родная!
Не быть фашизму на Руси!

Кровавое звонное поле.
Лежат в нём Герои страны.
Скорбим мы сегодня до боли
По жертвам жестокой войны.

ВОЗВРАЩЕНИЕ СЫНА С ВОЙНЫ

В белой роще пела птица,
В мае ночь была тепла.
Сладко спит уже станица,
Над землёй луна взошла.
Лишь в одной избе не спится,
Свет струится вдоль стены,
Мама ждёт, что возвратится
Сын единственный с войны.
Сон приснился ей однажды,
Как пошёл в атаку он,
Но под Курском пал отважно
Весь пехотный батальон...
Тихо молится старуха
Пред иконой в поздний час,
Каплют слёзы на пол глухо
Из печальных женских глаз.
Режет сердце боль тупая,
- Где ты Коленька родной?
Бабья доля не простая-
Сына ждать с войны домой.
Вдруг! Сквозь слёзы Валентина
Стук услышала в окне.
- Мама! Мама! - Голос сына!
- Я живой! Откройте мне!

БОЛЬ ДУШИ

Вечно останется в сердце моём
Милая Родина с Курским напевом.
Там край весёлых, лихих соловьёв,
Звонко поют на черёмухе белой.
И не забыть мне цветущих садов
Тех, что в деревне пышнее и краше,
Где в сорок пятом встречали отцов

С битвы великой родители наши.
Помню рассказы соседских дедов,
Как под Берлином геройски сражались.
Жизнь не щадя шли бойцы на врагов
С каждой атакой вперёд продвигались.
Но и сегодня, спустя много лет,
Есть, кому снова поведать народу
То, что война принесла много бед,
То, что Россия дала всем свободу!

НАБАТ БУХЕНВАЛЬДА

Опять звонят колокола
На лобном месте Бухенвальда,
Здесь зона пленников была,
Здесь смерть царила - это правда.
Она косила без причин
Людей, прибывших эшелонам,
Детей и женщин, и мужчин
Травила газовым «циклоном».
Сжигала узников в печах
Жестоким методом фашизма.
Несла кровавый меч в руках
Страны немецкого нацизма.
Подсчёта нет убийствам тем,
Что совершались гитлеризмом.
Сейчас хочу спросить: - «Зачем,
Людей сжигали с фанатизмом».
Кто дал им право убивать
Народ невинный на планете.
Не смейте люди забывать
О зверствах Гитлера на свете.
Цените то, что дал Господь,
- Отец обители небесной!
Одна мы с ним и кровь и плоть-
Он наш Творец Земли чудесной!

РАССКАЗ СОЛДАТА

Ушла война. Чего от жизни ждать?
Я оказался в жутком переулке.
Здесь проживала раньше моя мать
И малышом качала меня в люльке.
Свое село я сразу не узнал:
Вокруг стоят одни печные трубы.
Фашист при отступлении сжигал
Хлеба полей и хуторские клубы.
Вот, наконец, нашёл родимый дом.
Он был сожжён карателем нацистским.
Нет мамы здесь, и давит в горле ком,
И сердце плачет по друзьям и близким.
Кружится чёрной стаей вороньё,
Ещё над свежей братскою могилой.
Теперь навеки там у них жильё:
Детей, жены и мамы моей милой.
Но кто вернёт мне прежнюю семью?
Кто дом вернёт, где дружно песни пели?
Боль давит грудь, я слёзы горько лью,
Упав перед могилой на колени.

РУССКИЙ ДУХ

Трудные дороги фронтовые
Вспомнил дед, как много лет назад
Шли по ним отряды боевые
Сквозь огонь и в дождь, и в снегопад.
Слушал я, слеза не произвольно
Медленно стекала из очей.
Сердце защемило очень больно
За пропавших без вести людей.
Под Москвой вчерашние ребята
Без боязни шли в смертельный бой,
Бились до последнего снаряда

На земле Отчизны дорогой!
Не прорвали немцы оборону,
Дрогнули под натиском бойцов:
Группами по снежному затону
С трусостью бежали от юнцов.
Не отдали мы Москву родную!
Не отдали Родины своей!
Помните ту битву роковую,
Помните погибших в ней людей!
Русский дух - он в каждом человеке
С молоком любимых матерей.
Будет так и в двадцать первом веке,
Победим и натовских зверей.

ОПУСТЕВШАЯ ДУША

На душе моей печально, пусто.
Почему вдруг, сам я не пойму.
Может оттого, что очень грустно
Стало жить на свете одному.
Год назад ушла из жизни мама,
Было ей тогда за пятьдесят.
Раньше срока умерла от шрама,
Что на сердце ей оставил брат.
Он служил контрактником в Алеппо,
От ИГИЛ сирийцев защищал,
Но однажды на рассвете летом
Под огонь противника попал.
Кровью истекая, он не сдался
В лапы одурманенных врагов,
Вместе с исламистами взорвался,
Подвиг повторил своих дедов.
Но, а я всё чаще размышляю:
Мог ли брат иначе поступить.
Нет, конечно, чётко понимаю,
Был приказ назад не отступить.

ДНЕПРОВСКАЯ ВЫСОТА

Идут батальоны, с боями идут,
Народам Европы свободу несут.
Фашистам сломали под Курском хребет,
В войне наступил переломный момент.
И Сталина соколы мчались вперёд
На западный выступ Днепровских высот.
Горела земля и просторы лугов
От залпов орудий с крутых берегов.

Сошлись в рукопашной бойцы на Днепре
За нашу Отчизну в лихом сентябре.
Немецких дивизий там было не счесть,
Но мы отсталяли Россию и честь!
Враг дрогнул под натиском русских солдат,
Повёл их в атаку бесстрашный комбат.
От снайперской пули пал замертво он,
Огнём полыхал вдалеке небосклон.

Победа за Днепр там была нелегка,
И сотни людей поглотила река.
Десятки обозов и бронемашин
На дне оказались от вражеских мин.
Им стала могилой святая река,
Отважным героям, что шли на врага.
Их души парят в облаках над Днепром
И смотрят с небес на родительский дом.

А матери дома с надеждою ждут,
Что дети живыми с победой придут,
И молятся скорбно в холодный рассвет,
Но весточек с фронта от них так и нет.

Лариса КАРЕЛИНА

НА СВИДАНИЕ С ЮНОСТЬЮ МОЕЙ...

рассказ

В середине сентября 2011-го года ко мне приехала из Донецка моя подруга Люба с мужем. Я встретила их в аэропорту Тюмени, они прилетели ночным рейсом. Мы не виделись несколько лет, были рады встрече и по дороге в Ялуторовск расспрашивали друг друга наперебой обо всём сразу.

На следующий день отдохнувшие после долгого пути гости отправились знакомиться с Ялуторовском.

Стояла чудесная золотая осень. Город сиял чистотой, удивлял изобилием цветов, аккуратными свежими газонами, ухоженными деревьями. Очарованные красотой сибирской провинции мои гости после обеда решительно отказались от машины и заявили, что будут ходить пешком, чтобы, не торопясь, получше рассмотреть улицы, дома с резными наличниками и прочие достопримечательности.

В том году нам с Любой исполнилось по 60 лет, ей в апреле, мне в июне. Мы, конечно, приготовили друг другу подарки и с удовольствием обменялись ими. Но главный свой подарок, точнее, сюрприз, я приберегла на вечер. Дневное тепло сменилось прохладой, и мы снова воспользовались машиной, чтобы полюбоваться вечерним освещением города. Первый день пребывания был переполнен впечатлениями, гости с восторгом делились своими открытиями. Мы подъехали к пешеходному бульвару, решили немного пройтись. Впереди просматривалась скульптура – бюст на постаменте, хорошая подсветка позволяла видеть её четкие контуры. Когда мы приблизились к ней, Люба замедлила шаги и, всплеснув руками, воскликнула: «Боже мой, да ведь это Юлия Друнина! Просто невероятно, что она здесь, и что я это вижу!» Да, это была та самая Юлия Друнина, стихами которой мы зачитывались в школе, и которая ушла на фронт из Ялуторовского военкомата в 1942 году... Совсем юная, в пилотке, военной форме с высокого постаменты смотрела на нас из далёкого прошлого наша Юля. Такою изобразил её замечательный ялуторовский скульптор Владимир Шарапов.

И мы стали вспоминать любимые строчки. На скамейке поблизости сидели молодые люди, парни и девушки, они с недоумением посматривали на нас, сумасшедших старушек, читавших стихи в столь поздний час – время близилось к 12-ти - холодной сентябрьской ночью. Не понять им было нашего счастья, переполнявшего нас в те минуты, счастья встречи с юностью, спустя 45 лет! Вот какие сюрпризы преподносит порою жизнь. Недаром Юлия Друнина сказала когда-то: «Жизнь – чудо, молодость – чудо вдвойне!»

А начиналось всё в далёкие 60-е (прошлого века!), за тысячи километров отсюда, в небольшом шахтёрском посёлке Моспино, пригороде Донецка. Мы с Любой учились в одном классе, вместе ходили в школу, вместе возвращались домой. Мы обожали путешествия и книги. Книги мы не просто читали, мы их поглощали. Одним из самых любимых занятий был поход в городскую библиотеку, обычно в воскресенье. Наше детство незаметно перешло в юность, читательская всеядность сменилась большой любовью к поэзии Юлии Друниной. Она стала для нас кумиром. Мы отыскивали её сборники, радовались каждой новой публикации в «Комсомолке», в журнале «Юность». Первый сборник стихов Юлии Друниной, который я купила в школьные годы, был в простом бумажном переплете, на сероватой бумаге. Этот небольшой томик с названием «Русокопый солдат» до сих пор хранится у меня. Мы влюбились в Юлию Друнину раз и навсегда. Сами собой запоминались её стихи:

*Худенькой, нескладной недотрогой
Я пришла в окопные края,
И была застенчивой и строгой
Полковая молодость моя.*

«Зинка», «Не знаю, где я нежности училась», «Девчонка что надо», «Памяти Вероники Тушновой», «Кто говорит, что умер Дон-Кихот?» и многое другое осталось в памяти и в душе.

Утром следующего дня мы снова пришли к памятнику Юлии Друниной, принесли цветы, полюбовались сиянием осеннего дня, голубизной неба, простором бульвара, особым умиротворением, царившим вокруг. Не знали мы тогда, и знать не могли, какие трагические события ожидают нас в ближайшем будущем. Даже в самом страшном сне нам не могло присниться то, что случилось потом.

Перед отъездом Любы мы сфотографировались большой компанией у нас во дворе на фоне куста калины с пламенеющими гроздьями ягод. Иногда я достаю этот снимок, всматриваюсь в дорогие лица, вспоминаю нашу встречу, наверное, подаренную нам самим Господом Богом.

Прошло три года, снова наступил сентябрь, сентябрь 2014 года. Но какой он холодный и неудобный... Ласковых, солнечных дней и недели не было.

В родном Донецке не стихают бои, артобстрелы... Разбомбили школу, где мы с Любой учились, шахта – кормилица жителей нашего микрорайона – взорвана, погибли люди... По телефону я узнаю горестные новости о жизни моей донецкой подруги и её семьи. Любе довелось пережить многое: и убежища в подвалах, и ужас бомбежки, когда падали на пол с дочерью и прикрывали собой маленького внука, которому всего четыре месяца от роду. Им удалось выехать на юг, к Азовскому морю, куда ринулись жители Донецкой области, спасаясь от гибели. Там, в небольшом приморском посёлке Седово, после нескольких дней относительного покоя и затишья, их накрыл беспощадный огонь артобстрела. Люди металась в отчаянии, бросались в море, дальше бежать было некуда. Как остались живы, сами не ведают. Им повезло, они даже смогли вернуться домой. Что ждёт их завтра, не знает никто.

Я часто звоню в Донецк. Каждый раз замираю в тревожном ожидании голоса подруги: ответит ли она... А если нет?..

И каждый раз, когда прохожу мимо памятника Юлии Друниной, мысленно говорю ей: «Эх, Юля, знала бы ты, как перевернулся мир, завоеванный такой дорогой ценой!.. Хорошо, что ты уже не здесь. Спасибо тебе, боевая девчонка, за мужество и доброту, за нашу дружбу, за светлую юность».

P.S. Среди Любиных подарков, которые она мне привезла, самый дорогой – сборник стихов с комментариями и биографией Юлии Друниной «Я прошла по житейским волнам», изданный к её 85-летию.

г. Ялutorовск, сентябрь 2014 г.

МАМИНЫ КОСЫ

рассказ

*Посвящается 90 летнему юбилею моей мамы
Валентины Васильевны Мащенко (Щербаковой)*

За окном автобуса мелькали деревья, дома, иногда пробегали встречные машины и автобусы. Я ехала домой. К маме. В Донецке я не была давно, прошло уже несколько лет. С мамой мы, правда, виделись часто, обычно она приезжала ко мне. А теперь я еду к ней.

Тридцать первое декабря, поздний вечер. Позади долгий путь. Я еду домой. Совсем скоро увижу маму. А пока за окном автобуса пробегают шахтёрские посёлки, разделённые лесными полосами, или посадками, как их у нас называют. Сначала едешь будто бы по городу, потом раз – и ты уже за городом, своеобразное такое сочетание городского и сельского пейзажа. Темнота за окном становится непроглядной от густого тумана. Это одна из особенностей донецкой зимы – туман накануне Нового года, иногда бывало и с дождём. Хотя, помнится мне, что новогодние праздники были и с морозцем, с пушистым снегом. Вглядываюсь в эту темень, пытаюсь хоть что-то разглядеть и понять, сколько ещё осталось ехать.

...Дома, наверное, стоит ёлка и пахнет мандаринами, как когда-то в детстве. В памяти возникают картины. Вот я, ещё маленькая, в далёком шестидесятом с восхищением смотрю на маму. Какая она красивая! В новом крепдешинном платье, которое ей очень к лицу, она, весёлая, ожидает подруг, чтобы идти в гости. Её замечательные косы уложены короной и придают ей гордый вид. Ни у кого из маминих знакомых нет таких кос! А как они чудесно пахнут, когда она их расчёсывает по утрам! В тот вечер, собираясь на праздник, ей пришлось снова укладывать причёску. Но вот приходят её подруги, тоже весёлые, с мороза, поздравляют нас с Новым годом. Мама надевает пуховую шаль, пальто, обнимает меня на прощание и уходит. Она уже отдала приготовленные для меня подарки, теперь я буду наслаждаться новыми книгами, альбомом для рисования и красками. Мы с бабушкой будем слушать радио, в то время у нас ещё не было телевизора. И мне можно будет послушать бой кремлёвских курантов в полночь!

Вечер накануне Нового года сменился другим воспоминанием. Однажды к нам приехали гости, мамин брат с женой и сынишкой. Игорёк, двухлетний малыш, отличался непредсказуемостью своих поступков, они были на редкость оригинальны. Яркая, незабываемая сцена, словно отпечатанная на тёмном окне автобуса, предстала перед моими глазами. Ранним утром мама собирается на работу, в школу. Она стоит перед зеркалом и расчёсывает волосы. Роскошные, редкого цвета червонного золота, они почти полностью укрывают фигуру мамы. Необыкновенные каштановые волосы отливают чудесным блеском. Такими одарила маму природа. Теперь же с помощью краски можно сделать любой оттенок. Вот это самое золотое сияние волос, наверное, и привлекло Игорька, который тоже встал ни свет ни заря. Увидев маму, он тихонько вышел из спальни, подкрался к ней сзади и с разбегу прыгнул прямо на волосы, уцепившись за них. Да ещё и повис на них!.. Мамино отчаянное «Ой-йо-ёй!» подняло всех на ноги. «Отпусти, Игорёк!», умоляла мама, но парнишка продолжал виснуть на косах. И только тёте Гале, его маме, с трудом удалось разжать цепкие пальцы и увести сына в другую комнату. Вот уж поистине, красота – страшная сила!

Не раз я спрашивала маму, как ей удалось вырастить такие косы. Она, смеясь, отвечала: «Никаких секретов нет, сами собой выросли! Вот, правда, в Сибири, где прошло моё детство, была очень хорошая вода, чистая, мягкая. Может быть, это и есть секрет?» В 1941-ом году, ей, одиннадцатилетней Вале, пришлось выехать вместе с матерью и тремя братьями в эвакуацию в Сибирь. Мамин отец, мой дедушка, как и другие мужчины, остался взрывать шахту. Потом их самолётом переправили через линию фронта. Эшелон, в котором ехала наша семья, был последним, он ушёл на восток за день до прихода немецких захватчиков в Сталино, так тогда назывался Донецк.

Но прежде надо было сформировать эшелон, хотя вагонов не было, никаких, даже товарных. Дали только обычные открытые платформы, да ещё доски. Вот из этих досок мужчины сооружали что-то наподобие вагонов-домиков. Поверх досок стелили толь, обшивали, утепляли, как могли. Посредине ставили железные печки-«буржуйки», которые мастерили наскоро из бочек, наружу выводили дымоход. В такой, наспех сколоченный вагон, селили обычно пять семей. В эвакуацию отправляли, в первую очередь, семьи коммунистов.

К эшелону был прицеплен товарный вагон с продуктами, которые строго по норме по спискам выдавали людям. Главное – была мука, из неё всю дорогу пекли лепёшки. Ещё было три бочки солёных огурцов, их потом быстро съели.

Формировался эшелон на станции Иловайск, всё нужно было делать быстро – фронт неумолимо приближался. В течение суток необходимо было закончить подготовку и отправить поезд. На станции стояло несколько открытых платформ с зерном пшеницы. Начальник станции, узнав, что формирующийся состав будет отправлен в Сибирь, распорядился раздать зерно людям, отправить его в тыл уже не представлялось возможным. Ведь что-то надо было есть, тот хлеб, который выдали накануне, уже кончился. Вот и спасла людей пшеница, из неё варили кашу, не один раз вспоминая добрым словом иловайского начальника.

Поезд отъехал немного от станции и остановился в степи. Людей предупредили, чтобы все были одеты и имели при себе документы. Двери в вагонах должны быть приоткрыты, чтобы, как только начнётся налёт и бомбёжка, все сразу выпрыгивали из вагонов. Показались немецкие самолёты, раздалась команда: приготовиться к налёту! Все прыгали с насыпи под откос. Каким-то чудом уцелели, пережили самое страшное. Наверное, самолёты возвращались уже после бомбёжки.

Однажды на их пути возникла неожиданная преграда – большое стадо коров. Погонщик упросил женщин подоить коров, они, бедные, уже не могли идти. Конечно, вызвались многие, побежали с вёдрами, банками, бидонами... Молоко несли в вагоны, пили свежее, сладкое, раздавали всем. Потом поезд тронулся, снова продолжая свой путь, позади осталось молочное стадо...

А воду набирали на станциях, с большим трудом, в долгих очередях, стараясь набрать побольше, запасались.

Выезжали из Донбасса по теплу, в сентябре, а чем дальше продвигались к востоку, тем становилось холоднее. На Урале они въехали в зиму, теперь ещё и дрова пришлось добывать. Здесь поезд долго стоял в тупике, пропуская все составы, которые направлялись на запад, на фронт. Запомнился город Копейск Челябинской области, где простояли шестнадцать суток. Был установлен график дежурства, чтобы поддерживался огонь в печках. Особенно мёрзли по ночам, порой и задремлет дежурный, тот, кто должен подбрасывать дрова и следить за печуркой.

Вспоминая об этом времени, мама всегда плачет.

Эшелон прибыл в сибирский город Кемерово только спустя три месяца, к новому, 1942 году. Мама рассказывала мне, как сурово встретила их Сибирь, мороз стоял за сорок градусов. Людей приехало много, а жить было негде. Этот эшелон уже и ждать перестали, считали, что все погибли при бомбардировке. Приходилось ютиться и двум, и трём семьям в одной комнате, пока в спешном порядке не поставили новые дома. Ездили в тайгу, рубили деревья и строили, сутками работали на морозе...

Ко всем трудностям прибавилось ещё неожиданное обстоятельство. Как говорят в народе, беда не приходит одна. Когда поезд прибыл в Кемерово, на перроне его уже ожидал наряд милиции. Был получен приказ забрать оставшуюся муку. И забрали. Правда, люди пытались хоть сколько-нибудь у себя оставить, прятали. Женщины плакали, кричали отчаянно: чем мы будем кормить детей?! Но всё было бесполезно, протестующим пригрозили арестом. Вот таким запомнился моей маме первый день в Сибири. Новая жизнь начиналась и в холоде, и в голоде. Мамина мама, моя бабушка, вместе с другими эвакуированными женщинами ходила по окрестным деревням, чтобы выменять что-либо из своих вещей на картошку. Так ей пришлось расстаться с украинскими сорочками-вышиванками, которые она вышила когда-то ещё в юности, готовила себе приданое. В семье осталась всего лишь одна единственная, которая долго бережно хранилась нами. И только небольшой фрагмент узора этой сорочки сегодня напоминает о том, что моя бабушка была украинка, родом из Киевской губернии. Домотканый лоскут с вышивкой красными и чёрными нитками, семейная реликвия. Теперь трудно даже представить себе всё пережитое моей семьёй.

В деревянном бревенчатом доме в сибирском краю выросла моя мама, и выросли её косы. Мыла она их обычным хозяйственным мылом, сушила и расчёсывала возле печной грубки. Закончилась война. Братья, которые были старше мамы, разъехались, кто куда, умер дедушка, внезапно от инфаркта умер мой отец. Наши донецкие родственники постоянно звали нас вернуться. И мы вернулись в Сталино. Жили втроём – мама, бабушка и я. Трудно жили, бедно. Долгое время на съёмных квартирах мыкались, пока не получили прекрасную квартиру с удобствами на втором этаже в новом доме. Я и сейчас с удовольствием вспоминаю трёхметровые потолки, просторные комнаты и любимый балкон, с которого так хорошо было наблюдать за всем, что происходило на нашей улице.

А что же косы мамины? Они, к великому её огорчению, стали высыпаться, вода в то время в Донецке была не очень хорошая, солёная. Косы становились всё тоньше, волос оставалось всё меньше и меньше. Теперь уже мама не укладывала косы короной, а собирала их в узел на затылке. И, наконец, наступил день, когда она после расчёсывания с горечью сказала: «Придётся обрезать, у меня так болит голова от шпилек и приколов, да и кос-то уже не осталось почти».

Удивительно устроена наша память. И радость, и горе необычайно ярко, навсегда остаются с нами. Этот день я не забуду никогда. Мне десять лет. Мы с мамой едем в центральную парикмахерскую. Здесь я долго сижу в ожидании, когда же мама выйдет ко мне после всех процедур. И вот она выходит. Без косы. С химической завивкой. Глядя на меня, робко как-то, несмело спрашивает: «Ну, как тебе, дочка, моя новая причёска?» Уж лучше бы она меня не спрашивала!.. Я до сих пор помню, какой непоправимый удар я получила от этой новой маминой причёски. Помню, как задыхаясь от горя, сказала маме обидные слова, что и некрасивая она теперь, и эта причёска мне, ну, никак, не нравится. Плакала злыми слезами, вырывала свою руку из маминых рук, когда она попыталась меня успокоить и взяла за руку. Молча, мы вышли из парикмахерской, также молча, долго ехали в автобусе. На улице стояло знойное донецкое лето, каникулы, мама была в отпуске. Но всё это шло мимо моего сознания. В своём детском эгоизме, которым многие из нас «переболели», я не видела и не хотела видеть, как больно было моей маме. Она, конечно же, не ожидала такой агрессивной реакции с моей стороны, а косы-то ведь были её!.. Но всё проходит, время лечит, и это прошло. В конце концов, мир был восстановлен.

Снова пытаюсь что-либо разглядеть в темноте, когда же моя остановка будет. Ничего не увидев, рисую живые картины прошлого на тёмном окне.

Я заканчиваю восьмой класс. Весна. В нашем классе, да и по всей школе, девочки обрезают косы и делают очень модные причёски – локоны!. Накануне женского праздника 8 марта мы с подругой Любой тоже решились на этот рискованный шаг втайне от наших мам. Не помню, как обстояло дело у подруги, а свой поступок и то, как отнеслась к этому моя мама, я хорошо запомнила. Кстати сказать, в нашем классе только две девочки не захотели расстаться с косами. А мне эти локоны даже по ночам грезилась, уж очень хотелось изменить свою причёску. Коса у меня

была так себе, с маминой, когда-то толстой, тяжёлой косой, никакого сравнения. Накануне вечером мама пришла с работы, как обычно, поздно, я уже спала. Она преподавала математику в вечерней школе. Утром рано ушла, и, разумеется, не успела увидеть мой «шедевр». Днём мы должны были встретиться у наших родственников. Полдня я завивала свои локоны, потом надела модный пуховый беретик и очень довольная собой отправилась в гости. Маму я увидела издали во дворе среди наших друзей и родственников. Они разговаривали, смеялись, стоя на улице. Я подошла и весело поздоровалась. И вдруг улыбка исчезла с маминого лица. Она в каком-то оцепенении, молча, смотрела на меня, а потом сказала с невыразимой грустью: «Что ты наделала?..» Глаза её, большие, серые, такие родные, наполнились слезами. И уже сквозь слёзы она тихо добавила: «Ну, спасибо, доченька, за подарок!» На этом праздник закончился. Конечно, я попросила прощения у мамы, да и сама расплакалась, глядя на неё. Но сознание своей вины перед мамой долго ещё терзало мою душу. Спустя полгода, уже после выпускного, мы с мамой сфотографировались. На чёрно-белом фото мама с химической завивкой, а я – с локонами.

Ну, вот и моя остановка, наконец-то. Выхожу в ночь, сырую, тёмную. Остаюсь одна. Время довольно позднее, уже одиннадцатый час. Один единственный фонарь на перекрёстке, а дальше – темень. До ближайшей улицы, где тускло, мерцают в тумане огоньки домов, ещё идти и идти.

На дороге грязь, лужи, и я благоразумно перехожу на тротуар. Он выложен бетонными плитами, обсажен деревьями. Я помню, как мы их высаживали по весне в десятом классе. А сейчас они просто великаны, вон как вымахали. Наконец, я благополучно преодолеваю тёмный, мрачный отрезок пути, и вот уже впереди дома, яркие огни. А вот и моя родная улица...

Сворачиваю во двор к нашему дому. И тут вдруг ощущаю, как забило моё сердце, перехватило дыхание... Останавливаюсь, и в полной тишине, несмотря на праздничный вечер, стою несколько минут у подъезда. Потом медленно поднимаюсь по ступенькам на второй этаж. Вот и наша квартира, нажимаю кнопку звонка. Слышу мамины шаги и голос: «Кто там?»

Сейчас, вот сейчас я обниму её... Мне откроет дверь маленькая седая старушка с короткой стрижкой. Я прижмусь к ней, вдыхая её, мамин, родной запах. Запах детства, мандаринов и маминых кос...

Татьяна АНДРИЯНОВА/ СОСУНОВА

ЭХО ВОЙНЫ

И званным, и незванным
Приходишь ты во сне.
То идёшь ты, раненый,
То скачешь на коне.
Травы сухой шуршанье
И тяжкий, тяжкий стон.
Предсмертное рыданье...
Где ж похоронен он?
Где муж мой похоронен,
Давно узнать хочу.
На новое свиданье
К нему я улечу.
Раскину руки – крылья,
К земле прижмусь щекой,
Признаюсь, не забыла
Как жили мы с тобой.
И покажу я фото,
Где сын и дочь вдвоём.
А коль узнать охота,
То внуков привезём.
Надеюсь, что мой милый
В бою не подкачал,
И автомат горячий
Минуты не молчал.
Мне эхом отвечает
Чужая сторона.
Ей память о том бое
Навеки вручена.

Лена ФРИК/ Елена ГУЩИНА

КОЛОДЕЦ

рассказ

Памяти мамочки моей посвящается

Аннушка бежала домой. Её босые загорелые ноги, по щиколотку покрытые пылью, мелькали меж зарослей ромашки и цикория, растущих по обочинам тропинки. Солнце уже готовое спрятаться за остроконечными вершинами гор, отдавало, не жалея, своё тепло. Стрекот кузнечиков в траве, гомон птичьих стай в рощице, что раскинулась на берегу горной речушки, журчание хрустально-чистой воды – всё располагало к покою. Было острое желание упасть в эти травы, вдыхать их пряный аромат и слушать пение птиц. Аннушке до боли в сердце хотелось забыть, что где-то идёт война, гибнут люди, забыть о похоронках на двух её старших братьев, что спрятаны за иконой в красном углу. Ах, как бы ей хотелось забыть о том, что никогда больше не обнимет её мама, отец не окинет суровым взглядом и не узнает она историю о том, каким образом оказался донской казак Терентий в этом горном краю южного Казахстана. Война, проклятая война, всё отняла! И тут она вспомнила о старшей сестре. Маруся ждет её домой! Аннушка припустила бежать по тропинке. Старенькие туфли, крепко связанные друг с другом шнурками, она перекинула через плечо. Берегла.

Пробегая мимо заброшенного колодца на самой окраине села, она остановилась, чтобы привычно поздороваться с эхом, живущим в этом колодце. Аннушка любила с ним перекликаться. Эхо ей всегда отвечало. Она наклонилась над колодцем и приготовилась крикнуть. Но что это?!

В лучах заходящего солнца на дне колодца, точнее у кромки поблескивающей серебром воды (колодец медленно высыхал), лежала большая краюха хлеба. Края её были неровные, будто кто-то обгрыз её со всех сторон и случайно уронил. Но это был хлеб! Аннушка сглотнула слюну. Голод сразу же напомнил о себе недовольным урчанием в животе.

На раздумья ушло ровно полминуты. Сняв с крюка ржавое, но ещё крепкое ведро, попробовав на прочность цепь, решила –

выдержит. Из-за постоянного недоедания вес у Анны был небольшой.

Туфли, сняв с плеча, она повесила на крюк, на котором минуту назад висело ведро. Усевшись сверху на ведро и обхватив ногами и руками цепь, она сделала глубокий вдох, оттолкнулась и понеслась вниз.

На дне колодца было сыро и прохладно. От страха и напряжения руки и ноги свело судорогой, но она не стала отвлекаться на такие мелочи. Пройдёт. Огляделась. А вот и хлебушек! Да какой же это хлебушек?! На какое-то мгновение у Аннушки до боли перехватило дыхание. На дне колодца лежал большой жёлто-коричневый намокший комок ваты. Как он попал в колодец – остаётся загадкой. Она в бессилии опустилась на большой камень, торчащий из воды, и заплакала. Она даже не плакала, а тоненько скулила от обиды и голода. Вместе с ней заскулило и застонало эхо. Этот горестный стон, доносившийся из колодца, привлек внимание старшей сестры. Та, не дождавшись младшей с фермы, отправилась на поиски. Мария была старше всего на три года, но после смерти родителей была для Аннушки и за мать, и за отца. Не в первый раз она выручала «младшенькую» из разных переделок. Вот и сейчас, прежде чем помочь сестре, она сломала с ближайшего куста ветку, оборвала с неё листья. Хворостина получилась упругая.

Путь наверх был труден. Когда Аннушка, дрожа, выбралась из колодца, первое, что она увидела - хворостина в руках сестры, и с визгом кинулась бежать, забыв про туфли. Мария от досады и бессилия хлестнула прутом по воздуху и, подобрав обувь сестры, побрела домой.

Дома, разделив поровну скудный ужин: несколько холодных картошек, Мария со слезами на глазах выслушала рассказ Аннушки.

Прошли годы. Аннушка, теперь уже Анна Терентьевна, рассказывая младшей дочери о своих приключениях, ловила в детских глазах восхищение: «Вот какая у неё мама!». Также в этих родных глазах читалось непонимание: «Неужели можно из-за обглоданной краюхи хлеба нырять в колодец?» Анна смотрела на дочь, а по её щекам текли слёзы, слёзы счастья и надежды, что её дочь никогда этого не поймёт и не узнает.

Галина ФЛЕГЕНТОВА/ ШПРИНГЕР

ПОЛЮШКА

рассказ – быль

*Памяти моей бабушки,
Остапенко Полине, посвящается*

Мой отец был ребёнком во время Великой Отечественной Войны. И когда бы я ни спрашивала его о тех годах, он чаще отмалчивался. Знали мы, его дети, только, что эти годы для отца были полные лишений, голодные, без родителей: его отец воевал, а мама погибла в первый год войны, в 1941 году, помогая партизанам. Но сколько мы с братом не пытались узнать, расспросить отца, все попытки были тщетными.

Но в один из дней Победы, девятого мая, когда я с детьми пришла поздравить родителей с праздником, отец, сидя за праздничным столом, выпил рюмочку водки за своих родителей, и вдруг уронил голову на руки, и заплакал. Война разом обрушилась на его седую голову. Рыдания сотрясали его немощное тело.

А потом, он поднял голову, его глаза затуманились, смотрели вдаль, и он заговорил. Его лицо осветила улыбка, и он произнёс по-украински: «Маты, матуся. Маты - яка она красыва була, наша маты». А потом сказал по-русски: «...Её чёрные смоляные волосы были до пояса, и их всегда прикрывал платок. На шее рубинами горели яркие бусы и в будние дни, и в праздники. Это то, что она оставила для себя из прежней жизни. А как она пела песни. Голос её звенел, как звоночек».

«Нэсэ Галя воду, коромысло гнэтся, а за нэй Иванку, як борвынок вьэтся...», - вдруг по-украински запел отец, прикрыв глаза, и был он в этот момент далеко, далеко от нас.

Песня оборвалась и снова отец продолжил рассказ, и в его словах звучала неприкрытая нежность, доброта: «Так как маты нас любила, больше никто и никогда не любил нас: меня, брата Колю, Галю сестренку и братишку Шурку. Она много работала, то корову доила, то нас малышей кормила, то сено в стог метала.

И дом был на ней, хлеба пекла знатные и вкусы всякие. Духмяный запах маминого хлеба до сих пор помню. А какая веселая была, всегда улыбающаяся, глаза раскосые, как у тебя доця».

И глубокая печаль поселилась в его глазах, он снова смотрел на нас и не видел. А я с замиранием сердца, слушала его рассказ. «Батяка мою маму увез из табора, она была молдаванская цыганка, стройная и гибкая, как стебелек, а когда пела, песни разлетались по деревни журчащим ручейком и, слушая ее, односельчане улыбались.

Наступал вечер, она звала нас: «Диточки пийдиты до мэнэ». И начинала обнимать нас, целовать в волосы и лобик, скажет ласковые слова, прижмет к себе. А от нее пахло молоком, цветами и весной».

Отец снова замолчал, вздохнул тяжело и продолжил. «Мне в 41 году было семь лет, Николаю - двенадцать, Шурке - пять годочков, а Гале едва исполнилось два годика. Отец боготворил маму, кроме как кохана, мы и не слышали другого обращения к ней отца, и семья была дружная, и дом полной чашей. Домик наш стоял на краю деревни. Я с детства помню маленькую хату, мне она казалась очень красивой, яркой. Крыша была крытая камышом и соломенными снопами, стены были побелены и расписаны яркими рисунками, цветами: желтыми, красными, синими. В середине хаты стояла побеленная печь с лежанкой, возле стен - деревянные лавки, в центре - стол. Мама сама расписывала стены символическими рисунками и цветами, орнаментами, которые, как говорила она, помогают отогнать злую силу. А во дворе всегда летом цвели алые маки, и было зелено, зелено вокруг. Но началась война, и отец ушел на фронт, а мама осталась одна с четырьмя детьми. Немцы вошли в деревню с шумом и треском мотоциклов, с гортанной немецкой речью, учиняли разбой и расстреливали селян. А маме нужно было выжить и сохранить детей».

Отец посмотрел на меня и сказал: «Это я сейчас понимаю, а тогда, тогда мы были маленькими детьми». Голос у отца задрожал и стал тише, но рассказ он продолжил: «Кто из мужчин не ушел воевать, молодые хлопцы, да пожилые, бежали в лес, и организовывали партизанские отряды. Но были и такие, как дядько Петро, молодой здоровяк, он стал полицаем.

Однажды ночью раздался стук в окно, и я проснулся, услышал, как мама с кем-то разговаривала и сказала, чтобы приходили через два дня, и добавила, что хлеба напечет.

Так наша мама начала помогать партизанам, она пекла для них хлеб. Один раз в неделю раздавался стук ночью и дядька Афанас забирал хлеб, это был наш Голова - председатель колхоза».

Отец замолчал, взял сигарету и закурил, руки дрожали, он затаился, пытаясь успокоиться.

«Все чаще днем стал заходить дядька Петро. Он хватал маму за руки, кричал: «Помогаешь партизанам, сдам тебя немцам!». Он всегда был пьяным, лицо становилось от злости бардовым. Мы боялись его, забивались в угол, было страшно. У него было ружье и белая повязка с крестом на рукаве.

Тень тревоги все чаще появлялась на лице мамы, и она просила нас не убегать далеко от дома, приговаривая шепотом, что немцы в деревне и что не дай Бог, шальная пуля.

А немцы свирепствовали, то последнюю корову увели из дому, то детей из нашего села старше 14 лет согнали и отправили в Германию, то соседей вывели из дома, дом подожгли, и дедушку расстреляли у нас на глазах. Баба Марыся кричала и плакала, а мама нам закрывала глаза, что бы мы не видели, как убивали немцы.

Мама привела бабушку к нам в дом, та слегла от горя и слёз. Она выхаживала её и сказала, что это теперь её дом, и она будет с нами жить.

Шли дни, и лето сменила осень, баба Марыся поднялась и начала понемногу помогать маме по дому.

И вот наступил тот страшный день. Был полдень, жара, солнце в зените, сентябрь, мы прятались от солнца в хате. Мама наливала из крынки молоко, делила на всех поровну. Немцы еще не добрались до нашей козы. В это время ввалился пьяный Петро, схватил маму за руку и заорал: «Так пойдешь со мной? Твоего Павло убили». Мама отшатнулась.

«А... партизанская сучка!». Петро потащил маму из хаты. Бабуля на пороге хаты, упала перед дядькой на колени: «Петро, Петро! Я же тебя маленьким выходила, лечила. Оставь Полю, у нее дитятки один мал мала меньше, пожалей деток». Петро рассмеялся, от него резко пахло самогоном, чесноком. Он стоял качаясь, крепко держал маму за руку и прохрипел: «Пошли, по - хорошему».

Но мама в этот момент вырвала руку и выдохнула ему в лицо: «Павло-жив! Ты врешь-фашист!».

Разъяренный полицай ударил маму по лицу, у нее из разбитого носа потекла тоненькой струйкой кровь, и каплями капала на белую сорочку-вышиванку.

В этот момент во двор заехал мотоцикл с двумя пьяными немцами и офицером. Мы, дети, забились под лавку, бабуля

закрыла нас. А дядька Петро уже орал: «Партизанка, партизанка!». И обращаясь к немцам: «Я отведу ее в комендатуру». Но немецкий офицер был пьян и что-то резко сказал по-немецки: «Цушиесен!» (расстрелять), и показал рукой на стог, стоящий вдалеке.

С мотоцикла соскочили немцы в касках. Они смеялись и кричали: «Шнелль, шнелль!». Тут завопил Петро, поняв, что будет дальше: «Да зачем же сразу расстрелять? Давайте дознаемся сначала». Но было поздно. Немецкие солдаты поволокли маму за дом к стогу сена, который стоял вдалеке.

Я всё это видел из окна хаты. Я не понимал немецких слов, но понял, что сейчас произойдет что-то страшное. До сих пор в памяти стоят ярко красные капли крови на сорочке-вышиванке у мамы и блестящие лаковые сапоги у офицера – немца».

Отец снова глубоко затянулся сигаретой и замолчал. Я заглянула ему в глаза, они были темными, как омут, и в них затаилась слеза. Прошли секунды, но мне показалось вечность. Голос стал еще тише. Отец был не с нами, он вернулся в осень сорок первого года.

«Дом стоял на окраине. Светило яркое солнце, испепеляла жара, в садах созрели яблоки, груши, абрикосы, стоял томный аромат спелых фруктов и звенящая тишина. От жары все живое притаилось. За домом, чуть поодаль, стояло два стога сена. Мы, дети, выскочили из дома, спрятались за ближний стог, а глазами следили за немцами.

Офицер что-то громко крикнул, щелкнули затворы. И в этот момент мама крикнула: «Фашисты», - последовал удар в лицо прикладом автомата. Яркий цветастый платок сбился и по плечам рассыпались волнами, роскошные смоляные волосы, карие раскосые глаза, как два уголька светились на бархатной коже лица. Мама была так молода и красива, и немецкий офицер невольно залюбовался ею. И даже пьяные солдаты замерли на мгновение. Офицер подошел и рванул сорочку и обнажилась девичья грудь. И загорелись, плотоядным огнем страсти, глаза фашистов. Полицай Петро вскрикнул: «Нет!».

Офицер резко повернулся и выстрелил в него. Петро упал, широко раскинув руки, в траву.

Нас, детей, парализовал страх, и мы не заметили, как маленькая Галя, замотанная в тонкий платок, перевязанный под мышками, отошла от стога и уже пошла по полю, собирая цветочки, в руке у нее были васильки. Она медленно шла босая по

траве, широко расставляя свои маленькие ножки, и напоминала маленькую бабульку.

Коля закричал: «Галю, Галю...». Но она не слышала, продолжая потихонечку идти по полю, держала своими ручонками тоненькие стебельки ярко-голубых васильков.

А в это время офицер сбил с ног маму. А второй молодой фашист увидел маленькую Галю, которая шла прямо к стогу, где лежала мама. Немцы отпивали что-то из бутылки. Молодой фашист, покачиваясь, не ровной походкой пошел в сторону малышки.

И мама из последних сил крикнула: «Галю, бижи, донечко, бижи...»

Мы были пригвождены всем происходящим. Но крик мамы вывел нас из оцепенения. Коля выскочил и побежал за Галей, за ним побежал Шурка, брат обернулся, схватил Шурку за руку, и потащил за собой. Немец догонял Галю. Но детские ноги быстрые. Коля подхватил на руки сестренку, в другой руке рука Шурки и они бежали так быстро, как только могли, их гнал страх...

Немец остановился, плюнул в траву, пару раз выстрелил, но не попал в детей.

А Коля с братом и сестренкой на руках убежал в сторону леса все дальше и дальше».

Отец замолчал, потянулся за сигаретой, но рука опустилась, так и не взяв ее. На его лице отразилась боль.

«У меня ноги приросли и я не мог сдвинуться с места. Маму били. Я увидел, как офицер расстегнул ремень. Она уже не стонала от каждого удара сапогом...

Фашистов было трое. Полина все поняла. И в секунды начала молиться: «Только бы детей не тронули и быстро умереть... Господи, помоги...».

Ремень упал в траву, фашист навалился на нее, и она, собрав все свои силы, плюнула ему в лицо.

Он ударил ее пистолетом по голове и сознание покинуло ее. Офицер поднялся, брезгливо выругался: «Руссишь швайн» (русская свинья), и махнул рукой солдатам, пропуская к телу, неподвижно лежащей, мамы.

Мама лежала в стогу, не двигаясь, не удобно запрокинув голову и подогнув ноги, ее шерстяная юбка задралась выше колена... Она была без сознания.

Но в последние секунды ее сознания перед ней пронеслась вся ее счастливая жизнь: табор, вечерний костер, звон монисты,

танцующей цыганки, и как она поет под звуки рыдающей скрипки. Всплыло лицо ее бабушки, которая качала головой и просила ее: «Полюшка, не будет с ним счастья, одна беда будет...» И тут она увидела на руках первенца Коленьку и мужа Павла. Он целовал ей руки и волосы и шептал: «Спасибо, коханая».

Свет потух, сознание покинуло ее...

Немцы надругались над мамой. Пили самогон, дико хохотали...

Это было, как в страшном сне...

А я, я даже не плакал, только опускал голову в стог с сеном, поднимал и шептал: «Матуся, матуся, матуся...»

Потом я увидел, как офицер зажег зажигалку и бросил в стог, где лежала мама. Стог вспыхнул, как факел.

Больше я не помню ничего. Меня нашла утром в траве, возле стога с сеном, бабуля Марыся, я был в беспамятстве. Две недели она отпаивала меня настоями трав, а я все бредил и бредил, звал маму: «Матуся, матуся, маты...».

Мой брат Коля, Шура, и сестренка Галя, исчезли, и никто не знал, где они.

Бабуля выходила меня. И однажды, я услышал страшный рассказ бабушки, о том, что сделали фашисты и как сожгли ее в стоге сена.

Мне часто снилась мама, и уже, когда я стал взрослым, мама пришла ко мне во сне и рассказала, что чувствовала и как прожила последние минуты своей жизни».

Отец опять замолчал, руки его дрожали, глаза были полные слез. Мне показалось что за минуты рассказа отец в мгновение постарел лет на тридцать. Он снова заговорил: «И сейчас, я закрываю глаза и вижу, как моя матуся, целует меня в лоб, в глаза, и я чувствую ее запах молока, запах весны и цветов...»

Отец прикрыл глаза, и по щеке скатилась одна за другой слезы. И прошептал: «Моя любимая мамочка, моя матуся, маты...Я ничего не сделал, чтобы тебя спасти».

Вот такой рассказ я услышала от отца о своей бабушке, о страшном военном детстве отца и о первых месяцах войны.

И плачет скрипка в руках цыгана о нашей Полюшке, и звучит песня цыган о доле, о войне, о любви, о трудной судьбе цыганки...

ИДУТ ГРИБНЫЕ ДОЖДИ

рассказ

Летняя украинская ночь, душно, цикады поют, и рядом сидит самый близкий мне человек - моя мама. Более полувека прошло, и сегодня мы вернулись в то село, где родилась и жила мама. В эту украинскую деревеньку мы приехали навестить родных. Все разошлись спать, а она все сидела и не могла уйти, стол был накрыт на улице, под ореховым деревом, она держала в руках спелую грушу, а в глубине глаз затаилась печаль.

Домашняя вишневка, сделала свое дело, и мы говорили и говорили о родных, близких и о тех, кого уже нет с нами давно. Мамин взгляд затуманился, словно она что - то высматривала в прошлом. И по щеке скатилась слеза. Она проговорила: «Словно как тогда, в тот летний вечер...». И воспоминания нахлынули на нее, и память вернула ее в прошлое. Она начала рассказ о первом дне войны, каким его увидела трехлетняя девочка, который ворвался в жизнь их семьи и навсегда разрушил, все, что было дорого и любимо, и отнял навсегда близких людей.

«Помню, как я трехлетняя девочка сидела за родительским столом, рядом был отец и мать, и старшая сестренка. Мы уже поужинали и пошли в дом, начал накрапывать дождик. Отец поднял голову, посмотрел на вечернее небо, подставил ладонь и сказал: «Идут грибные дожди».

Нас детей отправили спать. Закрыли дверь. И преданный пес – овчарка «Верный», затих во дворе. Было очень душно, конец июня, и нам не спалось.

Вдруг дом наш осветили фары, раздался скрежет тормозов. Гортанный звук немецкой речи, и лай «Верного». И мы с сестренкой выбежали в кухню, в ночных рубашонках, топая босыми ногами по полу.

И от удара ногой открылась дверь. Я помню, как ослепил фонарик нам глаза, и трех высоких мужчин, не похожих на отца, плащи, блестящие на них и громкий лай собаки, рвущейся из ограды, и мамин вскрик, тупой удар дулом автомата отца в живот. И мама отступила назад, обнимая нас с сестрой, и пряча себе за спину.

Мы замерли от страха, отец лежал и не шевелился. Немецкий офицер ругался и кричал, и в этот миг в дом ворвалась собака

«Верный», собака бросилась бесстрашно защищать хозяйку и детей.

И опрокинула фашиста ударом сильных лап. Мама вскрикнула. Выстрел, звук опередил огонь из дула пистолета, собака заскулила и упала. А мама попятилась назад, закрывая нас от глаз фашиста. Офицер плюнул, поднимаясь, и выкрикнул в лицо мамы «Русишшвайн» (*русская свинья*). И хлопнув дверью, вышел. Безжизненное тело отца потащили и швырнули в грузовик. И ужас застыл в глазах у мамы, в детских - страх... Мы бежали дворами, бежали, бежали... все дальше и дальше от дома...».

Мама замолчала, а в глазах застыла боль, и слезы катились по щекам. Я смотрела на нее, ее седые волосы, морщинки возле глаз, прожитые годы отложили отпечаток на ее лицо, но ...видела всю ту, же картинку - испуганную трехлетнюю девочку.

Так в её жизнь ворвался первый день войны...

И память сохранила: детские глаза, блестящие плащи, гортанный звук немецкой речи, и лай собаки, и выстрел, и падение отца, и собаку, которая спасла жизнь детям и маме, и страх. И запах смерти летней ночью, и ужас застывший навсегда в детских глазах...

Родная моя мамочка, как защитить тебя от этой боли? Ты многое забыла, но эта память так свежа! Так страшно вспоминать, но и забыть нельзя.

И я кричу: «Остановитесь, люди! Помните! Такое повторять нельзя! Такое забывать нельзя!

И пусть над нами будет голубое небо мира!

И светятся лишь радостью и счастьем, детские глаза!

А я обниму тебя, родная моя, согрею своим дыханием, и может быть, ты хоть однажды перестанешь видеть в своих снах эту страшную картину первого дня войны в твоей жизни...

Мама встала из-за стола, накрапывал дождик, она подняла ладошку и капли закапали в ладонь, и тихо прошептала: «Идут грибные дожди...»

Ирина ГИМПЕЛЬ

БЫЛЫХ БОЁВ РАСКАТИСТОЕ ЭХО

Былых боев раскатистое эхо,
Доходит до потомков этих лет,
В густой туман, забившаяся вежа,
Рассвет в кровавый красит цвет.

Там, на полях былых сражений,
Где ветры выли над убитым,
Где, не стесняясь выражений,
Живые дальше шли на битвы.

Кто до Берлина не дошли,
И те, кто дожил до победы,
Рассветы видели в крови,
Что раны промывали снегом.

Прошли бои и тишина
У обелиска в чистом поле...
Да только в памяти война...
Стоит последний в поле воин.

НЕ ОБИЖАЙТЕ ЗЕМЛЮ, ГОСПОДА

Мы не Боги, мы - люди и нелюди,
От запретного плода вкусив,
Поделились на графы и челяди,
О законе, о божьем забыв.

Наш корабль - Земля зияет в ранах,
В трюмах плещется кровь, не вода,
Царствуют над миром звери-кланы,
Снова над ним царствует беда.

Морские пираты не долбят по днищу,
Не делают дыр кораблю,
Его берегут, словно, ока зеницу...
Вы слышите, что говорю!

Выпускаем пули, бомбы, танки,
Вынимаем обнаженный меч,
Поднимаем друг над другом планку,
Ну, а вдруг корабль наш даст течь?

Берегите Землю все земляне,
Воцарится мир пусть навсегда,
На Земле исчезнут шрамы, раны,
НЕ обижайте Землю, Господа!

ВАС, ЗАКАЛЁННЫЕ ВОЙНОЙ

Вас, закалённые войной,
Всех, переживших и огонь и воду,
Мы поздравляем всей душой
Со светлым праздником свободы.

Чтобы не слышать слов «война», «атака»,
«Фрицы», «наступленья»,
А на земле, чтоб создавать
Лишь только мирные творенья.

В Берлине, сложивших штыки,
Юнцов тех лет, а ныне дедов,
С днем Памяти фронтовики,
Со светлым праздником Победы!

Марьям МАМЕДОВА

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

рассказ

Мой отец Халидшах Хасы-оглы Мамедов прожил долгую, трудную и, вместе с тем, интересную и насыщенную жизнь. Великая Отечественная война была одной из самых тяжелых страниц его жизненной повести. Отца забрали на фронт в сентябре 1941 года. Его никто не провожал, так как родители уже умерли, а старший брат ушёл на фронт месяцем раньше. Судьба папиного брата похожа на тысячи судеб молодых парней того времени: он с войны не вернулся.

Шагая по суровым фронтовым дорогам, мой отец терял в боях однополчан, сам был несколько раз ранен и контужен, но всё-таки выжил и вернулся в родное село с победой.

В селе было малоллюдно. Отца никто не встречал, и ему некуда было пойти. Как говорят в народе, «ни кола ни двора». И начал мой отец новую жизнь с нуля. Пошёл работать в колхоз, вскоре построил дом, встретил свою любовь и судьбу – мою маму – тогда она была юной девушкой Гюльназ Юсиф-кызы, которая тоже трудилась в колхозе и жила в том же селе. Свадьба у них была скромная, но жизнь оказалась щедрой на труд, любовь и крики рождения детей. Мы росли в большой и дружной семье.

Прошли годы беззаботного детства, мы выросли, создали свои семьи, разъехались и разлетелись из родного гнезда. Когда мы приходили или приезжали к родителям в гости, они всегда встречали нас с радостью, с любовью и нежностью нянчили на своих натруженных руках наших детей, своих внуков.

Отец и мать воспитали нас честными, добрыми и трудолюбивыми людьми. В тяжелые послевоенные годы очень трудно поднимать и растить детей, но мой отец трудился не покладая рук, всё делал своими силами, и мама была ему под стать, такая же трудолюбивая, скромная, неприхотливая. Она многое умела делать сама, у неё были золотые руки. Я благодарна родителям за то, что они своим примером научили и нас быть добросовестными, ответственными и трудолюбивыми людьми, не бояться трудностей и сносить все лишения с верой в лучшее.

Все эти качества помогли мне в жизни. Особенно ярко это проявилось, когда мы с мужем уехали жить и работать на Тюменский Север, в Сибирь. А когда приезжали в отпуск – их радости не было предела.

Время неумолимо. Всё имеет своё начало и свой конец. Вот и оборвались ниточки жизни и моей мамы, и моего отца. Отец прожил 81 год, чуть-чуть не дотянув до 60-летия Великой и славной Победы над фашизмом.

После смерти мамы прошло всего полгода, и перестало биться доброе сердце отца. Мои родители крепко любили друг друга и не смогли жить один без другого. Они упокоились рядом. Они снова вместе.

Вот я положила на их могилы цветы, которые они любили больше всего – алые розы. Молча стою и тихо-тихо плачу. Не хочу тревожить их сон.

Впервые возвращаюсь из отпуска со скорбью на душе, без напутствия моих родителей. Нет, нет! Они улыбаются мне вслед с далёких небес и благословляют в добрый путь, желая долгой и радостной жизни нам, своим детям!

– Царство вам небесное, отец и мать... Вы навсегда останетесь в моих воспоминаниях, память о вас всегда будет жить в моём сердце, пока оно ещё стучит...

* * *

– Мама, купи мне игрушку!

– Какую?

– Автомат!

Я купила. Ты обрадовался, сынок...

С той поры столько лет прошло...

Войну не забыла мать.

На сером камне гробовом

твой лежит автомат...

Маргарита РЫЖОВА

А БЫЛА ВОЙНА...

Победа! А была война...
Была! И чёрными очами
Она глядела на меня
Из прошлой жизни и кричала
Разрывом пули у виска:
Не забывают их, ушедших!
Их матерей с ума сошедших
От горя, тяжести печали,
Что почтарей насквозь пронзали:
«Письмо?»...
Нет, милая, беда...
Беда!
Да, то была война!
С большими чёрными очами...
Ты, не родившийся тогда,
Победу нынче отмечаешь...
И всем потомкам накажи:
Не забывать! Не сметь не помнить!
И на свой век навек запомнить
Победу в той былой войне!

ВОЙНА НАРЫВОМ ПРОРВАЛАСЬ

Война нарывом прорвалась
Снарядами, гранатой, танком.
В бреду металась, не стыдясь...
Ей было вкусно, было сладко.
В земле лежали, просто так
Не принимавшие условий,
Кто навзничь, руки распластав,
Кто с маской ужаса и боли.

Перебесилась и ушла,
Оставив за собой руины,
И тот Народ, что устоял,
Ее сломил, заставил сгнуться.
И ветер в поле, и дожди,
Не сдуют и не смоют эхо
Войны, что, вроде, позади.
Которой нет пока и века.

НАШ ДЖАЛИЛЬ

Здравствуй, Муса Мустафович!
Мы не знакомы лично!
Фото в коричневой рамочке
Твоё на стене публично...

Висит в твоём стареньком домике,
Где ты родился и рос,
Там всё отчетливо скромненько,
Там всё родное до слёз!

С помощью сил интернета
Был у тебя в гостях
В селе Оренбургской «планеты»,
Где твоих предков прах...

Письменный столик и кресло,
Шкаф, этажерочка с книгами,
Лишнему не было места,
Всё простотою пропитано...

Кто ты, далёкий, неведомый?
Муж, гражданин, иль поэт!?
Я прочитал твою летопись,
Миру даю свой ответ:

Муса Мустафович Залилов,
В народе - наш Муса Джалиль,
Как искренне и как красиво
Ты сделал сказкой жизни был!

С одной лишь разницей, что в сказке
Враги - иль вымысел, иль мифы,
А жизнь реальна и опасна:
Река судьбы в подводных рифах.
И облик веры сохраняя,
Полученный в далёком детстве,
Ты с первых лет до смерти края
Оставил чистым своё сердце,

И мусульманские законы,
Татарский стержень поколений,
Терпенье, стойкость, непреклонность
К нашествию душевной лени.

Ты словом чётким и правдивым
Успел наказ свой передать –
В сокровищницу Книги Мира
Внёс «Моабитскую тетрадь».

И неустанно повторяя
Слова из школы медресе,
Ты жил, и веря, и вселяя,
Надежду в праведной войне...

За мужество, любовь и волю,
Неповторимый жизни стиль,
Посмертно признанный Героем,
Поэт,

Писатель, -

НАШ ДЖАЛИЛЬ!

ВСТАВАЛА РАТЬ НАРОДНАЯ

«Вставай, страна огромная!» –
Гремело над страной.
И ратью благородною
Вставал народ стеной,
Могучей, монолитною –
Все враз: и стар, и мал
За Родину единую,
Что враг войной топтал.

За нашу нерушимую,
За светлый благовест,
Чтоб изуверы сгнули,
Под свой небожий крест,
За земли необъятные,
Поля в золотых хлебах,
За травы непримятые,
В озёрных зеркалах,

За голубей воркующих;
Влюблённых на скамье,
За журавлей, зимующих
В далёкой стороне,
За степи бесконечные,
Морей бескрайних седь,
За то, что ты, Отечество,
На этом свете есть!

Родное, суверенное!
И гордо реет стяг!
И «ярость благородная»
Была не просто так!
Пускай же нерушимо
В сердцах людей живёт,
Что мы на страже мира!
И враг здесь не пройдёт!

ДЕТИ ВОЙНЫ

Когда не снились радужные сны,
Когда страна жила одним - вестями с фронта,
Когда из репродукторов неслись
Лишь сводки о боях, а не рекордах,

Всем бедам и разрухе вопреки,
Они рождались, чтоб усилить веру,
Рождались дети праведной войны,
Как ангелы надежды на победу!

Из жмыха отжимая млечный сок,
Их матери кормили, чтобы жили,
И сердце, запирая на засов,
Очистки от картофелин варили...

Обрезки ткани - куколки мечты,
И деревяшки - боевые танки,
Казались девочкам и мальчикам войны,
Крупинки сахара - немислимым подарком...

В землянках и развалинах текло
Неподдающееся пониманью детство,
В котором было счастье и тепло,
Любовь и солнце, чтобы в них согреться...

Отцы... Кто видел их - уж повезло!
А больше так - на фото довоенном...
И сколько лет с тех пор уже прошло,
Они детьми войны остались в пленных...

Но не услышать плача о судьбе
И лишних слов о том, что было трудно...
Они собою вынесли войне
Свой приговор в рождения минуту!

МЕМОРИАЛЬНАЯ ДОСКА

Мемориальная доска на стенке в школе
С изображением её выпускника,..
Ее ребёнка, а теперь уже героя,
Дающего уроки - на века.
О долге, чести, доблести и славе,
О том, что жить - не поле перейти,
О том, что сердце матери не камень,
О том, что смертью можно жизнь спасти...

О том, что не расскажут, к сожаленью,
О том, что невозможно передать,
О том, как долго тянется мгновенье,
Которое не в силах удержать
Ни взрыв, ни окрик и не запах ада,
Смердящий из щелей гнилой войны...
Мемориальная доска висит, а рядом
Мальчишки - нашей Родины сыны...

* * *

И скорбь накрыла камнем мир
У той плиты с их именами,
Тех, кто давно уже не с нами,
Кто не дожил, не долюбил.
Война рвала их на куски,
Морила голодом, жгла тело,
Но душу тронуть не сумела
И захлебнулась в их крови,
Недоуспевших и не ставших,
Но смертью её поправших
И завещавших «быть», «любить»,
«За недоживших их дожить».
Они давно уже не с нами.
Плита с простыми именами...
И камни могут говорить...

РОДНАЯ, ЗДРАВСТВУЙ...

«Родная, здравствуй.

Я живой!

Не ранен и вполне накормлен...»

Он не придёт с войны весной.

Погиб.

И где-то захоронен.

И не поверит строчкам мать,

И будет ждать до смерти самой.

Как сможет узнавать, писать

И ждать письма, иль телеграммы.

И вглядываться из окна,

И вслушиваться в каждый шорох.

Ведь «он не ранен» - он писал.

Его же ждут!

Его же помнят.

И кто-то крестик обновит

И принесет ромашки с поля

Туда, где он навек лежит

Там, неизвестным им героем.

Он не придет с войны домой.

Твой сын и Родины ребёнок.

Родная, здравствуй!

Он живой.

Он жив в сердцах,

в сердцах потомков.

ЦВЕТОК РАСПУСТИТСЯ

Все это было в день его рождения.
Он первый день на свете этом жил.
Оранжевый, как солнце в день весенний,
И непорочный для земных мерил.

Он первый раз раскрыл свои бутоны,
Чтоб дать им светлый воздуха глоток,
Оторопел: немыслимые стоны
Чуть слышны были сквозь листвы полах.

И тише трав дыханье пробивалось,
И громче гроз все выдохи навзрыд:
Солдат, не дослужив до дома малость,
В траве густой ни жив, ни мёртв, но жив...

Глаза открыл – дыхание на взводе
Как крылья бабочки на свет огня хлопки.
Он на земле. Единственного просит
У бога ЖИТЬ всем войнам вопреки...

И губы немо к небу вопрошают
Глоток воды и тени тишины.
И лишь они вдвоем об этом знают:
Цветок распустился, солдат придет с войны.

* * *

Вот и настал Великий день!
Май грохотал: «Ура! Победа!»
Мир ликовал! Он ждал! Он знал –
Она придет на землю эту!
Налейте. Выпейте глотком
За всех её не увидавших...
За всех, собою смерть поправших!
За мир! За Родину! За Дом!

ЛИЦА ВОЙНЫ: ЛИЦА ПОБЕДЫ

Парад Победы! 45-й год!
По Красной площади, вбивая боль в брусчатку,
Идет наш победитель, наш народ,
Низвергнувший фашизм в священной схватке...

Печатая свинцовые шаги,
Стучат сердца единым метрономом,
Со свастикой Знамена, как враги,
На землю падают, чтоб не подняться снова.

Чтоб этот ужас сгинул на века,
Чтоб этот ад земной не повторился,
Не унесла времен войны река
Тех победителей в страну забвенья лица!

Законом так устроено мирским –
Не говорите: «Время раны лечит!»
Отдайте честь и павшим, и живым,
Тем, кто взвалил войну на свои плечи!

Их единицы! Но они в строю!
Заметьте же НЕ в праздник с орденами
Того, кто победил в святом бою.
Смотрите! Он герой! Он рядом с нами!

Смотрите: это он мир отстоял!
Успейте вы его в толпе заметить.
Он молодость свою войне отдал,
Войне, которая из прошлого столетья.

Он воевал, он на передовой
В атаку шёл... И нынче не приметен,
Своим «УРА!» пронзал весь шар земной
И был за мир планеты всей в ответе!

* * *

Я к берёзе прислонилась
В праздник Дня Победы.
Так, наверное, когда-то
Прислонялись где-то

Перед марш-броском в атаку
Силы собирая,
Вот в такой же светлый день
Солнечного мая,

Девушки из медсанбата
Иль бойцы служивые,
Тишину в себя вдыхая,
Радуясь, что живы!..

Нет на свете тех бойцов
И девчонок тоже...
У березонек в лесу
В черных метках кожа -

Будто знак о каждом том,
Кто погиб когда-то,
Маршалом или юнцом,
Ставшим вдруг солдатом...

Будто из спокон веков
Книга поколений:
Память крепнет, мир живёт
Средь берёз весенних...

Минута -
и стихи свободно потекут...

Александр ЖУРАВСКИЙ

ЛЮБИТЬ РОССИЮ

Любить Россию сердцем и душой,
Вникая с каждым щебетом и звоном,
Весною ранней,

позднею зимой

В равнины,

горы,

реки и затоны.

Любить за красоту её полей,
Лесов бескрайних, дачное подворье,
За стать её берез

и тополей,

За древо мира у истоков Лукоморья.

За то, что есть Россия на земле,
Богодарованная славному народу,
Обредшая

в ярме и кабале

Всесильную священную свободу.

За малую ромашку во дворе,

За площадь Красную

и русскую матрёшку,

За то, что, народившись на заре,

Состарившись,

уйдём искать морошку.

За всё тебя, родимая, люблю:

За тройку мчащую,

За купола-золотоцветы,

Как матушку любимую свою

И неизменную над ворогом - Победу.

РОДИНА

Мы в одну купель перья окунем,
Но напишем разными словами
О земле под проливным дождём,
О семье и постаревшей маме.
Окунём мы перья в родники небес,
В облака озер, поля брусничные.

Ах, как хорошо, когда всё это есть:
Вечное и сокровенно личное.
И любовь, вселенская любовь –
Все дороги, что веками пройдены,-
Приведёт в единый отчий дом,
К той купели, что зовётся Родиной.

РУСЬ

Прикоснутся к озёрам замёрзшие руки дождя,
И покроется гладь голубою морошкой зяби.
Упадут журавли, тонкой нитью поля, бороздя,
И раскроются веки, прорвутся небесные хляби.

Одинокими шапками сядут на землю стога,
Зашипит, остывая в заре, полуденное солнце.
И дыхнёт на ладони полей вековая пурга,
И расплавится иней узором зимы на оконце.

Вот и всё...
Всех на всех разменяла бесстыжая осень,
Распахнула халат и застыла великая грусть.
Заржавели огни, забиваясь в избушки меж сосен.
И молилась о детях планета по имени Русь.

АССОЦИАЦИИ

Полночный звон, лубочный сад.
Челночный плеск, чердачный лаз.
Порочный круг - двухстрочный мат.
Восточный бес, воскресший Спас.
Виню потом, живу сейчас,
Ворую днём ушедший час.
Порвётся круг – любовь без рук,
Рассеет слух песочный звук.
Восточный бес, воскресший Спас.
Уходит жизнь порой без нас.
То тёмный лес, то свет в анфас.
Полночный звон в чердачный лаз.
Вечерний бриз - кружится вальс
То вверх, то вниз, меняя галс.
Намёков вист - ожогов пас.
Уходит жизнь порой без нас.

ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ

Внезапно и больно уходят друзья,
Снежинками тая в руке.
Привыкнуть к потере невольной нельзя,
Держащейся на волоске.
Пугает звонок телефона: опять,
От нас кто-то близкий ушёл.
Сумел метроном их пульс отсчитать:
Дементьев... Успенский... Кобзон...
Уходит стихами эпоха и песнями наших времён,
Уходит подмостками к Богу советский лихой Батальон.
Останутся песни и книги, и фильмы, с которыми рос,
Но памяти скорбной вериги нас так истязают, до слёз.
Внезапно и больно уходят друзья,
Толкая ногами планету Земля.

Геннадий КАРКИШКО

РУСЬ УХОДЯЩАЯ

Исчезли белые пространства,
Под серым небом – грязный снег.
Природы зимней постоянство
Ушло, его сегодня нет.

То, вдруг, январь дождём прольётся,
Надел дороги в гололёд.
То снега ждёт и не дожждётся
Обескураженный народ.

Где эти снежные равнины,
Неудержимый бег саней,
Лесов алмазные куртины,
Звон колокольцев, храп коней?

Исчезли зимние забавы –
Кулачный бой на льду реки,
Когда сходились не для славы,
Потехи ради, мужики!

И силой мерились изрядной:
Подняв избёнку за конец,
Закладывал «Самсон» сермяжный
Чужую шапку под венец.

Чтобы потом, толпе в усладу,
«Смирновской» целое ведро
Страдалец проставлял в награду
За возвращённое добро!

О, Русь! Страна тысячелетий,
Не охватить твоих глубин!
И в радости, и в лихолетье –
Всегда с тобой твой верный сын!

НЕОКОНЧЕННОЕ ПИСЬМО

Вечереет. Луч последний
Заглянул в её окно,
Где, укутавши колени,
Бабка села за письмо.
Лист в линейечку достала,
Вздеда круглые очки,
И неспешно выправляла
Чуть дрожащие «крючки»:

- Здравствуй, милый, мой сыночек!
Сообщаю, во-первых,
Что люблю, скучаю очень,
Я одна без Вас родных.

Шевеля едва губами,
Повторяла за строкой:
Мне побыть бы рядом с вами,
Не достанешь вас рукой...
Приезжай, а я накину
Новый плат, ты мне дарил.
Дорогой ты мой, любимый,
Ждать нет мочи, мало сил...

Пригорюнилась и сникла,
Ручка выпала из рук.
Слышно – хлопнула калитка:
- И, кому там недосуг?
Поднялась, шагнула к двери:
- Отопру, чуток годи,
И зашла, глазам не веря,
У сыночка на груди.

ВЕРНОСТЬ

Над станицей ворон кружит.
Ветер вербы к долу гнёт.
А казачка молодая
Казака с Победой ждёт.
Вот уж год, как он воюет,
Супостата гонит прочь.
Сердце девичье тоскует,
Да не знает, как помочь.

Может он во чистом поле
Весь израненный лежит.
Верный конь в казацкой доле
Бьёт копытом и храпит.
Не поднимется, родимый,
Острой саблей не взмахнёт.
Не расчешет твоей гривы,
К водопою не сведёт

Ясным днём и тёмной ночью,
Хоть во сне, хоть наяву –
Слёзы застыт мои очи,
Улететь бы мне к нему.
Над станицей ворон кружит.
Ветер вербы к долу гнёт.
А казачка молодая
Всё надеется и ждёт.

КЛЮЧ

Ещё не разгорелся новый день.
Жара и зной – наладятся к обеду,
Когда укрытий жаждет даже тень...
Ни облачка не прошмыгнёт по небу!

Вся живность в норках будет вечер ждать,
С его живой, спасительной прохладой.
Хотя, для змей - жара, как благодать.
Им тёплый камень – отдых и отрада!

Мальчишки, усмирять полдневный жар,
Спешат к прозрачной речке безымянной.
В овраге, у подножья Мугоджар,
Звенят ключи им музыкой желанной!

Лишь истуканам, что жара, что снег.
Они давно к природе безразличны.
Им, как мгновенье, даже целый век.
Замшелым, всё и скучно, и привычно.

Не вмешиваясь в сутолоку дня,
Проводят пастуха ленивым взглядом,
Как он, не торопясь, сойдёт с коня.
Смиренно на колени встанет рядом.

И что-то шепчет, голову склонив,
Прощенья просит иль выздоровленья?
Степь, речка, истуканы – лейтмотив,
Страницы детства, ключ для вдохновенья!

ВГЛЯДЫВАЯСЬ В ПРОШЛОЕ

Мир древних ариев живёт
Всегда в душе великоросса!
Всё сущее от них идёт,
Но Русь не задирает носа!
И миром ладит все дела,
Гася тотчас пожар раздора.
Такою Русь всегда была,
Жила, не опуская взора!

Этруски, финикийцы – след
Её, явившийся в натуре.
В нём греки увидали свет,
Вновь воссиявший в их культуре!
А Рим, как должное принял,
Вослед все, возродив Искусства!
Так пращур миру передал
И вдохновения, и чувства!

Шумы и спорь до хрипоты,
О, уязвлённая Европа!
Но, светочем была не ты,
А Русь, задолго до Потопа!
Где б Ты была? Вот в чём вопрос.
Подумай, тихо, не стеною.
И сколько крови пролилось
Российской, Вас и Мир спасая?

Такая, видно, уж Судьба
Дарована России Богом!
В веках воспетая была
Бояновым волшебным слогом

Александра ДАРЬИНА

БУКЕТ РОССИИ

Буйство трав. Здесь всё смешалось вместе:
горькая полынь, осот с ромашкою,
подорожник с низкорослой кашкою –
весь букет России к её чести.

Мне полынь пустырная дороже
вычурных заокеанских трав.
Кто-то мне ответит – я не прав.
Может относиться мне построже

к нашим разухабистым дорогам,
пустырям, взрастившим лебеду...
Их люблю наверно за беду
кланяюсь окраинам убогим.

За людей душевных, за погост,
где кресты в бурьяне утонули,
где небес просторы окунулись
в росы белые. А липы во весь рост

по весне усыпаны цветами...
Запах мёда и круженье пчёл...
И в какую бы губернию не шёл,
здесь родимая земля под ногами.

ВETERАНАМ

Всё дальше огненные дни...
Всё меньше с нами ветеранов...
Не зарастают в душах раны –
горят в них вечные огни.

И это всё, что я могу,
послав проклятие врагу,
встать перед вами на колени,
приняв тот миг за очищенье.

И это все, что я могу,
но не вернуть снов тихих ваших,
как не поднять солдат, упавших
на том далёком берегу...
И это всё, что я могу,
хранить в душе с благоговеньем
к вам благодарность и почтение.
Признание свято берегу...
И это всё, что я могу.

* * *

Какою силой духа обладать
солдату надо было на войне...
А позвала его Россия-мать
в разорванной снарядом тишине.
В тот самый сладкий и глубокий сон,
ребёнка оторвавши от груди,
приникла к мужу, прошептав:
- Иди... К ним у калитки обернулся он...
И жадным взглядом их запечатлел,
таких родных и милых, отчий дом.
Рассвет тревожный грозно заалел,
окрасив палисадник под окном.
Шагал солдат тропинкою родной,
и сколько их шагало в этот час...
Как ручейки, сбегавшие весной,
в поток, вливаясь общий. Всякий раз
прощальный взгляд на милые места –
всё это унося в душе с собой...
В окопе грела эта красота
и помогала подниматься в бой.

МОЁ ОРУЖИЕ – ЛЮБОВЬ

Ты женской слабостью сильна.
Обезоруживаешь сразу.
И острой жалости волна лизнёт,
как кистью богомаза.

Я на колени пасть готов,
готов у ног твоих молиться,
оберегать в час сладких снов
и ждать, что это повторится.

И предугадывать твоё
порой плохое настроенье,
и добиваясь исцеленья,
отставить в сторону копье.

Моё оружие – любовь!
Его сильнее не отыщешь.
Пусть надо мной невзгоды свищут,
а я сражаюсь вновь и вновь.

Моё оружие — любовь!

НЕБО

Засмотрелась снова в небо,
тянет взор голубизна.
Эта сказочная небыль –
солнце, звёзды и луна.

Там энергия живая,
исцеляющая кровь.
На земле не сыщешь края,
чтоб без неба, облаков.

Пью, как воздух эти сини,
очищается душа.

Может только над Россией
эмпирей и взгляд ковша?

Может только над Россией
та медведица висит?
Охраняя эти сини
и полей просторный вид.

Я не знаю, не бывала
за границей никогда –
мне своей земли хватало,
хоть на ней живёт беда.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ОСЕНЬ

Остыл прогретый летний воздух.
И неприкрытость тополей,
А для земли забрезжил отдых
В успокоенности полей.

И скирды – вехи землероба,
И риги стыннут на ветру...
Здесь от рождения до гроба
Людские судьбы на миру.

Здесь помнят каждого рожденье
И свадьбу, где гармонь своя
Вам изливает настроенье.
В нём грусть и радость бытия.

Здесь свой уклад, свои приметы
На виды вёсен и хлебов,
На переменчивость ветров,
Свои закаты и рассветы...

Здесь свой уклад, свои приметы.

НИЩИЙ

С остервененьем ветер злой
рвёт одеяние на нищем.
Люлюкает над ним и свищет,
а он безмолвен, как немой.

И взгляд направлен в никуда,
текут спокойно его мысли,
к свободным он себя причислил...
За ним, как тень, его беда.

Крадётся, кривится в ухмылке
и опрометчивости ждёт...
Тогда она его возьмёт
на незначительной ошибке.

А он бредёт, как никогда,
свободный от мирского груза,
в руке лишь посох — не обуза,
за ним след в след его беда...

Но он, не думая о ней
и не оглядываясь, шепчет:
— Чтоб ни было, дороги вечны!
Для нищих хватит пустырей.

Беда устала, нет уж сил,
когда ж несчастный ошибётся,
вплотную им она займётся...
Отсрочки нищий не просил...

Беда уткнулась в пыль без сил
К рассвету нищий уходил...

НАБАТ ХАТЫНИ

Нас не кололи штыками в спины,
Нас не сжигали с детьми в овинах,
Нас не травили в машинах газом,
Не изводили семью всю разом.

Но не сдержать нам ни слез, ни дрожи,
Набат Хатыни, на стон похожий,
На плачь ребенка, на хрип старухи...
Избави, Боже, от той разрухи.

Всеobeliski - на караулы,
Чтоб не смотрело в лицо нам дуло,
Чтоб не болела душа о сыне,
Звучи в нас эхом, набат Хатыни.

ДЛЯ МЕНЯ ОНА РОДНЕЙ...

Доллар, дилер, дистрибутор
В обиходе на слуху.
Заворачиваем круто
И к великому греху

Забываем речь родную,
Нет нужды, как видно, в ней,
Защищаю и ревную -
Для меня она родней.

С детства слух слова ласкали:
Няня, матушка, кума,
За постой рубля не брали,
Если встретила зима.

Согревали и кормили,
Уступая печь гостям,
Беднотою не корили,
Низко кланялись крестам.

Уходящим вслед шептали:
- Бог с тобой! - Крестили вслед...
И ушедших вспоминали,
Начиная есть обед.

Доллар,
 дилер,
пейджер,
 киллер...

ЛЕБЕДИ

Увидела посадку лебедей
На воду, в их привычную стихию,
Вернулись, долгожданные, в Россию
Через огонь в объятия страстей.

Скользя по глади, как на водных лыжах,
Стараясь притормаживать крылом,
Спешат соседям сообщить о том,
Что вот, мол, я, я долетел, я выжил.

Качаясь невесомо на воде,
Та красота рубцует мои раны,
Я завтра снова рано, рано встану,
Увижу лебедя сидящим на гнезде.

И красота, и грация в одном,
В том бело-пенном, длинношеем чуде!
Живите вечно! Легче будет людям
Найти опору в хрупком мире том.

БАЛЛАДА О МАТЕРИ

песня

Одинокая ветла.
Одинокая...
Всех сводила ты с ума,
Синеокая.
Приглядела для себя
Парня ладного,
Что назвал тебя
Своей ненаглядною.
От такой большой любви
С каждым годиком
Все теснее за столом
От народика.
Во главе сидит отец,
Смотрит соколом,
Здесь любви его венец,
Лада около...
В грозный час своей судьбы
Не слукавили,
Одинокою ветлой
Мать оставили...
Лишь во сне ее зовут,
Кличут матушку...
Только фото наяву
Рядом с батюшкой...
Одинокая ветла.
Одинокая.
И пугает, и страшит
Ночь глубокая...
Потихоньку добрела
До околицы...
О погибших сыновьях
Бабка молится.

ПОТЕРЯВШИЕ ПАМЯТЬ

Вернувшись
из далёкой стороны,
прильнёшь к берёзке,
как дитя к мамке,
простишь соседу
злые перебранки,
не скроя перед ним
своей вины.

И оглядев
слезящими глазами,
подворье
и заросший огород,
ты вспомнишь свой
давно ушедший род,
могилы
с их упавшими крестами.

Перед глазами,
словно страшный сон,
промчат года,
как птицы косяками...
и сдавит грудь
железными тисками,
и вырвется наружу
тяжкий стон.
Став на колени
посреди травы,
кресты целуя и
прося прощенье,
осмыслишь
перед ними прегрешенье,
и долго не поднимешь
головы...

Блуждая по чужим
заморским странам,
мы память потерявшими
живём...
Неужто зачерствели...
не поймём —
давно пора
зализывать нам раны.

Мы память потерявшими живем.

ТРОПИНКА-ПАМЯТЬ

А я свою тропинку не предаю,
не променяю на асфальта ленты...
Я помню детства яркие моменты,
не растеряла к прожитым годам.

Тогда не умирали мы от скуки,
ценили в поле каждый колосок...
Я помню мне протянутый кусок,
старушки не скудеющие руки.

Ценили доброту, как соль земли,
соседа помощь, как подарок божий...
Как мало среди нас на тех похожих,
что в землю раньше времени легли.

Они живут во мне и согревают,
когда опять потянет холодком...
С их помощью проталкиваю ком,
с их помощью обиды забываю.

И я свою тропинку не предаю,
не променяю на асфальта ленты...
Я помню детства яркие моменты —
в них память, неподвластная годам.

СИБИРСКИЙ КРАЙ

Край суровых морозов и вьюг
Край короткого белого лета,
Сколько сложено песен и спето
Под гитару для милых подруг.

Успеваает природа взрастить
Дар весомый к столу северянам.
Вереницы машин утром рано
Поспешают леса навестить.

Не боясь комариных атак,
Мошкары, что глумится над телом,
Успеваает душевный чудак
Оценить красоту между делом...

Нагрузившись дарами земли,
Захмелев от лесного настоя,
Перекусят за общим застольем
У дорог, что сюда привели.

Край суровых морозов и вьюг,
Край короткого белого лета,
Сколько сложено песен и спето
Под гитару для милых подруг.

ЗАРИСОВКА

Какою голубой бывает Обь,
когда синь неба, вглядываясь в воду,
предсказывает ясную погоду,
и примут ветры серенький салоп.
Оставшись в платье нежно-голубом,
примерит диадему в изумрудах.
Тогда-то и поверят в лето люди,
тепло и солнце поместив в альбом.

Юрий БОГДАНОВ

СЛОВО ОБ ОТЦЕ

Никогда об этом не узнаю,
Как ушёл ты в свой последний бой.
Рвались бомбы землю, сокрушая
И она сомкнулась над тобой.

Ты лежишь в ней далеко от дома,
Всё уже оплакано давно...
Сколько мужиков, твоих знакомых,
Было той войной унесено.

Всё пройдёт. И зарастут могилы
Крепкою дерновою травой.
Знаю только, никакие силы
Не лишат нас памяти такой.

ВОИНСКОЕ ЗНАМЯ

Нет, оно бойцов не провожало,
Шло оно с бойцами впереди.
Сколько же ребят в бою упало
Со смертельной раной в груди.

Не вернулись павшие в сраженьях,
Только знамя, Родину спасли,
Чтобы жили мирно поколенья
Нашей горькой, но родной земли.

И вернулось знамя в день Победы,
С торжеством его мы пронесём
С поседевшим, с тем отважным дедом
И с бессмертным доблестным полком.

ПАРАД 1941 ГОДА

Суровый год, войны начало,
На Красной площади парад.
Идут войска. В шинели Сталин,
Он провожает в бой солдат.

Умрут за родину, не дрогнут.
Они собой Москву спасут.
Ведь с ними Родина, сегодня
В сердцах и душах с ними тут.

Шаги отчётливо звучали,
А там за дымкой фронтовой
В трудах и думах дома ждали,
Когда отцы придут домой.

И на плечах своих солдатских
Они Победу принесли.
И за парад тот им по-братски
Вы поклонитесь до земли.

ФРОНTOВИЧКА

Плечи подняты по моде
И венгерки на ногах.
При любой она погоде
Ходит в этих сапогах.

Всю войну прошла Татьяна,
Военфельдшером была.
Но осталась в сердце рана,
Что тогда пережила.

Говорила без утайки
И про фронт, и про людей.
И от той солдатской спайки
Нетерпимый нрав у ней.

Не терпела зла, зазнайства,
Презирала ловкачей,
Бичевала разгильдяйство,
Что творилось в жизни сей.

Фронтовик не из пугливых,
Правду- матку целит в лоб.
И стихи читать красиво
Как она не каждый смог.

...С той поры минули годы,
Разве можно позабыть
Тех людей стальной породы,
Что в сердцах остались жить.

СТАЛИНГРАД

Сталинград – это имя Победы.
Это точка возврата домой.
Здесь отцы наши, братья и деды
Умирали над Волгой – рекой.

Здесь начало к Берлину дороги,
Здесь к Победе был огненный путь.
И дойти к ней досталось немногим,
Современник, о них не забудь.

И под звуки «Случайного вальса»
Вспомним их, весь в огне Сталинград,
Помяни и о них попечалься,
Там остались отец твой и брат.

Сталинград – это имя как вечность.
Он в народе как символ живой,
Как напевная русская песня,
Что поётся всей нашей страной.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ЗЕМЛИ

Вчера ещё струили воды,
Сбежав к дорогам и полям:
Спеша туда на зов природы
По зачерневшим мерзлякам.

И вот сегодня утром ранним
Я слышу птичьи голоса,
Слежу за блеском и сияньем
На потеплевших небесах.

Пропал мороз, снега сбежали
И воды мутные сошли...
О, как мы долго, долго ждали
Преображения земли.

ПЕРВАЯ ЗЕЛЕНЬ

Стоят берёзки как подростки
В зелёной юности своей,
А над заветною дорожкой
Свистит немолчный соловей.

И первой зеленью любуясь,
Иду в восторге детском я
И восхищаясь, и ликуя
От звонкой песни соловья.

Дай Бог побольше этих вёсен
И дивных песен на заре,
Берёз нарядных, вечных сосен
В их нестареющей поре.

МАЛЕНЬКИЙ ДОМИК В ДЕРЕВНЕ

Маленький домик в деревне,
Рядышком берег крутой,
Помню его незабвенно,
В мыслях всегда он со мной.

Речка волною играет,
Запах таёжный бодрит,
Здесь я давно не бываю,
Вспомню, так сердце болит.

В край этой дальней вселенной
Вдруг я махну на вокзал.
Маленький домик в деревне
Снова в дорогу позвал.

РЕКА КОНДА

Какие широкие воды!
Качается борт теплохода,
Свободная ходит волна,
И даже земля не видна.

И только рыбак одинокий
Спешит в своей лодке убогой
Прижаться поближе к земле.
И виснет волна на весле.

Посёлок заветный вдали,
Где домик у края земли,
Там мать на крутом берегу,-
Я это забыть не смогу.

* * *

Волшебный, светлый край. Как царское село
Ты светишь мне по жизни незабвенно.
Черемухою детство отцвело
И где-то затерялось во Вселенной.

Отсюда ветры вдаль меня несли.
Сулили мне счастливую дорогу.
Казалось мне, нет края у земли,
Где можно всё осилить понемногу.

РУСЬ ИЗНАЧАЛЬНАЯ

Русь наша, Русь изначальная,
Русской истории цепь.
Вера у нас православная,
Горы, равнины и степь.

Здесь города наши славные.
Много родных деревень.
Русь наша, Русь изначальная.
Века ушедшего в тень.

Небо расколото грозами,
Древняя, вечная грусть,
Залита горькими слёзами
Наша печальная Русь.

Где твоё солнце склоняется,
Снова не дремлют враги,
Снова в поход собираются,
Чистят свои сапоги.

Встретим врага вероломного
И поворотим назад,
Чтобы навеки запомнили
Бородино, Сталинград.

Людмила ТКАЧЕНКО/ Мила РОМАНОВА

* * *

Знаешь, зрелость приходит, когда завершается круг,
Когда мысли мудрее, а чувства спокойней и тише.
И роднее двух новых, один, но проверенный друг,
Меньше солнца, но чаще дожди барабанят по крыше.

Когда жёлтая осень купается в старом пруду,
Когда в жизни меняется смысл и её наполнение,
А забытое счастье лежит на скамейке в саду,
И с надеждою робкой колдует твоё возвращение.

Знаешь, зрелость, приходит, когда далеко до весны.
Впереди первый снег. На висках. И морщинок снежинки.
И сугробы сомнений, а ночью не видно луны.
Одиночества тень и раскрашены серым картинки.

Когда всё не как раньше, а с точностью наоборот,
И уже старомодно немного и не современно.
Но забытая радость осталась стоять у ворот,
Чтоб дожидаться тебя и вернуться домой непременно.

Знаешь, зрелость приходит, когда за спиною года,
Когда в прошлом остались восторга и счастья моменты...
Нам весеннюю юность уже не сыграть никогда.
Кульминация пьесы закончена. Аплодисменты.

Когда гроздья рябины блестят под усталым лучом,
И не видно машин на пустынной, вечерней дороге,
Но забытая нежность к любви прислонилась плечом,
Ждут, чтоб лаской окутать тебя на домашнем пороге...

* * *

Не оставайся в прошлом, я прошу.
Ведь солнце так же движется по кругу...
Открой мне душу! Я не задушу
Ведь я же каждый день тобой дышу,
Ищу в тебе огонь, мечту, подругу.
Не оставайся в прошлом! Там темно.
И все давно застыло и остыло.
Да, очень ценно то, что с нами было,
Но вот мочалка, рядом с нею мыло
Смой грим. Оставь лицо своё. Одно.
И каждый день любуйся красотой,
Которая внутри тебя, как птица
Расправит крылья. По ночам не спится,
И в сердце вдруг игла, а может спица,
Но красота любит тебя тобой.
Не оставайся в прошлом, мир открой,
Дыши, рисуй и пой смешные песни,
Которые другим не интересны,
И может быть банальны, даже пресны,
Но только ты живи. И будь собой!
Ведь я же каждый день тобой дышу!
А солнце также движется по кругу.
И что мы можем дать ещё друг другу?
Огонь? Мечту? Надежду или вьюгу?
Давай об этом в будущем спрошу.

* * *

Подержи мою руку. Очень крепко. Не отпускай.
В мире много тропинок.
Только скользко. И слишком ветрено.
На земле есть рай. И на небе бывает рай.
Сто шагов туда. Знаю я. Ведь не раз проверено.

Помоги понять, что мне сделать, чтоб ты был рад?
В паутине дней, среди полок забытых книг?
На земле есть рай. Под землёю бывает ад,
А в глазах твоих, словно жизни живой родник.
Улыбнись. Пойми. Поддержи. Это мой урок.
Средь унылых дел, в паутине забытых дней...
На земле есть рай. Только правит всем миром – Рок.
Я пойду за ним. Даже если любовь сильнее.
Помоги найти мне опору. Твоё плечо.
Дай мне руку... И... хоть немного в меня поверь.
На земле есть миг. Только раз. Когда горячо.
И открыта дверь. Под землёю открыта дверь.
Там, внизу, пожар. Посмотри – это самый край.
Удержи, родной! Чтобы мне не сойти с пути.
На земле есть рай. И на небе бывает рай.
Сто шагов всего. Только мне одной не дойти...

ВОСПОМИНАНИЕ

Кружево слов маскирует забытую боль,
Тонкие пальцы по клавишам, как по душе.
Сумерки мятным коктейлем и старая роль.
Вкус обещанья. Что все отпустила уже.
Стрелки часов, словно вены на вспухших руках.
Струйкой секунды уносят сегодня ни в что.
Миром ведь правит любовь? Или все-таки страх?
Тщетно пытаюсь, опять понимая – не то.
Нервы в клубок. Только сумрак открыт неспроста,
Для привидений сегодня раздолье и рай.
Тонкие пальцы и снова Шопен, как тогда...
Ты не спеши... Ты послушай... Не исчезай...
Коброй метнётся луч света в колодце ночном,
Что же на сердце осталось: любовь или страх?
Терпким, тягучим пронзительно пряным вином,
Ночь, растворяясь, оставит свой вкус на губах.

* * *

Брызнула ночь, как чернило, на кружево дня
Замерло всё в лёгком сумраке сказки ночной.
Калейдоскоп воплощений, надёжно храня,
Память закрыл. Что осталась за этой чертой.
Чёрной луной заполняется синий восток,
Пламени вспышки на западе небо взорвут,
Где-то на юге ускорится времени ход,
Ну, а на севере... Это в душе моей. Тут...
В мраке ночном очертанья брошенных сёл,
Нагроможденье деталей, но чёткости нет.
Очень темно и, наверное, в мыслях раскол.
Только надеюсь и верю, что скоро рассвет.
В свете луны всё теряет значенье и вес,
Кажется палкой змея. Или наоборот.
А на краю воплощения ангел и бес
Спор свой ведут. И конечно всему свой черёд.
Солнце рождается в чреве бездонной ночи,
Всё изменяется. Нет постоянства ни в чём.
Где-то на севере, лишь огонёк от свечи.
Это в душе моей светит. Ещё поживём.
Где-то на юге ускорится времени ход,
Пламени вспышки на западе небо взорвут,
Но на востоке вдруг красное солнце взойдёт
Вместе с любовью. А это в душе моей. Тут.

* * *

Смотри, повсюду тьма! – вдруг крикнул пессимист.
А оптимист изрёк: – Есть свет в конце! Всегда!
– Да там не свет! Фонарь! – добавил реалист
– От поезда Фонарь! Он мчится, прям сюда!

И только машинист, срывая баритон
Кричал, что мочи есть трём глупым существам,
Что философский спор на рельсах – моветон,
И поезду плевать, и доказательств – хлам.

Он видел тех троих чуть больше и острее,
И проживал острее в моменте. Так всегда.
Как часто в жизни мы не видим фонарей!
А философский спор на рельсах – ерунда.

...Считала звёзды я в открытое окно,
«Болтали мудрецы» и в голове моей...
Но! Миг! Вот поезд мчит! Какое тут кино?
Тут жизнь! А в ней, мой друг, есть правило: Успей!

СЕГОДНЯ

Обычный день. Как и год назад.
Всё то же солнце, трава... Но вот,
Пустынных улиц звучит набат,
Куда-то он за собой зовёт.

Обрывки старых побед у ног,
Что было истинной – ныне ложь.
В углу пылится забытый Бог,
Пустое слово, как медный грош.

На паперть жизни пришла весна.
Но ветер злой. Город весь продрог.
Одна. Осталась совсем одна,
Ведь мирно спит мой забытый Бог.

Что можем сделать мы все сейчас?
Застыло время, как в янтаре.
Возможно? Да, но не в этот раз.
Большие ставки в большой игре.

Пустынных улиц густой набат,
Весь мир подводит судьбы итог...
А может вместе? Как раньше? Брат!
Держись за руку и с нами Бог!

Елизавета МЕРКУШИНА

* * *

И вновь весны Победной голоса
Звучат, журчат, спешат ручьем прозрачным.
Как этот день свечением охвачен,
В нем боли и тоски горит слеза!
В нем слезы радости - в соцветиях любви,
В цветах весны, надежды и Победы!
Я помню бабушку свою, я помню деда...
Не улыбнутся больше яблоням они.

А было время, День Победы ждали!
И на Парад спешили всей страной.
Цветы, цветы - на мраморе - стеной...
В росинках траура, несказанной печали.
Ах, сколько же возложено за годы
Гвоздик, тюльпанов, красных, желтых роз...
По коже снова пробежит мороз -
Озноб войны дыханием природы

Наполнится, насытится с лихвой,
И светом заиграют обелиски!
В кругу родных и с памятью о близких
Весну Победы песней фронтовой
С тобою встретим и расскажем людям,
Потомках про сюжеты той войны...
Победный май цветущей вновь весны
Подарит свет, но раны не остудит.

ВЕНОЧЕК

Я за счастьем вслед иду - не бездействую,
И веночек я сплету, лицедействую...
Из ромашек, васильков - полевых цветов,
По реке его пущу, да под свод мостов.

Ты плыви, плыви, венок, к тому берегу,
Где начертано судьбой, где заверено
Встретить милого, его, ненаглядного,
Счастье мне нужней всего заурядное.

Я люблюсь красотой изумрудных трав,
На поляне молодой горсть любви собрав.
Как прекрасен вкус ее и брусничный сок,
Но у ягод наливных тоже есть свой срок.

Из ромашек, васильков я сплету венок,
И из ягод наливных выпьем мы вино,
Настоялося оно, крепче прежнего...
Я в руках твоих родных буду нежною.

Быстро реченька течет, унося печаль,
Счастье вмиг нас унесет, в голубую даль.
Там построим мы свой дом и зажжем очаг.
Будет счастье освещать в нем любовь-свеча.

Нагадала мне тебя судьба-долюшка,
Всю отдам тебе себя да до донышка.

Мы с тобой обручены, Богом избраны.
Друг пред другом, как стекло, очень чистые.
Я вплету цветы любви в косу русую -
Я не буду никогда больше грустною.

* * *

Я лучше буду ветром в поле,
Чем каменным цветком астранции.
Кому-то видятся большие роли,
А мне бы просто быть абстракцией,
Лететь в какой-то невесомости,
В безочертанном измерении,
Чтобы меня, чуть полусонную,
Не унесло реки течение.

Я лучше буду собирать нектар
В несуществующей реальности,
Чем продавать свой божий дар
Спонтанно сотканной фректальности.
Я лучше буду журавлем в руке,
Чем птицей райскою-невольницей.
Мне наплевать на славу и успех -
Я одиночества сторонница.

Я лучше буду жить в смятении
И просыпаться где-то в стопонстве,
Чем свято верить во всепрощение
Души, лежащей в лоне пропасти.
Я лучше буду ветром в поле,
Чем каменным цветком астранции.
Пока все применяют роли,
Я буду на холсте абстракцией.

* * *

Бегу, за пустотой, в который раз,
До облаков пытаюсь дотянуться,
Увидеть свет и нежность твоих глаз
И снова птицей Феникс обернуться.
Сгорает сердце, ранена душа,
По чьей-то воле вновь на перепутье.

Быть может, просто в бездну сделать шаг?
Освободить крыло от толстых прутьев?
Но как лететь с одним крылом в просторы,
Когда от бездны путь всего один.
И сердцу глупому надежды свет так дорог,
И свет любви в родных глазах необходим.
Бежать за пустотой уже устала,
Реанимировать в запястье жизни стук.
Ах, если бы я все-таки летала,
Давно б укрылась в облаке из рук.
До облаков легко могла б коснуться,
Увидеть звёзд зеркальных наготу.
Смогу я снова птицей Феникс обернуться,
Нарисовать крылом разбитую мечту.

РОДИТЕЛЯМ

Родители, вы - наш маяк семьи!
Пока горит маяк, я буду верить,
Что не иссякнет тот огонь любви,
И в дом родительский всегда открыты двери.

Я с лёгкостью войду в ваш светлый дом,
Где вкусно пахнет яблочным вареньем.
Волшебный аромат шарлотки в нем
И разных пирогов по воскресеньям.

Уткнусь в родное мамино плечо,
И вместе с ней мы погрустим, как прежде.
От слез солёных сердцу горячо,
Душа вновь окрыляется надеждой.

Вновь полистаем старенький альбом,
В нем молодость и детство неразлучны.
Лишь память с лёгкой скорбью о былом
Сердец коснётся трепетно, беззвучно.

Мой отчий дом, ты навсегда со мной,
Какие б дали снова не позвали...
Родительский маяк всегда родной,
Пока есть свет, мне не страшны печали.

НЕ АНГЕЛ

Я не ангел, но чувствую крылья,
Два крыла за озябшей спиной.
Холод ночи - сражает бессилие,
Но я верю, ты рядом со мной.

Ты мой свет в этой тьме оголенной,
Словно нерв искушающих струн,
Мое сердце стучит отдаленно,
И не слышно его на ветру...

Если свет тот становится тусклым,
Приглушенным под взглядом луны.
Не дрожит, не дрожит каждый мускул
От того, что слова не нужны.

Два крыла вознесут меня снова
На вершину небесной любви!
Я хочу быть единой - не новой,
В твоём сердце, лишь ты позови.

Я не ангел, я даже не птица,
Но я чувствую силу крыла.
Я в полете хочу раствориться,
Даже если во след скажут: «Блажь».

Долечу до мечты, до рассвета,
До конечной и крайней черты,
Чтобы мгла стала ярким мне светом,
В ореоле, которого ты!

СОБОР ПАРИЖСКОЙ БОГОМАТЕРИ

Нотр-Дам-де-Пари, как прекрасен ты с новым рассветом!
Над тобою, как ангел, парит сизый голубь судьбы.
В бесконечной любви и объятиях шумного лета
Свет души твоей млеет под новым восторгом толпы.

Стариною пропитан каждый камень святого Собора,
Богоматерь хранит в нем покой, над младенцем склонясь.
В расписных кружевах, в белоснежных прозрачных уборах
Преклонится душа возле лика, перстами крестясь.

Пусть витражные розы в мерцающем калейдоскопе
Не пронизаны чувственным запахом женских духов,
Только рыцарский дух здесь по-прежнему слышит пороки,
Он от глаз любопытных укрыт в колыбели веков.

Яркий свет алтаря призывает католиков мира
Свято верить в рождение новой заветной звезды.
Над Собором Парижа, под тонкое пение лиры
Пусть рассеется семя огня, улетит чёрный дым.

Богоматерь, укрывши, младенца качает в казуле,
Поднимая глазницы с надеждой в небесную высь.
Возродится Собор Нотр-Дам после огненной пули,
Зыбкой горсткой песка он вдохнет в себя новую жизнь.

* * *

Пока одни грешат на судьбу, другие строят замки...

Есть люди-камни, что лежат и стонут,
Застыли, зачерствели их сердца.
Они словами душу не затронут,
Не озарит улыбка их лица.
Есть люди-камни, что безлики, как бумага,
На них картинку жизни не создать.
И рядом пробегающий бродяга
Не пожелает камни те поднять.

И пролежат они на лобном месте,
Под тяжестью от собственных оков.
Не ждут они ни зависти, ни лести,
Ведь им лежать, не двигаясь, легко.
Есть люди-море, чистые кристально,
Мечтающие под манящий бриз.
Они накроют музыкой печальной,
А, может быть, исполнят наш каприз.

В них тонем, наслаждаясь легким штилем,
И с ними по течению плывем.
Не видим в них пираний и рептилий,
Скрывая в панцирь бремени копье.
Есть люди-ветры, бороздят просторы,
Скрывая лица под чужим зонтом.
Закрою жалюзи и занавешу шторы,
Чтоб сквозняки вдруг не зашли в мой дом.

Те люди-ветры с ног порой сбивают,
То с лёгкостью касаются волос.
И среди нас они живут, играя.
Но счастливы ли в том? Вот в чем вопрос.
Есть люди-солнце, ярко-ярко светят,
Улыбку-радугу рисуя в небесах.
И эти люди - солнечные дети,
Прозрачные, как Божия роса.

А я хочу быть человеком-птицей,
Кружить над скалами иль морем - все равно.
Чтобы о скалы только не разбиться
И не достать крылом морское дно.
А я хочу быть озаренной солнцем,
Теплом лучей согреться бы успеть!
Пока душа парит и сердце бьется,
Навстречу солнцу буду я лететь!

Любовь СОШНИКОВА/ БАЖЕНОВА

КЛЕНОВЫЙ ЛИСТ

Кленовый лист сорвало утром ранним,
И ветерок понёс его по миру,
Заглядывая в каждую квартиру,
Листок стонал, как будто был он ранен.
Стучался в окна, искренне надеясь,
Что кто-нибудь их всё же распахнёт
И до весны от зимних бурь спасёт,
Что оживёт ещё, в тепле согреясь.
Но с восхищением смотрели все
На беззащитный листик ярко-красный,
И одинокий, и такой прекрасный,
Не понимая, что листок в беде.
Ветра гоняли, мучили дожди,
И поднимали к облакам салютом,
Бросали ковриком – под ноги людям.
Потом, как мусор, просто так сожгли.

ОТ «БЕРЁЗОВОЙ РОЩИ» ДО «РУССКОГО ПОЛЯ»

От «Берёзовой рощи» до «Русского поля»
Наш автобус спешит, по маршруту, не боле,
Пассажиров от таинств везёт до просторов:
От берёзовой рощи до русского поля,
Через город весенний, по улицам сонным.
Вы послушайте: едем от рощи до поля...
Мимо скверов, музеев, дворцов и заборов,
Не спеша... Фонарей и светильников море.
А в берёзовой роще деревья проснулись,
Только солнца лучи чуть их веток коснулись,
И зачем-то присели снега на опушках,
Как пушинки под утро в пуховых подушках.

А под снегом готовится чудо из света,
Хоть три месяца ждать ещё жаркого лета,
Но уж скоро подснежники выскочат бойко,
Все капризы весны они выдержат стойко.
От «Берёзовой рощи» до «Русского поля»
Наш автобус спешит, по маршруту, не боле,
Поле снегом пока припорошено серым.
Там озимые спят, приукрыты умело.
Если вдуматься: этот маршрут так чудесен!
Сколько мы на земле посвятим ему песен!?

РАССКАЖИ МНЕ, ОСЕНЬ

Расскажи мне, голубушка Осень,
Наряжалась-то ты зачем?
Чтоб прекрасный наряд свой сбросить
И остаться нагой совсем?
Дать однажды ветрам холодным
Всё до ниточки с себя снять
И ночами по подворотням
Целовать тебя, обнимать?
После плакать дни и недели,
Так рыдать, чтобы слёзы рекой.
Просто так (ни за что не поверю)
Потеряла ты свой покой?!
Что случилось с твоей душой?
Потеряла ты стыд и честь!
Стала тучей такой большою,
Как смогла ты на небо залезть?
Поседела и стала белой,
Не похожею на себя,
Седину свою зло и смело
В клочья мелкие порвала.

В ТОТ НОВЫЙ ГОД

Памяти Юрия Солдатов, выпускника школы №29 города Сургута, и других мальчишек-сибиряков, погибших в Грозном. Им было по 19 лет.

В день праздничный, а в декабре последний,
Случилась эта страшная беда.
В Сибири лес таинственный и снежный,
И мама стол накрыла как всегда.
А сердце бьётся, выскочить готово,
Сжимает болью неизвестный страх.
Душа, что речка в ледяных оковах.
И не от лука слёзы на глазах.

Такая тишина плыла над миром!
Но Грозный был воинственно суров.
А ночь готова стать кровавым пиром,
Чтоб разорвать объятия оков.
Но праздничных всё ближе бой курантов,
Сгустились тучи, и темнее ночь.
Майкопская колонна шедших танков
Как сможет все удары превозмочь?!
Семьсот мальчишек, ну совсем безусых,
Им не до шуток, неуместен смех.
Что ж так сегодня беспричинно грустно?
Сибирь им вспомнилась и белый снег,
И дом родной, где ёлка и невеста,
И руки мамы, и отца слова:
«Служи, сынок, Отчизне нашей честно,
Какой бы трудной служба ни была!»

С курантами из тысячи орудий
Салютом грозным праздник засверкал,
В тот Новый год в людей стреляли люди:
Прямой наводкой, сразу наповал.

РАВНОДУШИЕ

Всё чаще в жизненном круговороте
Встречаем колкий равнодушный взгляд,
Как будто люди вышли на охоту
И убивают взглядом всех подряд .
Ни радости от встреч, ни огорченья,
Ни интереса никакого нет,
Не дрогнет мускул и без сожаленья
Перешагнут упавшего от бед!
И продолжая дальше путь свой бранный
Всё так же безразличием скользя,
Упрутся в стену тишины, наверно,
Не веруя, не плача, не любя.
Но одиночеств ведая удушье,
Вскричит, должно быть, люд себе вопрос:
«Достаток обещало равнодушье,
Зачем достаток счастья не принес?!»

ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ ЛУЧШЕ?

Однажды по краешку жизни парить,
Надежду за пёрышко вдруг ухватить,
Обиды и беды всё-всё позабыть
И жить.
Проснуться свободной от лжи и обмана,
От тяжести полных когда-то карманов,
От мыслей печальных проснуться, пусть рано,
И жить.
Идти, улыбаясь навстречу ветрам,
Протягивать руки морозным снегам,
Оставить всё прошлое где-нибудь там
И жить.
Прощая за подлость, за зло, за измену,
Пойти на край света и помнить о вере,

Встречать, обнимать и любить, пусть без меры,
И жить.
Что может быть лучше, чем просто дышать?
Да глупости в жизни своей совершать?
И в завтрашний день не спешить, не бежать,
А жить!?

БЕЛЫЙ ЛИСТ

Серенады осенних ветров
Отзвенят, отшумят, отпоют.
Отголоски душевных долгов
Вновь куда-то зовут и зовут.
Новый день начинаю с листа:
Белоснежен он, холоден, чист!
Вот такая на нём пустота,
Всё же он громогласно речист!
Откровенностью первых снегов
Шепчет листик: «Вернись в тот апрель
По перилам сожжённых мостов,
Всем неправдам ещё раз поверь.
Окупись в круговерть с головой
И забудь об обидах души,
Светлый храм в своём сердце построй,
Помолиться друзьям разреши!»

ПРОЩАЛЬНЫЙ ВАЛЬС

Прощальный вальс задумала листва.
Вернее, это всё придумал ветер.
Проснулся: и такая вдруг тоска
О солнышке и об ушедшем лете.
С тревогой оглядел он тихий лес,
И захотелось вдруг покуролесить.
Он на верхушку сосенки залез,

Вдохнул лукаво и пошёл чудесить.
Унылые осиновые листья,
Встряхнул от грусти и подбросил вверх.
Они взлетели, а рябины кисти
Рассчитывали тоже на успех,
Но ветерок их покачал слегка,
Любуясь украшением лесным,
Хотел сорвать их даже сгоряча
И сохранить на память до весны...
Последние листочки у рябинки
Ладочки протянули к небесам.
На них уже блестели капли-льдинки,
А ветер их сорвал... И чудеса!
Они вспорхнули тоже, словно птички,
И понеслись навстречу облакам.
А ветер свои сбросил рукавички,
На танец приглашая знойных дам.
Потом шалун добрался до берёзки:
Всё золото сорвал без сожаленья
И закружил листву, целуя слёзки.
И замер лес осенний в восхищенье.

НО ОДНАЖДЫ В ЗЕРЦАЛО ВЗГЛЯНУ

Закрываю глаза: и проносятся годы,
Словно в кроссе осеннем, и ленточку рвут.
Иль как ранней весной все талые воды
К океану спешат, и зачем-то ревут...

Столько было надежды, азарта и веры,
Что ещё впереди ждут меня чудеса.
Там за всей суетой, за работой без меры,
Пусть не принц, но готовит уже паруса.

Сердце ноет, что быстро проносятся годы,
Их уже не поймать, не вернуть, как мечту.
А душа молода, не растрачена вроде
И готова вернуть всё, ошибки учту...

Но однажды в зеркало взгляну и остыну.
Что мне скажет немое? О том промолчу.
Я свой паспорт подальше от внуков закину.
Ах, ещё молодою побыть так хочу!

ПОХОЖИЕ СУДЬБЫ

Росточек сквозь асфальт, не сквозь пылинку,
Порой проходит, чтобы стать травинкой,
На свет являясь очень уязвимым,
Желает век прожить неповторимо.
Но в полдень солнце так палит безбожно,
Ветра качают, что сломаться можно.
Цветком поднимется всё ж белоснежным,
Хоть маленьким совсем и очень нежным,
Шутя пройдутся по нему ботинком,
Зажмурится от боли, и слезинки
На хрупкие листочки лягут косо,
А все подумают, что это росы.
Упорно тянется к звезде заветной,
Цвет опадёт, он станет неприметным...
Жизнь коротка. Природа так сурова:
Борьба – существования основа!
ЦВЕТОК и ЧЕЛОВЕК... Похожи судьбы!
У человека лишь другие судьи.

Лариса КАРЕЛИНА

ЖЕНСКИЕ СТИХИ

Средь множества написанных стихов,
Сверкающих талантом, чудной речью,
Пленяющих игрой волшебных слов,
Иль бьющих наповал картечью,
Есть женскою рукой написанные строки –
Любви и нежности, и мужества уроки.

АННА

Тоской надломленные руки –
Непреходяща боль разлуки...
Она - осколок в сердце льдистый –
День превращает в сумрак мгlistый.
Была ты в мире этом, Анна,
Судьбой начертанная тайна.
Из бездны, как со дна морского,
Ты поднималась к жизни снова.
Слыла поэтом ты опальным,
Но к берегам манящим, дальним
Ты не рвалась и не металась, –
Навек в стране родной осталась.
Всё в лету кануло навеки.
И превратились в прах оковы.
Но не иссякли твои реки –
Твоё ахматовское слово.

МАРИНА

Волн солёных брызги – такой была.
И сердце – нараспашку – так жила.
И чувств пронзительных каскадом
строки льются...
Всё больше плачут, нежели смеются.

Татьяна СОСУНОВА/ АНДРИЯНОВА

КОЛЫБЕЛЬ

Нынче кто-то очень странный,
(Я не знаю, как назвать).
Знать, лазутчик иностранный
Изготовил ей кровать.

Хитрость применил, конечно,
Зиму уложив в постель,
И укрыл сугробом снежным.
Без зимы живём теперь.

Для зимы, возможно, лучше:
Никаких тебе забот.
Даже солнца пробный лучик
Через снег к ней не дойдёт.

Даже ветер шаловливый,
Расшумевшись на лугу,
Сделав дудочку из ивы,
Нам признался: «Не могу».

Сделать мы должны полшага
К окончанию зимы.
Звать придётся, видно, мага,
Что глядит на нас с луны.

Пусть он в темень иль при свете
Остановит колыбель.
Выйдет к нам весна навстречу.
Её время быть теперь.

ВЕСНА - ШАМАНКА

Эй, шаманка в мокрой юбке
С бубном – ручейком в руках!
Сбрось-ка снежную ты шубку.
Видишь - небо в облаках.

Видишь – снег лежит повсюду.
Где же тайный ваш закон?
Прояви-ка людям чудо,
Сделай, чтобы он сошёл.

Пусть шаманские напевы
Распевают ручейки.
Пусть для пар влюблённых, первых
Ночи будут коротки.

Пусть соловушка залётный
О любви всю ночь поёт.
Пусть любовью мимолётной
И меня не обойдёт.

Пусть земля, вздохнув глубоко,
Поменяет свой наряд.
Пусть сосульки кособоко
Над окошком позвенят.

Эй, шаманка в мокрой юбке,
Раскрасавица - весна.
Ты пройдишь-ка в танце гибком,
Пусть все ахнут: «Вот она!»

ПРИДЁТ ВЕСНА

Придёт весна, рассыплет птичьи трели,
И прозвенит весёлым ручейком.
Запахнут сочным ароматом ели,
Подснежник первый выглянет тайком.
Засветит верба жёлтые серёжки,
Берёза слёзы девичьи прольёт.
Нам ждать останется совсем немножко,
И лето с негой тёплой придёт.

ДУША ЛИКУЕТ

Лёг туман на берег речки,
Растянулся и притих.
Зажигает небо свечи,
Ветер молча, пишет стих.
Тишина. Душа ликует.
Нежно плещется вода.
Небо в озере рисует
Тропку, что ведёт сюда.
Лес таинственный и строгий
Размечтался в темноте.
Млечный путь своей дорогой
Осветил просторы те.
Нанесу красоты эти
На грунтованный картон –
Пусть в морозный зимний вечер
Вспомнят, словно сладкий сон:
И туман, и берег речки,
И таинственную ночь,
И на небе тёмном свечи.
Вспомнить их, и я не прочь.

Лена ФРИК/ Елена ГУЩИНА

ХОРОШО У НАС В СИБИРИ

Хорошо в Сибири летом:
Ягоды, грибы, покос...
А зима одарит снегом,
Затрещит седой мороз.
Закружат метели в танце.
Только нас не запугать.
Нашу тройку с бубенцами
Даже ветру не догнать!

Откружат своё метели
И умчат в седую даль.
Звонко зазвенят капли,
Разгоняя грусть-печаль.
Хорошо весной в Сибири!
Всё здесь радует мой взор:
Первый листик на березе
И лугов цветной ковёр.

Хорошо у нас в Сибири
Осенью, зимой, весной.
Нет земли прекрасней в мире!
Сердцем я всегда с тобой!

* * *

Легко мечтается в шестнадцать,
Когда мечтам предела нет.
Легко мечтается и в двадцать -
Ведь за плечами лишь рассвет.
Легко мечтается и в тридцать -
Цветок любви набрался сил,

Решимость есть за счастье биться,
И не растрочен страсти пыл.
Легко мечтается и в сорок -
Ведь близок «ягодный» сезон...
И старости не страшен морок,
Не ждём уж принца - был бы конь.
А в пятьдесят мечты на диво -
Жирком немного обросли...
И хоть «взбрыкнёшь» порой игриво,
Вдруг вспомнишь - внуки подросли.
А в шестьдесят - опять как в тридцать.
Мечтам - свободу и вперёд!
А коль мечта не может сбыться?
Так кто же без мечты живёт?!

* * *

Представлю на короткий миг,
Что жизнь моя лишь черновик:
Ошибки, росчерки, помарки,
То дни черны, то ночи яркие.
И можно заново начать -
На чистый лист переписать.
Дни - буквы, строчки - это годы,
А здесь подправим мы погоду...
И дождь, и снег подвластны нам,
Плохое всё оставим там...
Все неудачи и сомненья
Нам не испортят настроенья.
Любви добавим и добра.
Ну, всё закончила. Ура!
Что ж потрудились я на славу!
Горда собою я по праву.
Но что в итоге вижу я?!
Жизнь на листке уж не моя.

* * *

Две берёзки - две подружки,
У пруда они стоят,
Нарядились, как невесты,
И в зеркальный пруд глядят...
Налетел бродяга-ветер,
С ними пошалить решил.
Приобняв подруг за плечи
В быстром танце закружил.
Замер вдруг, на них любуясь,
Оторвать не может глаз,
Стройной девичьей фигурой,
Кожей нежной, как атлас.
Юный ветерок весенний
Вдруг в восторге прошептал:
«Уж не вас ли, девы красны,
Здесь Есенин воспевал?!
И не вам ли ночью звёздной
Слёзы горьки пастух лил,
И о длительной разлуке
Уж не вам ли говорил?»
Отвечали две берёзки:
«Ты послушай наш ответ -
Кто встречал здесь утро в росах -
Это бабушкин секрет.
Нынче уж другие встречи,
Но одно на свете вечно:
Лишь шагнёт на землю вечер,
Птиц дневных умолкнет свист,
К нам грустить сюда приходит
Одинокий... гитарист».
Две берёзки - две подружки,
У пруда они стоят,
Нарядились, как невесты,
И в зеркальный пруд глядят...

Ольга ГУБИНА

КРИТИКУ

Не кладите стихи на Прокрустово ложе,
Не кромсайте, на пальцах считая размер,
Ведь стихи - это сердца кровавые слёзы
И души откровенно распахнутой дверь.

Каждый пишет своё, как он видит и чувствует,
Он – художник, и словом рисует свой холст,
Ни размер и ни рифма его не волнует,
Он над бездной словами наводит свой мост.

Стиль у каждого свой, почерк – он уникален,
Не спеши под гребёнку одну причесать.
Каждый стих, как дитя, нам поэтом заявлен
И не ставьте на них приговора печать!

ОТВЕТ НА ОГОВОРКУ

У поэзии нет инвалидности,
У поэзии возраста нет.
И не надо кивать на возраст –
Молод сердцем любой поэт.
«Отработанный материал»,
Не про нас заключенья такие
Не пропустим такой удар –
Сердцем мы с тобой молодые.
Если Богом отмерен дар
Песни петь и слагать стихи,
Крылья наши не обломать,
Оговоркой не извести.
Коль стихами поёт душа,
Коли в сердце огонь горит,
«Отработанный материал»,
Не о нас кто-то там говорит.

ОДИНОЧЕСТВО

Одиночество хуже смерти.
Вы уж на слово мне поверьте.
Поглотит оно, как болото -
Станет жить уже не охота.

И тоскою глаза застелет,
И закроются к счастью двери.
И дождями слезинки, слышишь?
Застучат по щекам, как по крыше.

И застынут и губы, и руки,
И душа онемееет в разлуке.
И застонут на небе - птицы,
Нашей встрече не повториться...

Словно камень под ноги брошен, -
Ты исчез, растворяясь в прошлом.
Одиночество зверем кралось
И со мною оно осталось...

А Я ЖИВА

А я жива, пишу, дышу,
Стихов слагаю птицы-строки.
И всех обидевших прощу,
И отогрею одиноких.

Не умерла и не сломалась.
Обиды, боль пережила.
Лишь чище и светлее стала
Моя озябшая душа.

Улыбка птицею взлетела
И осветила вновь лицо.
Я оценить друзей сумела,
И отмела всех подлецов.

О чём,
прозаик,
ты хлопчешь?

Вадим КУЗНЕЦОВ

А МЫ УЙДЕМ НА СЕВЕР!

рассказ

Восемьдесят восьмой год. Разгар перестройки. Я, тридцатидвухлетний, пять минут назад младший научный сотрудник, становлюсь заместителем директора по научной работе крупного медицинского академического института. Мой шеф – ярославский интеллигент, которого притащил в Сибирь его суперизвестный начальник, основав в Новосибирске пафосный кардиологический комплекс. Шеф славен в узкой профессиональной среде. Рассказывают даже какие-то легенды про его первые уникальные исследования коронарных артерий у животных. Всю жизнь был вторым-третьим. Тут судьба дает шанс получить первый приз. Назначают в Тюмень, директором института. Позвал меня в замы по научной работе. Я недавно защитился, стал кандидатом наук. Для меня это – неожиданная перспектива продвинуться в профессии и карьере.

Приехали с женой. Шестилетний сын пока с бабушкой и дедушкой в Тогучине, райцентр такой в Новосибирской области. Поселили в общежитии вахтовиков. В первый же день я понял, что на работе нужно будет выкладываться. Вкалывать серьезно: день мой закончился около 23 часов. Жена в растерянности: «Ты раньше так не работал». Про «раньше» – забудь.

Наблюдаю картину: всё вроде в заведении есть: оборудование, инвентарь, транспорт. Народ как бы грамотный. И при этом ощущение полного раздрая. Науки как таковой нет: официально пара мелких тезисов опубликована за год на весь институт в сборниках, которые кто-то назвал «мурзилками» (был такой детский популярный журнал). Восемь кандидатов наук, все «пришлые». Бедновато для академического института. На второй день работы пошел в обход по этажам, знакомиться прежде всего с научными сотрудниками. Беспросвет! Главный вопрос задавал: где научная продукция – статьи, патенты, методические рекомендации? От большинства – бессвязное мычание и взгляды исподлобья. Мол, чего пристаешь? Жили без вас и еще будем жить, долго и счастливо. Не таких обламывали. А один из «старичков»

выдал, мне слили: «Если наукой начинают командовать мальчишки, надо отсюда увольняться».

В стране разгул горбачевщины: демократизация, гласность, «экономика должна быть экономной». Продукты по талонам. А в институте правит «Совет трудового коллектива» – мракобесный орган, плод горбачевской перестройки, во главе с одиозной личностью товарищем Губановым, который хотел стать директором Института, да вот не назначили. Вместо этого институт передали в Сибирское отделение Академии меднаук СССР и прислали небольшой десант из Новосибирска: руководителя, его зама по научной работе (ваш покорный слуга) и четырех аспирантов. Этому предшествовал всесоюзный скандал, который Губанов вместе с секретарем парт ячейки устроили, чтобы «скушать» предыдущего директора, присланного из Томска. Поселился тот известный профессор в хорошем и недешевом гостиничном номере, ожидая квартиру. А бухгалтерский норматив оплаты расходов за жильё не покрыл. Так по совету партийно-трудовой камарильи профессор возьми и подпиши в погашение оплаты счет на лампочки. В науке профессор был дока, а вот в хозяйстве – не очень. Ну, эти субчики быстро на него настроили телегу куда следует. Получил профессор выговор по партийной линии и поехал обратно в свой Томск не солоно хлебавши. Да еще федеральная пресса ему косточки помыла. Погорел, в общем, на лампочках. Хорошо, хоть не посадили.

Работаю. Дело новое, административного опыта никакого. Своего места в первые недели нет. Поэтому сижу с шефом в его кабинете, наблюдаю, получаю какую-то практику. Проходит пара недель. Начальнику надо в командировку. Меня оставляет за директора. Есть помощница – ученый секретарь, спокойная и рассудительная дама, которая помогает разобраться с бумагами. Однако вижу, что реальный центр управления отнюдь не в директорском кабинете. Всё вершит Губанов. Так дело не пойдет. Докладываю вернувшемуся из командировки начальнику. Мол, с этим что-то надо делать. Мы работать приехали, а Губанов саботирует. И тут я получаю карт-бланш. Шеф дает все полномочия решать внутренние проблемы. Даже, по сути, и не договаривались особо. «Делай!» – было сказано. Так и сложилось у нас разделение труда: я рулил внутри института, а шеф улаживал внешние проблемы. Ну, как рулил... Всё рассказывал моему руководителю. Получал добро, тогда действовал. Расклад был классический: добрый и злой следователь. Добрый – это

начальник, злой – это его зам, то есть я. Логика наведения порядка простая: накосячил – получи. А уж у Губанова косяков хватает. Да и не у него одного. Главное, институт академический, финансируется государством из бюджета, а науки нет. Куда денежки подевали? Вот когда я начал по-серьезному такие вопросы задавать, забегали тараканы. И куда бегут в первую очередь? Правильно, к директору:

– Уберите от нас этого мальчика со стеклянными глазами!

А начальник соглашается:

– Мы его поставим на место!

Процесс идет. И полетели сначала голуби – это приказы о взысканиях, а потом и головы. Так потихонечку начали чистить авгиевы конюшни.

Однако ломать – не строить. Делать-то чего будем, в смысле – созидать как? Нет энтузиазма у народа. И доверия к нам нет. В моем прежнем институте ситуация выглядела так: ты хочешь работать, проявляешь инициативу, а тебе ответ:

– А нам это не надо.

Здесь всё с точностью до наоборот: ты предлагаешь, а народ:

– Нам это не надо.

Мотивация нужна. Она, как известно, бывает моральная и материальная. Начнем со второй. На первую еще не наработали, хвалить не за что. Благо кроме разговоров новые перестроечные порядки разрешили хозрасчетную и хоздоговорную деятельность во внерабочее время. Еще недавно больше, чем полторы бюджетных ставки заработать было невозможно. Для молодого врача или младшего научного сотрудника это примерно 160 рублей в месяц. На эти деньги на базар за мясом не сходишь: килограмм – 4 рубля 50 копеек. Да и попробуй его купи.

За пять лет до приезда в Тюмень я поступил в аспирантуру. Как и что – история любопытная, но это отдельная песня. Наталья, жена моя, умудрилась в то время где-то словить инфекционный гепатит – болезнь Боткина. Попала в профильное отделение. Довольно тяжело болела: была в прекоме. Но подлечили, выписывают. Рекомендации: особое внимание – питание. Нужна телятина. Начинаю искать телятину. Деньги тут уже роли не играют: чуть не умер человек, надо её восстанавливать. Потратим всё, что есть. Иду в своем родном Бердске на базар за телятиной. Что вижу... На целом немаленьком и при этом пустом центральном рынке два продавца мяса. И продают они свинину, где толщина

сала сантиметров 15, а мяса в этих кусках вообще с гулькин нос. Не пойдет! А в магазине вообще мяса нет... Несколько лет нас подкармливали родители Натальи из Тогучина. Но телятины и там не было.

Вернёмся в восемьдесят восьмой год. Организовываем в институте хозрасчетную бригаду специалистов-медиков. Ищем договорные отношения с ближними предприятиями. Обследуем их работников, лечим. Потихонечку наши ведущие сотрудники стали зарабатывать побольше. Однако экономика страны явно катится под откос. Бюджет института – не разбежишься. И надо что-то придумывать посерьезнее.

Конечно, посматриваем на Тюменский Север. Там нефть, газ, финансирование – будь здоров! Как вот туда пробраться? У нас вроде есть опорная точка – в Лангепасе. Точнее, не у нас, а у Губанова, куда он периодически отправлял экспедиции для так называемых популяционных исследований. Но, по сути, институту от этого толку мало. Вдруг на ловца и зверь... Появляется у нас некто Виталий Леонидович, однофамилец одного славного партийного лидера. Приехал он к нам из Нового Уренгоя – крупнейшей газовой столицы Советского Союза. Столица эта уже в то время снабжала газом полстраны и солидную часть Европы. Приехал на переговоры. Он был руководителем научно-исследовательской медицинской лаборатории, которая числилась в составе одного из ведущих институтов Сибирского отделения Академии медицинских наук СССР. Что-то не пожилось ему в этой структуре, и решил он поменять принадлежность своего хозяйства. С тем и пожаловал. То есть просится под наше крыло. Впечатление произвёл хорошее. Книгу пишет. Наука потихоньку у него идет. Дружит с ведущим московским академиком-патофизиологом, под началом которого стал кандидатом наук. Раньше работал в глубоком Заполярье. Знает местные особенности. Рассудительный, спокойный, подтянутый, с юморком. В общем, будем дружить. Шеф как-то быстро решил организационные вопросы, и через несколько месяцев Новоуренгойская лаборатория вошла в наш состав. Вот тут и начались разговоры о высадке на новый плацдарм.

Северянин начинает зондировать ситуацию в Новом Уренгое. Сигналит: есть контакт. Готовьте проект договора. Проект я сделал. Летим с шефом на Север, в Тюменское Приполярье, в Новый Уренгой. Город режимный, на входе пограничный

контроль: проверяют паспорта. Виталий встречает, устраивает нас в почти что единственной городской гостинице (есть, правда, еще одна, но ведомственная, элитная, туда не пробиться). Везёт в свое хозяйство. Несколько помещений на первом этаже панельного жилого дома. Не очень богато, но везде порядок. Начинаем обсуждать будущее. Завтра визит к большому газовому боссу – фактическому хозяину города. Предварительно он вроде позитивно отреагировал на ситуацию, но никто ничего не гарантирует. Надо решить, может быть, главный вопрос: какова цена, сколько денег просить будем? Шеф:

– Сто тысяч.

Виталий:

– Давайте триста.

Я делаю небольшую паузу:

– Шестьсот.

У них немая сцена. Мол, ты что, обалдел? Кто такие деньги даст? Кстати, годовой бюджет института был в то время пятьсот тысяч рублей.

– Ну, не даст, так не даст. Снизим цену. А вдруг прокатит? Тогда это будет принципиальное решение наших финансовых проблем.

Переглянулись мужики. А! Была, не была! Пишем шестьсот.

Наступает завтрашний день. Ожидаем в приёмной. Мандражируем. Приглашают. Договор передали заранее. Он перед глазами у босса. Начинаем агитацию. Мол, бригада ведущих тюменских врачей с научными степенями и суперсовременным оборудованием приезжает к Вам и, например, на базе Вашей поликлиники осматривает шестьсот человек. Состав бригады, то есть кого из специалистов везти, согласовываем с Вашими медиками. Но, по сути, это будет маленькая, современная, мобильная поликлиника. Больных отбираем и госпитализируем в наш институт. Качество работы гарантируем. Слушает внимательно. Вопросов не задает. Потом разворачивает договор. Полсекунды смотрит, похоже, на стоимость, и без колебаний подписывает. Уфф! Вдруг слышим:

– Правда завтра придётся это обсуждать на Совете трудового коллектива.

Ёлки-палки! И здесь этот Совет. А чего обсуждать-то? Договор-то подписан. Ну, порядок есть порядок. Надо, так надо. Да, кстати, а кто возглавляет Совет?.. Правильно – Совет возглавляет большой босс. Выходим. У меня вырывается стон:

– Почему миллион не написали?
Но поздно. Хотя и так отлично. Что, правда, завтра будет?
Проскочим?

Совет трудового коллектива. Небольшой зал-амфитеатр. В зале – человек сорок. В президиуме – большой босс. Обсуждают сначала какие-то свои вопросы. Вот и до нас очередь доходит. Босс объясняет, мол, тюменские врачи предложили договор, по которому они обязуются сделать то-то и то-то. Нужно обсудить. Прошу высказываться. И началась вакханалия. Бурильщик такой-то:

– Зачем это нам надо? Лучше премию увеличим.

Дама, инспектор отдела кадров:

– Эти варяги приезжают, деньги сшибают, навывяляют больных, а нам расхлебывай!

И еще человек десять:

– Не хотим! Не будем заключать! Нечего деньги разбазаривать!

У меня уши в трубочку свернулись: во попали! Никто не сказал ни одного доброго слова. Всё, провал! У большого босса ни один мускул на лице не дрогнул. Никого не перебивает, ни с кем не спорит. Так минут тридцать. Потом предлагает закончить прения и изрекает:

– Я внимательно слушал и понял главное: никто ни одного худого слова не сказал. То есть все не против. Голосуем. Кто «за»?

Я рот открыл: все – «за». Единогласно договор одобрен. Вот это искусство управления! Мы едем в Новый Уренгой!

Первый выезд состоялся через пару месяцев. Подробностей не знаю, потому что сам поехать не смог. Принесли, что работали в каком-то красном уголке, в непригодных помещениях. Работа была тяжелая при полном аншлаге. Народу было столько, что толпа сорвала входные двери в здание. Не очень, по-видимому, местная медицина людям нравилась. А мы-то всегда старались на совесть. Работу бригада выполнила. Но были напряг и скандалы. Я тогда обозначил для себя, что важность работы очень высока. И придется тебе, дорогой товарищ, ездить на Север самому.

«Ездить самому...» Доедь еще, попробуй. Точнее, долети. Время смутное. Проявляется это по-разному. Например, необъяснимые задержки самолетов. Понятно, что необъяснимы они для пассажиров. И классические ссылки на нелетную погоду.

Вот летим в Новый Уренгой. Рейс задерживают по погодным условиям. Торчим в тюменском порту Рощино. Ну, у нас тут есть свой человек. Очень колоритная персона. Начальник смены. Валя. Нет у Вали переднего зуба. Вся всклокоченная, личико слегка отекает. По телефону Валу по отчеству лучше не звать. На просьбу:

- Можно услышать Валентину Петровну?

Ответ:

- А это кто? А, Валя-мафия. Сейчас, даю трубку.

Послали к Вале делегата:

- Валь, ну что происходит? Улетим или нет?

Приходит.

- Ну, доктора, про погоду – это фуфло. Керосинки нет. Обещают, что скоро будет. У нас тут еще проблема: у начальницы моей зуб заболел. Можете помочь?

На такие ситуации есть в экспедиции Михалыч, мой лучший друг. В Тюмени он, как мышь в швейцарском сыре. Всех знает, со всеми может договориться. К тому же еще: умник и красавец. Михалыч кому-то звонит и уезжает с Валиной начальницей. Вдруг, начинается движение. Вроде рейс под парами. А Михалыча нет. Начинаю нервничать.

- Валя, как бы нам рейс не пропустить.

- Без вас не улетит. Гарантирую!

Наконец появляется Михалыч вместе с начальницей. Та довольна. Тут разворачивается кино. Нарисовывается большая телега. Валя:

- Так, вещи *ложим*. По-быстрому.

Проезжаем мимо всякого досмотра. Впереди Валя. Возле трапа – толпа. Куда-то испарились наши чемоданы. Валя впереди:

- В сторону все. У меня здесь доктора!

Летим!

Прием пациентов в эту поездку проходил уже лучше. Провели анализ ошибок. Работали в нормальной поликлинике. Люди шли немереной рекой. А мы старались. Кроме организационных вопросов (я – руководитель экспедиции), смотрю народ на ультразвуковом аппарате, моей любимой красавице, японочке по имени Алока.

- Так, к сожалению, я у Вас выявил камень в желчном пузыре.

- Да, ой как хорошо!

Чего хорошего? Ненормальная, что ли?

– У меня сосед – экстрасенс. Он эти камни разбивает за один сеанс.

Вспомним время. Это был разгул дикой ненаучной медицины: Кашпировский и Чумак, и куча подражателей и шарлатанов. Этот народ концентрировался на Севере, где можно было по-легкому заработать в условиях проблем с традиционной медициной и больших денег у людей.

– Вот Вы мне не верите. А можете сами убедиться. Я сегодня к нему схожу. А завтра посмотрите снова на вашем аппарате: камня не будет. Только если без очереди.

– Да, конечно, посмотрим без очереди. Договорились!

На завтра посмотреть пациентку сбежалась вся наша бригада и половина врачей поликлиники. Результат был ожидаем и предсказуем. Камень никуда не делся и ничего с ним не произошло. Чудеса, наверное, бывают, но не в этот раз.

Подводят ко мне на исследование одного из начальников газовой суперкомпании, отвечающего за снабжение. Очень симпатичный, импозантный, слегка седовласый армянин.

– Раздевайтесь, пожалуйста, ложитесь на кушетку.

Лег. Смотрю, как обычно: сердце, почки, поджелудочную железу, селезенку. Ставлю датчик на печень. Вижу: картина классическая. Изрекаю:

– Что, Армен Гарикович, профессиональная вредность?

Делает небольшую паузу, оглядывает меня снизу-вверх, отвечает:

– А иначе ничего ни рищищ.

Без слов все нам с ним понятно: алкогольные гуляния для снабженца – неизбежная реальность. Ну а печень при этом – жертва.

Появился у нас в Новом Уренгое друг. Зовут Владимир. Он – муж работающей у нас доктора, а в городе – руководитель небольшой строительной организации. Парень хороший. В известном смысле – агент влияния. Нечасто бывает, что муж с женой почти постоянно за тысячу километров друг от друга, но случается. На много лет стал нашим пациентом. А в то время его вердикт был жестким: «Вам надо на Ямбург». Ямбург – это примерно триста километров на Север. Новый Уренгой – Приполярье, а Ямбург уже Заполярье: все крутится возле условной окружности. 66 градусов широты. «А мы ребята – семидесятой широты» – великолепная песня Станислава Пожлакова:

А нам не страшен ни вал девятый,
Ни холод вечной мерзлоты.
Ведь мы ребята, ведь мы ребята
Семидесятой широты.

На Ямбурге идет разработка нового газоносного района. Страна вкладывает туда огромные деньги. Понятно, что при этом забота о здоровье народа чуть-чуть может запаздывать. Вот эту нишу Володя нам и рекомендует занять. Да, мы готовы.

– Поехали к Замазкину, я договорюсь, – обозначил Володя.

Замазкин – это заместитель директора по так называемой социальной сфере газовой организации на Ямбурге. Ямбург – на пике освоения. И у них основной офис в Новом Уренгое – отсюда всё идет. В Новом Уренгое сидят технические службы, клерки и печатающие машинки. Приехали к Замазкину. Разговор короткий:

– Рассмотрим. Давайте попробуем. Везите договор. Работать будете с Тутилиным – начальником отдела кадров и социального развития.

Встретились. Все понятно. Давайте через пару недель – везу договор. По рукам!

Возвращаюсь в Тюмень. Составляю договор. Продумываю поездку в Новый Уренгой. Договорился. Лечу. Приношу бумаги Тутилину. И началось: для меня это было внове. Нужна виза этого, этого, этого: штук восемь подписей на договоре. Так еще почти каждый вопросы задает и замечания. Правда Тутилин невозмутим:

– Замечания пишите и подписи ставьте.

Так прошла почти рабочая неделя. Выясняется, что нам предстоит с Тутилиным еще и лететь на Ямбург, там Замазкин и Генерал, который должен подписать договор. Лететь надо на вертолете. У них своя вертолетная площадка. Едем туда. Оп, облом. Погоды нет. «И снег и ветер, и звезд ночной (в нашем случае – дневной) полет». Тутилин потусовался пару часов, выяснил, что к чему, и под собственное удовольствие исчез. Не будет стрекозок сегодня. Как быть? У меня послезавтра обратный билет из газовой столицы до Тюмени. А без договора не могу я вернуться. Сижу, как идиот, на этой вертолетной площадке. Слышу: поезд вахтовый на Ямбург идет. Ночью. Надо же что-то делать. Не торчать же здесь дебилом.

Еду на станцию. Пришел поезд. Весь в снегу и сосульках. Я думал: билет куплю и поеду. Щас, тебе кассу открыли, обозначили уровень комфортности в билете, и ты – человек. Нет. Идет какой-

то свой процесс. По спискам выкликают народ и пропускают в поезд. Но тебя-то нет в списке!.. Как-то все-таки пробрался. Фамилия, видать, помогла: Кузнецов. Наша, родная, русская, очень распространенная. Залез на третью полку. Ниже – забито. Задремал. Едем очень медленно. Проснулся – приехали. Смотрю: народ очень быстро рассасывается по машинам. А меня ведь никто не ждет. И это не столица с таксистами-бомбилами. Какой-то переговор, подсказка – «Спасибо». Ломанулся в авто-вахтовку, которая едет в поселок, в так называемый «Модуль».

Приехал, четыре утра – это Ямбург. Потом узнал, что и как построено, и за чьи деньги. Пока машина высадила возле «Модуля» – это блок, здание, где живет народ. Сказали, что администрация за углом. Отлично! Пустили в красный уголок. Стулья поставил. Можно поспать немного. Прилег. Дождем. Терпи. К восьми встрепенулся. Вперед! Иду к Замазкину. Удивился:

– А где Тутилин?

Сказал:

– Так пурга. Не смог он прилететь. Но у меня все подписано.

Замазкин внимательно смотрит бумаги. Говорит:

– Подожди немного.

Уходит. Возвращается. Генерал подписал. **ГЕНЕРАЛ ПОДПИСАЛ!** Мы работаем на Ямбурге!

Замазкин:

– Хотите нашу поликлинику посмотреть?

– Конечно.

– Ногами дойдем. Здесь близко и погода хорошая.

Идем. Поселок Ямбург – удивительное место. Кто придумал его – большой молодец. Вот и поликлиника. Отлично построено. Мерзлота – всё на сваях. Это специфика.

– Работать будете здесь.

Супер! Все выглядит великолепно.

– Так, Вы тут остаетесь? У Вас еще есть задачи? Если нет, через сорок минут борт в Новый Уренгой.

Ох! Ну и темп! Через час летим на стрекозе. Душа поёт! Все сделал! Успел...

Я не понял тогда истинного значения подписанного договора. Это был спасательный круг в начале и середине девяностых, который не дал утонуть кораблику-кардиоцентру. Уж потом, в 2012 году, нас признали лучшей кардиологической клиникой страны. А истоки – на третьей полке вахтового поезда и четырех стульях в красном уголке модуля Ямбурггаздобычи.

ВЕНА

рассказ

Середина 90-х. Лихое время. В Тюмени днем стреляют на улицах из автоматов. Идут серьезные криминальные конфликты. Убивают людей публично. Но жизнь не остановить. Наш Кардик – это на внутреннем сленге, официально: «Научно-исследовательский институт клинической и профилактической кардиологии Сибирского отделения Российской Академии медицинских наук», – почти упал, но не упал. Держим. Людей лечим. Науку делаем. За свое выживание боремся и народу помогаем.

Вот хорошая новость: зовут сделать доклад на серьезной научной конференции в Вене. Оценило «международное научное сообщество» нашу работу высоко, надо ехать. А платить кто будет? Кто, кто?

«Хороша страна Россия!
Здесь пасётся конь в пальто.
Здесь родился, жил и умер
Знаменитый дед Пихто!»

Александр Соколов

Вот конь или дед, называется, «спонсор». Это известная фармацевтическая компания. И в девяностые, и позже – сотрудничество врачей и фармкомпаний – это норма. Мы вместе продвигаем правильные, обоснованные методы лечения болезней. Компания организывает и оплачивает мою поездку. Все вопросы легко решаются по телефону и почте. Виза есть, билеты есть, отель есть. В порту встретил симпатичный парень – оказалось, серб по национальности. Сотрудник компании. Выглядит шикарно. А у меня в то время – ощущение некой пришибленности. Уж очень непростая жизнь в стране у нас.

Доклад. Всё отлично. Чувствую: попал в синхрон. Зал замер, а потом – аплодисменты. Отмечу: докладываю на английском языке. Для меня это не очень простой жанр. Однако ведь учился.

О, мой английский! Как себя помню, постоянно слышал историю про Сережу, сына маминой лучшей подруги, который учил английский в транспорте – автобусах, троллейбусах, слова зубрил. В итоге, поехал работать за границу, в Египет. Тогда СССР строил Асуанскую плотину. Вернулся – король. Волгу-машину

купил себе. Это было то, что мне мама обозначила эталоном. А я обожал мамину подругу. Когда мне было лет десять, она обронила: «Этот мальчик будет профессором, и я буду гордиться, что с ним была знакома». А я переживаю: до сих пор бы ездил в гости в её маленькую квартирку и обыгрывал бы в карты, на копейки, в вист маму и её подружек... Стал зубрить английский. Студент. Лежал на пляже озера в Черкесске и заучивал слова. Я не задавал себе вопрос, для чего я это делаю. Или задавал? Ответ: надо! Потом был преподавателем внутренних болезней в бердском медучилище. И на... для чего мне английский?

Про «надо». Андрюшка – старший сын. Ему было три года. Жили мы на окраине Новосибирска, хорошо хоть нашелся вариант из Бердска обменять квартиру. А детский садик был возле железнодорожного вокзала. И ехать туда – чистых сорок минут, с подходом к автобусу – час. А морозы – под и за сорок. Бежим, а он:

- Папочка, мне холодно
- Потерпи, сыночек.

Попробуй ещё сядь в этот автобус. Все бьются, не залезть! А у меня малыш. В общем, как вспомнишь, так вздрогнешь. И каждая поездка – подвиг для Андрейки. Для меня – стресс. «Андрюшенька, вставай, пора в садик собираться». Нет реакции. Повторяю объявление – нет реакции. Что же сделать, чтобы поднять тебя? Рисую большими красными буквами слово «НАДО!» и прикрепляю высоко на шторе перед его глазами. Теперь утренняя процедура меняется. «Андрюшенька, вставай, пора в садик собираться». Нет реакции.

– Андрюша, видишь, перед тобой самое главное слово: «НАДО». Надо вставать, мое солнышко.

– Вот сейчас залезу на эту штору и сорву это плохое слово «НАДО», – встает.

1991 год. Жуткое время. И меня только что окунули в грязь. Я нашей самой, самой, самой крутой, ведущему доктору наук, пробил двухкомнатную квартиру. И передо мною нарисовалась мафия. Так называемая «Десятка». Судебный иск. Медсестра: у неё очередь на квартиру была как бы первая. За ней стояли бандиты. И крутые адвокаты. Ох, тяжело мне было. Я тянул процесс. Сам оборонялся, без юриста. А потом главаря застрелили. А основного адвоката зарезали в подъезде. И я сразу выиграл дело.

Ну, вернемся к английскому. У меня – кипеш. Областная газета за докторскую квартиру меня полощет. Кузнецов – не катит. А я еду учить английский! Еду на погружение. Мне шеф дал добро. И денег разрешил заплатить немало от нашего учреждения.

В пригороде – крутые ведомственные дачи: лесники, нефтяники, геологи... В общем, мы – у геологов. Заходим. Встречают две симпатичные женщины. Слышу английский: «Дилайтед» (в восторге). Ничего не понимаю. Раскладывают по каютам. В комнате – по двое. Селят меня с Анатолием. Да я же общежитский парень. Мне – что воля, что неволя. Язык надо! А Толик – нормальный чувак. Он – умница и очень красивый мужик! Там девушки все «хочут». Так и вперёд, вымпел в зубы! Начинаются занятия. Ничего не понимаю. Ну, абсолютно ничего! Ни слова вымолвить, ни слово внять. Шок! А сюжет интересный. Это так называемый «курс Игнатовой». Госпожа Игнатова, наверное, с хорошими психологами преподавание разрабатывала. Языковое обучение основано на ролевой игре. Вот нас десять человек. И каждый получает новую сущность, в которой живет. Я – Тони Дакота, астронавт из Миннесоты. Обживаю свое обретённое бытие: «Позвольте представиться», «Налейте, пожалуйста, чашку чая». Проходит два дня. Вдруг падает черная штора. И для меня открывается язык: начал свободно говорить на английском. Тут я клещом вцепился в педагогов. И наши посиделки у камина до одиннадцати вечера – мы с Анатолием и две училки – стали сущностью этой школы на весь срок обучения. Говорили только по-английски.

Вот Наталья, наш преподаватель, вспоминает историю. Мол, работала в Новом Уренгое с подругой вместе, Людмилой. Красивая женщина. (Людмила позже уехала за рубеж, и организовала в Париже (!) линию своей косметики)...

Но надо же два слова про Новый Уренгой. Уникальный город. Жуткий город. Приполярье. Холод. Черная северная ночь. А дома и весь пейзаж – постнаучная утопия. Не может такого города быть. Но там – газ. «Уренгойгазпром» – это то, что греет весь Советский Союз и всю Европу. Сосуды – трубы огромного диаметра, поддерживают жизнь миллионов людей.

Однако вернемся к Наталье и Людмиле: «Вызывают нас с Людой в горком, в Городской комитет Партии (информация для молодых: партия была одна – коммунистическая, она решала всё). Обозначают задачу: в городе крутится американская делегация.

Впереди 7 Ноября – годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Нужно сделать показательное выступление – организовать для них празднование нашего великого дня. И даётся вам задание, девоньки, провести это всё на квартире Героя Социалистического Труда, товарища Мехамеджанова, знаменитого бурильщика. Идите и работайте! Мы пошли. Ну, сначала надо Мехамеджанова найти. Нашли. Объясняем. А он нам: «Да с радостью бы помог. Но я-то все время – на буровой. А квартира моя... Не живу я там. И как туда американцев привезти?» Съездили. Посмотрели. Полный финиш. Американцев точно везти нельзя. Попробовали позвонить в горком: слушать не хотят: «Получили задание? Работайте!» Надо делать ремонт. Срочно! Ремонт в этом городе может сделать только один человек. Это директор «Уренгойстрой». Но он – монстр. Никогда никому ничего не даёт. Бесплезно. Ловить нечего. Но делать что-то надо! Мы записываемся на приём. Заходим. Видим длинный кабинет. А длиннее кабинета – матовый стол. Во главе стола маленькая голова. Рыжая. Невзрачная. Убогая. Вдруг наблюдаю картину: Людка падает на стул (уже говорилось, что была она красавицей) и выдает, что никогда не видела в своей жизни такого потрясающего мужчину. И наступает нечто. Рыжая голова вдруг разрастается. Появляется туловище. И это берет Людмилу под белые ручки и подписывает всё, что мы подали. Экстремально быстро и качественно делается ремонт в квартире буровика Мехамеджанова. Великолепно отмечаем великий праздник с американской делегацией».

Курс Игнатовой. Ролевые игры. Всем раздали персонажей. И это весело. Вот Вин Линн, по сюжету – нобелевский лауреат. На самом деле, он директор серьёзного геологического института в Тюмени. Но когда мы по-английски его хвалим, говорим, что бриллиантовый, гениальный, бесподобный, неповторимый, шикарный, – он тает. Человек вправду становится всемирным пассионарием... Уровень языка у курсантов очень разный. Похоже, что мой – самый лучший. Но это не главное. Команда собралась уникальная. Ученики – три профессора, и остальных не под забором нашли, тоже знаковые люди. И педагоги замечательные.

Отдельная песня – Аса Кларк (по сюжету игнатовского повествования) – Шайн Айзик Абрамович, профессор. Заведует кафедрой онкологии в мединституте. Английский: у него есть

только одно слово. Но как оно звучит! Это слово – «ЕС». И как же, оказывается, это слово можно произнести! И с какими интонациями! Айзик, низко кланяюсь тебе. Ты недавно ушел.

Всё бы ничего, но выпала на эти дни павловская денежная реформа. Так, плавали – знаем! Понервничали, но не умерли. Бывает и хуже.

И английский. Вдруг завозят к нам англичан. Ну, какая-то делегация подвернулась. И мы сидим, слушаем Патрисию Каас, пьем водку и шпηρεаем на английском языке. Офигеть!

Всё. Заканчивается наш языковой праздник на фоне убитой страны. Я обрёл английский настолько, что написал про каждого из моих товарищей пару рифмованных строк. К несчастью, всё не сохранил. Но чуть-чуть осталось. «Аоа тичерз – а бютифул кричерз» (Наши учителя – прекрасные создания). «Самбоди воз онли вайз энд хардвёкинг, Нау хи хэз ирризистебл торкинг» (Кто-то был очень мудрым и работающим, а сейчас у него потрясающая речь; это была любовная лесть для Айзика; по-моему, он так и не приобрел ничего, кроме новой интонации «ЕС» на этих курсах).

Что касается меня, то мне дважды делали комплимент по поводу английского языка. Позже, серьезные люди, в серьезных местах.

– Где вы учили английский?

– Зис из май нейтив тьюмен инглиш, – Это мой природный тюменский английский (шутка у меня была такая).

В благодарности я низко кланяюсь педагогам курса. Но болтать по-английски и понимать английский – разные предметы. Говорить могу легко. Не проблема. А вот понимать – очень трудно. С носителями языка – европейцами: немцами, датчанами, шведами, – все очень просто, мы с ними говорим на одном английском – это эрзац. Нам предложили язык, он помогает общаться. Когда-то придумали «эсперанто» – язык международный. Не пошло. А английский – в ходу. А вот реально владеть английским – моя недостижимая мечта. Особенно английский в Америке. Это ужас! Попал в Атланту – юг Штатов. Ни слова, ничего. Ничего не понятно. Возвращаюсь в «дом родной»: Средний Запад. Коламбус, Огайо. Кэрол и Джефф – мои друзья. Говорят: «Мы их сами не понимаем».

Фирмач-паренек в Вене был гостеприимен: сводил меня в неплохой ресторан. Жил я недалеко от Конгресса и каждый день ходил туда, минуя представительство «Аэрофлота». Как я потом вспоминал этот маршрут! Ну, загляни в билет, ну проверь! На

Конгрессе, как уже я описал, доклад мой прошел отлично. Отлично настолько, что председатель секции, подающий большие надежды молодой итальянский учёный (недавно опубликовал статью в ведущем кардиологическом журнале), пригласил меня в бар выпить пива. И очень хвалил мою работу. Мол: «Что я, ну прославился в научном мире своей статьей. А вот твоя работа сделана с запасом на двадцать лет вперед». Приятно слушать хорошие слова. Как-то разговор свернулся на материальные темы. Иностранцы (я в шутку их называю буржуями), как правило, не любят разговоры о доходах и зарплате. Но с постсоветским коллегой можно и об этом посудачить. Хотя речь идет в первую очередь о моей зарплате. Говорю, что моя официальная зарплата эквивалентна 25 долларам в месяц. Он переспрашивает:

– 25 тысяч долларов в месяц?

– Нет – просто 25, нет никаких тысяч, – возникает – небольшая пауза. Потом слышу:

– Да, Вадим, ты должен быть себе хорошим продюсером, чтобы выжить.

Ну, 25 долларов – это требует объяснения. Действительно, в то время официальная зарплата директора академического института медицинского профиля была именно такой. Но нормальный мужик должен кормить семью. На 25 долларов не прокормишь. Поэтому без дополнительных доходов не выжить. Отсюда – всякие приработки, например, договоры с газовиками и нефтяниками, которые спасали наш институт от развала и давали возможность как-то жить врачам и учёным, которые ездили на Крайний Тюменский Север обследовать и лечить людей, работающих на этих просторах. Это было трудное время. Многие хорошие медицинские специалисты уезжали за бугор, кто-то уходил в бизнес. Считаю, повезло, меня все-таки прокормила профессия. И скажу, что в нашем институте не было того, что кое-где процветало: конверты с деньгами в карман медицинского халата от пациента. За стопроцентность этого ручаться не буду. Были у нас две показательные порки. И они закрыли тему!.. Уходит в историю Конгресс, уходит в историю мой суперуспешный доклад.

Мой венский патрон, молодой парень, сотрудник фармкомпания, договаривается со мной:

– Вадим, у тебя вылет в воскресенье. Можно, я не буду тебя провожать? Закажу тебе такси, а там, в порту сам разберешься.

– Конечно, все решим.

А погода в Вене – жуть:

Вихрем сабельных ударов
Серый снег в окно стучится.
Вена – бедный мне подарок:
Надоело мелочиться.
Угнетает мир заморский
Охлажденным равнодушьем,
Бьет в глаза рисунком броским,
Распорядком и послушьем.

Затяну ремень потуже,
Поверну ключом три раза,
Нам – пошире, им – поуже,
Им – чуть-чуть, а нам – всё сразу.
Каждый мир – свои проблемы,
Но свое держи в записке,
Суть вопроса – не эмблема,
Мир внутри – вот суть задачи.

Настоящая пурга. Прямо заполярный Ямбург. Конец марта – Европа. Как-то плоховато чувствуется.

Воскресенье. Приходит такси. Привозит в аэропорт. Ну, я уже опытный путешественник. Это моя четвертая или пятая по счету заграничная поездка. Высматриваю стойку «Аэрофлота» для регистрации. Что-то вблизи не видно. А вот, вроде там в отдалении. Тут граница проскочила, отштамповали мне паспорт. Подхожу к стойке.

– Можно зарегистрироваться?

– «Можно. Пожалуйста, Ваш билет, подаю.

– Извините, но у Вас не «О'кей». Вы на листе ожидания.

Это что за фокус? Оказывается, у меня не подтвержден обратный вылет. Девушка, которая оформляла поездку в Москве, никому не сказала, что у меня нет действующего нормального билета из Вены в Москву, а есть только оплаченный проект билета. Так называемый лист ожидания: если кто-то не полетит, то тогда смогу полететь я. Вот это попал! Денег-то нет. Паспорт мне граница пробил – обратно не выйдешь. Воскресенье. Спонсоры мои – неизвестно где. Жить буду теперь вечно в пограничной зоне, точнее, не жить, а бомжевать, просить милостыню. Правда, выясняется, что почему-то не я один такой. Тут же тусуется делегация врачей из Йошкар-Олы, человек пять.

У них тоже лист ожидания. И они серьезно напрягают представителя авиакомпании, чтобы улететь. Плюс откуда-то нарисовался лесовой бизнесмен из Псковской области, который в ресторане проел или проспал свой вылет в Санкт-Петербург. У мужичка из «Аэрофлота» – глаза круглые. Похоже, что-то у них не срослось. Но обещает, мол, отправлю вас всех в Питер, через шесть часов будет вылет. Веселуха! В Питер! У меня в десять сорок утра завтра самолёт из Москвы в Тюмень, а я в Питер должен лететь! Вы – нормальные? А какая альтернатива? Ну, живи в венском аэропорту, собирай валюту на обратный билет. В общем, улететь бы хоть во Владивосток, в родной стране разберемся что, где и как. А пока псковский бизнесмен пиво зовет пить за компанию. Пиво так пиво! У него-то валюта есть, он угощает.

Прилетаем в Петербург не глубокой, но ночью. «Пулково» в то время – дыра дырой. Такси и то нет. А мне – на Московский вокзал, вроде поезд должен быть ночной до Москвы. Ну, портплед на плечо – и вперед, до трассы. Где-то с полкилометра. Прошел метров сто пятьдесят. Всё же появилось такси. Сажусь. Везут. В Москве бы бомбилы раздели, здесь – по-божески: цена нормальная, – культурная столица России.

Подхожу к кассе, мол, мне бы билетик до Москвы. Размечтался! В городе детства сказки живут... «Тихо кассирша ответила мне: билетов нет, билетов нет, билетов нет!» 23 марта. Начало детских каникул в постсоветском пространстве. Все поезда забиты голоногими ребятишками, которые саранчою едут окучивать столицу нашей Родины. Что делать будем? Придется искать консенсус с проводниками. Иду на перрон. Один вагон – отказ, второй – отказ, не берут, даже за приличные деньги (валюты в карманах не было, рубли – были). Наконец, уговорил. Куда-то засунула меня проводница в каморку, на угольный ящик. Всю ночь болтало там. Приехали в Москву. Рысью на Павелецкий вокзал, в «Домодедово» электричкой, кажется, на самолет успеваю.

«Домодедово» в то время звал я клоакой Советского Союза, хотя Союза уже не было. Условия были жуткие, криминала полно. Но что-то стало меняться. Вот стою в очереди на регистрацию. Вдруг появляется представитель тюменской авиакомпании. Сообщает, мол, у него две новости: плохая и хорошая. Плохая: какой-то идиот в турбину самолета кинул гайку, поэтому нормальный пассажирский лайнер пришлось заменить на грузопассажирский. И это означает, что на рейс регистрация

окончена: кто не успел зарегистрироваться в первой партии, на этом самолете не полетит. А вторая новость хорошая: вы все сегодня улетите, только через пять часов. Будет нормальный рейс, всех отправим. А пока можете отдохнуть, сходить в ресторан, в видеосалон, позвонить домой. Компания всё оплатит, только несите чеки... Что-то в нашем мире стало происходить, такого я никогда не видел. Врут, поди. Пойду-ка, попробую разобраться. Поднимаюсь в представительство авиакомпании. Пытаюсь, как говорят, поторговать фейсом, договориться то есть. Объясняю, я, мол, известный тюменский профессор, больных мне вот надо лечить, оправьте меня этим самым грузопассажирским. Сидит упитанный глава представительства. Отвечает: «Профессор, да улетите Вы сегодня. В нормальном самолете. Куда Вам торопиться? Сходите покушайте, фильм посмотрите, домой позвоните. Мы все оплатим». Ну, я его не уговорил. Ладно. Иду в ресторан. Обедаю по полной, с бутылкой недешёвого красного вина. Потом – видеосалон, тогда это был хит – видеофильм посмотреть. Звоню домой. В общем, всё, как научили. Несу чеки. Думаю, кинут. Нет, всё спокойно оплачивают. Вот это у нас теперь сервис! Подоплеку ситуации я узнал несколько позже, когда в тюменскую авиакомпанию заместителем директора устроился мой крепкий приятель. Он очень смеялся, когда услышал эту историю. Оказывается, представитель компании, ну тот толстый дядя, всё организовывал специально, чтобы кормить и развлекать своих родственников и себя, родимого. То есть под видом компенсации расходов пассажиров он тратил средства компании на себя и своих ближних. Понятно, что это вскрылось, и его прогнали.

Так и закончилась моя венская поездка.

Галина ФЛЕГЕНТОВА/ ШПРИНГЕР

«ВЕСЕЛЕЙ РЕБЯТА, ВЫПАЛО НАМ...»

рассказ

Поезд быстро набирал ход, она стояла возле окна, был жаркий летний день. Окна в вагоне были открыты, и легкий ветерок обдувал прохладой лицо, волосы растрепались. А она улыбалась чему-то не видимому, но тому, что было там впереди. Из купе раздался смех, это ее друзья, достали домашнюю снедь и гитару. И первые аккорды гитары, вернули ее в настоящее. Ее муж пел: «...вагонный пакуется груз, наш адрес не дом и не улица, наш адрес Советский Союз...». А Саша с Инной, ее друзья, вторили ему. В другом купе подхватили песню... И уже весь вагон пел, и песня неслась вместе с поездом вдаль. Они пели и радовались: новым впечатлениям, романтике, предвкушению дыма костра, палаткам, утренней дымке тумана и стройке, на которую они ехали по комсомольской путевке. За окнами мелькали деревья, вечерело, и уже таинственными казались за окном березки, ели, а лес становился все гуще и гуще. Кто-то произнес: «Ну, вот и тайга началась». Утром они приедут в Демьянку. Название то какое: «Демьян-ка, и от этого названия веяло чем-то от таежных охотников и тайгой», - подумала Татьяна.

Настало утро, не по-летнему прохладное и туманное. Север, таежный край встретил их не приветливо. Было промозгло. И рой мошки набросился на них, как только они ступили на перрон. И что-то кольнуло ее в сердце, закрался холодок. Но рядом были друзья, муж Василий. «Все будет хорошо», - подумала она. Но интуиция не обманула. Они, собрав свой не большой багаж: личные вещи, да подушки с одеялом, отправились на поиски строительной конторы, что приглашала их на работу. Прораб, увидев их, удивился: «Да мы же вчера хлопчиков набрали, думали то ж вы!». Почесал затылок: «И чего ж с вами робить?». Она отметила про себя, украинец. «Ну, пойдем за мной». Он мешал русские и украинские слова, и у него так ладно, по-доброму это получалось. Его голос успокаивал.

Накануне прошел дождь. А они с Инной в туфельках. Ноги утопали в густой, как сметана, грязи, они с трудом вытаскивали ноги и про себя вспоминали, как мама настаивала взять резиновые

сапоги, ах, как бы они им сейчасгодились! В поселке стояло несколько деревянных двухэтажных домов и много вагончиков. Вдали виднелась река. Но седой прораб уводил их все дальше и дальше на окраину поселка, где одиноко стоял заброшенный вагончик. Ей подумалось: «Какая глухомань...». А за ним начиналась тайга. Стояли высокие ели, кедры, березы, осины, пихты, стояли не шелохнувшись, и было так тихо, какая-то звенящая тишина (после огромного шумного города, там всегда было движение и шум). Такой тишины она никогда не слышала в городе. Прораб подвел их к вагончику и сказал: «Ну, хлопчики, хозяйствуйте, а завтра с утра до мэнэ». И ушел, широко расставляя ноги, словно боялся упасть. Это потом они узнали, что раньше он служил на Черноморском флоте.

Вагончик (местные жители такое жилье называли балок), был разделен на две половины, словно специально для двух семей. Они усталые с дороги, присели, подкрепились остатками домашней еды (ох, и хороша была сегодня вчерашняя курочка). Мужчины окинули взглядом жилье. И подумали с грустью, что не о таком они мечтали, о палатке, но их романтика началась с вагончика-балка.

И кроме одеял и подушек у них ничего не было. Татьяна с Инной взялись за тряпки, нужно все отмыть (похоже нога человека сюда давно не ступала). Мужчины по досточкам собирали табуреты (благо, что оба плотники). Затем появились полочки, они радовались, словно купили новые шкафы. Прораб выдал какую, никакую посуду, ведра, тазы. И они начали потихоньку обживать.

И началась жизнь полная удивления, в окружении природы: река, лес, болото, ягоды, грибы, кедровые шишки, и лишений цивилизации, без телевизора и холодильника. Газовую горелку им выдали.

На следующий день, ранним утром, Танюша вышла из балка, потянулась, так что все косточки затрещали, улыбнулась утру и потрясенная замерла. Исполинские кедры вперемешку с елями, стояли словно стражи, величаво, подняв свои головы в небо. И в воздухе был дурманящий запах трав и кедрово-терпкий запах тайги. И такая тишина... Только дятел долбил и долбил кору дерева, выискивая себе еду. И там вдалеке была видна голубоватая дымка реки. От балка в лес быстро пробежала рыжая белка с пушистым хвостом. Инна, выскочив из балка, охнула: «Красота-то какая!»

Это было их первое утро, в этом суровом Северном краю. Это потом они стали слышать в этой тишине каждый день стук колес, удаляющихся поездов. Северный край преподносил каждый день сюрпризы и одним из них были не забываемые белые ночи, когда просыпаешься и с ужасом думаешь, что проспал, глянешь на часы и не понимаешь то ли день, то ли ночь... И по утрам медвяные росы... И изобилие ягод: брусника, черника, клюква, орехи и грибы... И еще удивительная отоварка продуктами, раз в месяц приходил вагон и они покупали печенье коробками, сгущенное молоко ведрами, яйца коробками, апельсины коробками (на большой земле все покупалось килограммами и граммами). И изобилие мяса и рыбы, и умение все эти дары сохранить, засолить, завялить, переработать... Всеми этому они учились у местных жителей. Жизнь продолжалась, мужчины устроились на работу. И время полетело в заботах. Но все равно его оставалось так много, а молодость была ключом, и желание изучить этот неизведанный край, было огромным. Мужчины все чаще уходили рыбачить. И рыба здесь была совсем другая: щуки жирные (а не костистые) по два, три килограмма, и сырок (вкуснющий!), муксун (деликатес!), а какие малышки, щучки-шурогайки, ловились (их называли карандаши).

Наступила осень. И в первый выходной сентября, было решено отправиться за клюквой. Местные жители говорили, что рано, но они никого не слышали. Взяли ведра, одели сапоги (боялись змей). Таня и Инна замотались платками. И в четвером разбрелись в поисках клюквы. Холодало. Лес уже тронула кистью осень, багряно-красные листья осины дрожали и перешептывались, золотились листики березы, и только в немом молчании стояли кедры. Желтые, красные листья выстилали землю, под ногой хрустели ветки, и нога то утопала во мхи, то вновь хрустели веточки хвои, попадались, вышелушенные белкой или кедровкой, шишки, редкие уже, грибы. Доносилось пение птиц, то вдруг застрекотала сорока. Послышались вдалеке глухие удары. Василий отметил: «Мужики шишкуют, в кедраче орех колотят». А клюквы все не было. Они уходили все дальше. Мужчины перекликались друг с другом, чтобы не потеряться из виду. Лес поредел, все чаще попадались одиноко торчащие стволы высохших деревьев. Кочки становились крупнее, и вода начала хлюпать под ногами. И тут Татьяна увидела чудо: на кочке кроваво алела, словно ярко-красные бусины, клюква. Она наклонилась и потянулась за ягодой, и вместе с ягодой, словно нанизанные на

нитку бусы, снялось с десятков ягод. Она была еще не зрелая и от того упругая, твердая и некоторые ягоды были еще розовые. Но какими они были крупными! Она не переставала удивляться. Рука тянулась от одной кочки к другой. Ягод было так много, у нее захватило дух. В ведре ягоды прибавлялись быстро и в азарте, она не заметила, как заблудилась. Под ногой все шаталось, что-то булькало и шипело и каждый след уже заполнялся грязной водой. Татьяна подняла голову и подумала, что она заблудилась. Но страха не было, какое-то блаженство было в голове, и даже мошки, противные мошки, которые забирались под платок, умудрялись попасть в рот, и те больше не тревожили. И вдруг впереди она увидела маму, мама помахала ей рукой. Она присела на кочку возле засохшего деревца, и с удивлением, подумала, что-мама-то дома осталась... Голова кружилась и мысли медленно и плавно уплыли куда-то... Она сидела в забытьи. И не слышала, как в это время Василий и друзья кричали: «Ау! Ау!»,- не переставая искать ее. Инна с Александром привели местных жителей, начинало смеркаться. Местный доктор, Кузьмич, первый заметил её, сидящую, прислонившись к деревцу. А вокруг болото, и то там, то здесь выходил «веселящий газ» - сероводород, вызывающий галлюцинации.

Она очнулась от резкого запаха нашатыря, уже в балке. Безумно болела голова, она раскалывалась, и кто-то стучал и стучал молоточками в голове. Кузьмич привел ее в себя. Он внимательно посмотрел на Танюшу и Инну, качая головой: «Ну, и красавицы! Глаз-то не видно! Кто ж в тайгу один идет, да еще без москитной сетки? Завтра, девоньки, глаз не откроете». Он взял марлю, обмакнул в солевой раствор и положил Татьяне на лицо. И словно тысячи иголок впились ей в лицо, она застонала. Потом Кузьмич заварил чай на травах и всех напоил ароматным чаем, и пахло от него душистыми травами и брусникой. Танюша заснула. Первые солнечные лучи коснулись лица Танюши, она открыла глаза, потянулась и побежала к зеркалу. Раздался истошный крик, который разбудил и мужа, и друзей. В зеркале на нее глядела – мордочка поросенка (лица не было), круглая с прорезями глаз. Мужчины покатывались от смеха, показывая пальцем то на Татьяну, то на Инну. А у Тани слезы потекли по щекам.

С утра их навестил Кузьмич и констатировал: «Это вам, матушки, не курорт! Мошка, она свое дело знает! Поделаете на лицо солевые примочки, и день, два все пройдет». Затем он спросил про самочувствие. А позже заговорил и про работу: «Слышал я, ты -

фельдшер. А мне помощница, ох, как нужна. А тебя сам Бог послал». Он вздохнул и продолжил: «Годков-то тебе, чай двадцать пять, аль ошибся?». Она кивнула, мол верно.

Так Татьяна, уже в стылую осень, вышла на работу, помогать во врачебной амбулатории Кузьмичу. Она на всю жизнь запомнила свой первый рабочий день на станции Демьянка. Она, уже проработавшая семь лет на скорой помощи, и казалось, что ее ничем нельзя было не напугать, не удивить. Но не тут-то было. А был-шок!

Сначала с просеки привезли лесоруба, его укусила змея. Кузьмич, мигом ввел ему противозмеиную сыворотку. Не успел закончить, пришла женщина с опухшей щекой. Щека была отекая и горячая, женщина стонала. Татьяна поставила градусник, температура сказала обо всем, тридцать девять и пять десятых градуса. «Зуб нужно удалять»,- сказал Кузьмич.

Кузьмич удалил зуб под местной анестезией, женщина охнула, и велел Татьяне: «Набери пенициллин пятьсот тысяч, уколи, да два кубика анальгина с кубиком демидрола, да уложи ее у нас до утра». Она делала все, что говорил Кузьмич, машинально, а глаза делались все шире (в городе удалял зуб стоматолог!). Позже пришел вахтовик, сказал, что провалился в холодную воду и результат: под мышкой карбункул(нагноение). Кузьмич позвал Татьяну: «Готовь стерильный столик, вскрыешь сама». Она замотала головой: «Вы, что, Кузьмич, это же врачебная процедура! Я не...не буду». Кузьмич усмехнулся и сказал: «Пошли! Помогай, держи лоток». И легко вскрыл нарыв. Парень вскрикнул и полость освободилась от гноя. И слезы облегчения и радости потекли у парня из глаз. Затем прибежала молодая женщина с грудным ребенком, он задыхался. Татьяна сразу поняла – ложный круп, ларингит. Кузьмич сделал укол, она сделала ингаляцию, ребенок задышал.

Татьяна уже не понимала, то ли Кузьмич детский врач, то ли хирург, то ли стоматолог, то ли терапевт. Она была потрясена. А он улыбнулся, в ответ на ее мысли. «Здесь на тысячу километров нет больницы. Если я им не помогу, кто им поможет и?!». Погладил ее по голове и проговорил: «Ничего, черноглазая, ты смысленая, привыкнешь». И добавил: «Я вообще-то, как и ты – фельдшер. Просто я давно живу на Севере. А врачиха-то уехала!».

А потом они пили чай с дикой малиной и брусничным листом. Кузьмич был на ногах вторые сутки, приехали вахтовики, и он все лечил и лечил их. После чая его сморило, и он так и задремал,

положив под голову руки, сидя возле кушетки. Татьяна смотрела на его обветренное и загоревшее лицо, и никак не могла понять сколько же ему лет. А он во сне по-детски улыбался. Дежурство подходило к концу, и Кузьмич провел его вместе с ней, чтобы не напугать суровой правдой жизни и местными возможностями медицины.

Но на следующий день разыгралась не погода: проливной дождь, шквальный ветер. Раздался звонок в амбулаторию. В поселке Кинтус - роженица, поезд будет только через сутки. Кузьмич рассуждал: «На Татре сейчас не проедешь». А телефон не умолкал, заболел уже пятый ребенок-ларингит. Кузьмич перед этим бегал от одного дома к другому, и уже в изоляторе, не куда было ложить ребятишек.

Он посмотрел на Татьяну и как отрезал: «Увы, черноглазая, к роженице полетишь ты, бери сундучок скорой помощи и на машину к вертолету. Погода, правда, не летная, но... времени нет, лететь нужно. Женщина первородка и плод большой. Нужно помочь».

Ветер и дождь хлестали в лицо, экипаж вертолета уже ждал фельдшера. Увидели Татьяну, удивились: «А где Кузьмич?». «В поселке много детей с ларингитом», - ответила она.

«Ну, тогда, летим!», - прокричал летчик. Кабина захлопнулась, лопасти вертолета зашумели. Летчик что-то кричал, но слышать его слова было не возможно. И легкая тень тревоги появилась на ее лице.

Вертолет поднимался над землей, и плавно поплыл над балками, деревьями, его болтало, но опытный экипаж из двух летчиков, удачно посадил вертолет, в поселке Кинтус, через полчаса.

Роженица уже не стояла на ногах. Схватки были частые, отошли воды и она умоляюще смотрела на Татьяну, постанывая во время схваток. Татьяна была моложе роженицы. Врач, передавший Татьяне роженицу, не мог лететь, оставить три тысячи человек без медицинской помощи, было нельзя. Муж роженицы, с перекошенным от страха лицом, поднялся на борт и сидел, вцепившись руками в сидение (он боялся летать, как выяснилось потом). Вертолет поднимался выше и попал в болтанку, ветер усиливался, ливень с еще большей силой обрушился на вертолет, он скрипел и как будто бы кряхтел, было жутко. Дико закричала роженица, у нее начались роды.

Татьяна вытерла испарину на лбу, облизала губы. Медлить больше нельзя, нужно было принимать роды. Выхода другого не было. Вертолет невероятно трясло. Татьяна про себя попросила Боженьку: «Помоги принять роды, Господи!». Муж начал креститься, глядя на Татьяну. Но все произошло быстро, роды были стремительные.

Вертолет дрожал, казалось сейчас под действием стихии, рассыплется. Закричала роженица, и ребенок громким криком, известил мир о своем появлении. Татьяна приняла малыша, это был мальчик! Она сняла халат, сначала завернула новорожденного в пеленку, затем в свой халат. Ребенок кричал, мамочка плакала, муж, улыбаясь, сказал тихо: «У меня Демьян родился».

А стихия, разыгравшись, раздирала борт.

Она приняла роды, как это делала ни раз, но словно это было не с ней, а как в замедленном кино. Экипаж был в диком напряжении. Казалось время замерло.

Экипаж посадил вертолет на вертодроме в Тюмени. Их уже встречала бригада скорой, которую по рации вызвал экипаж. Открылась дверь вертолета, врач ринулся к роженице и спросил у Татьяны: «Ну, что у вас?». Она, улыбаясь, передавая малыша на руки врачу, ответила: «У нас Демьян родился!».

Экипаж и Татьяна выпрыгнули из вертолета. Земля...

Она посмотрела в след удаляющейся скорой. Затем подняла голову вверх и глянула на Тюменское безоблачное голубое, голубое небо: светило яркое солнце, словно и не было этих страшных часов болтанки в вертолете, и борьбы экипажа со стихией.

Вертолет заправили горючим. И снова в полет, они взлетали. Летчик, улыбаясь, подмигнул: «Домой! С крещением тебя, черноглазая!».

Танюша посмотрела вниз, уплывал город, он остался далеко внизу, и уже впереди снова шумела, манила и звала голубая тайга. Это был край Северный, клюквы и брусники, со своей первозданной красотой. И каждый день люди, живущие здесь, брали новые рубежи. Это были удивительные, скромные и сильные, мужественные люди, которые хорошо делали свою работу, это и медики, и строители, и летчики, и водители, и буровики – это они покоряли Север, осваивали его богатства и прославляли его своими делами!

На борту вертолета зазвучала песня «Веселей ребята, выпало нам...». И она подумала: «Вот она – новая жизнь!».

Людмила ТКАЧЕНКО/ Мила РОМАНОВА

ЭКСТРАСЕНС

рассказ

Вера посмотрела в окно. Было уже совсем темно. Она собрала документы на своём столе в стопку. Наконец-то закончила работу. Посмотрела на часы: 21-45. «Нужно собираться быстрее, иначе последний автобус уйдет», - подумала нахмурившись.

Жила Вера на окраине города, а работала в центре. Автобусы на периферию ходили крайне редко и в основном по времени, поэтому Вера старалась попадать на транспорт вовремя. Расписание автобусов лежало на её рабочем столе под стеклом.

Потёрла руками лицо и начала одеваться. Был канун восьмого марта, и все работники офиса разошлись по домам ещё в обед. В здании было совершенно пусто. Вера сложила в большую сумку бутылку шампанского и несколько веточек мимозы, завернутые в целлофан - подарок от шефа. Горестно вздохнула. Опять праздник и опять она совершенно одна. Вот и сегодня, все давно ушли, а её попросили остаться и доделать работу. Ведь и, правда: что ей дома делать? У всех семьи: дети, мужья, жены, родители, а у неё никого. Совсем никого. Хотя так было, конечно, не всегда.

Вере Ивановне Проценко недавно исполнилось сорок восемь. Сорок лет её жизни были вполне успешными и счастливыми. Она была единственным ребенком в обеспеченной, дружной семье. Потом школа с медалью, институт с отличием и стажировка за границей. Не успела вернуться – выскочила замуж по большой любви. Её избранником был одноклассник по имени Кирилл. Любовь и правда была большой и сильной, но, увы, не долговечной. Да и закончилась банальной изменой. Однако Веру это не смутило и не расстроило: она умела принимать удары судьбы. Вернее, так думала.

Начала строить карьеру и к тридцати годам стала руководителем небольшой нефтяной компании. Алексей пришел устраиваться к ней на работу... и стал её вторым мужем. Казалось, жизнь дала ей всё. Всё, кроме детей. Сначала Вера не хотела себя обременять и связывать, а потом все попытки забеременеть оказались безуспешными.

Бедра постучала в дверь, когда ей только исполнилось сорок: внезапно умер отец. Точный диагноз так и не поставили. Взрослый, сильный, практически абсолютно здоровый мужчина, и вдруг внезапная остановка сердца.

Вера тяжело переживала потерю, но это было только начало. Через полгода умерла мама. Не смогла пережить тоску по мужу и одиночество. Вскоре Алексею предложили работу за границей, он начал собираться, надеясь, что и она поедет с ним. Но у неё была работа и карьера, то, чему она полностью посвятила жизнь после смерти родителей. Алексей уехал сам. А через год попросил развода. У него появилась другая женщина, которая родила ему сына. Но настоящим ударом стало банкротство фирмы, а затем и долгое судебное разбирательство, в результате которого она осталась без работы и практически без имущества. Все, что у неё было, описали приставы и продали «с молотка».

Теперь она жила в маленькой квартире на окраине города. Только на такое жильё и хватило её денег после погашения всех долгов. Какое-то время Вера вообще не работала – после скандала и судебного разбирательства её никуда не хотели брать. И вот лишь полгода назад подруга устроила бедолагу в фирму к своему знакомому, делопроизводителем.

Закрыв дверь офиса, Вера пошла к лифту. Везде было пусто и тихо. Снова посмотрела на часы и ускорила шаг. Нужно успеть хотя бы на последний автобус, иначе придется ехать на такси. Конечно, такси – это здорово, но перспектива питаться всю неделю перед зарплатой одной пустой овсянкой нашу героиню совершенно не впечатляла.

– Вера Ивановна? Что так поздно? Все ведь давно ушли, – удивился охранник, которому она сдавала ключ.

– Да, я знаю. Нужно было работу доделать, – улыбнулась устало.

– Так ведь завтра праздник, – продолжал охранник, – готовиться нужно, – не унимался он.

– Успею, – ушла от ответа Вера и поспешила на улицу. После развода с Алексеем мужчин в её жизни не было. Вернее, они, конечно, были. В любом качестве, кроме, собственно мужского. Может потому, что они полностью перестали обращать на неё внимание? Или она на них?

Да, проблемы и потери не красят женщин. В свои сорок восемь Вера выглядела старше своих лет. Одета в серо-чёрные тона и устаревшие фасоны одежды, без косметики, да ещё и с

десятком лишних килограммов, которые прицепились намертво. Ведь из удовольствий в её жизни осталась только еда и просмотр вечерних сериалов о любви. Еду она покупала подешевле, вечно экономила. Но зато много сладкого и мучного. Над сериалами рыдала, увлекаясь чужой киношной жизнью как своей.

На улице было пронзительно холодно. Весь день был тёплым, снег растаял, а сейчас поднялся северный ветер, лужи подернулись легкой коркой льда. Было скользко и холодно. Она быстро дошла до остановки и снова посмотрела на часы. Слава Богу, автобус сейчас подъедет.

Выглянула на дорогу. Машин было мало, город уже начинал праздновать женский день. На остановке кроме неё никого не было. Заметила фары приближающегося автобуса: «Вот и хорошо. Даже замерзнуть сильно не успела. Сейчас согреюсь».

Ехать от центра до нужной остановки было достаточно долго. Вот поэтому Вера всегда старалась сесть, чтобы расслабиться и даже немного поспать. Иногда ей кто-то уступал место, видимо вид у нее был и впрямь не лучший.

В этот раз искать свободное место не пришлось, в автобусе было пусто. Вера села возле окна на самое дальнее от водителя сидение и закрыла глаза. Так она проехала пару остановок.

– Добрый вечер! Не помешаю? – вдруг услышала голос.

Открыла глаза. Напротив неё сидел мужчина. В чёрном длинном пальто и широкополой, уже немодной шляпе, в больших очках и с портфелем на руках.

– Это же общественный транспорт. Как Вы можете мне помешать? – сказала Вера, а сама подумала, что он ей уже помешал. Во-первых, разбудил, во-вторых, сел рядом, хотя мог выбрать любое другое место в автобусе. Поднялось лёгкое раздражение.

– Ну вот, Вы злитесь, - тихим голосом продолжил мужчина.

– С чего Вы взяли? – удивилась Вера, продолжая раздражаться. Он действительно выводил её из себя. Своими дурацкими разговорами. И своим дурацким видом.

– Вижу. Я всё вижу, Вера! - он улыбнулся.

– Откуда Вы знаете моё имя? – удивилась она. Сон, как рукой сняло.

– Я не только это знаю, – улыбнулся он, – могу уверенно сказать, что ты сейчас едешь с работы домой. И что дома тебя никто не ждёт.

Он технично перешел на «ты», продолжая улыбаться. Его слова задели Веру за живое.

– С чего Вы взяли? Ничего я не одна. У меня есть муж... и кот, – добавила. Ей вдруг стало обидно, что этот совершенно посторонний, чужой человек за две минуты знакомства так точно описал её жизнь.

– Нет, Вера, нет. Ни мужа, ни кота.

– Откуда Вы меня знаете? Мы знакомы? – её осенило, что возможно они ранее встречались в общественных местах, либо у кого-то из знакомых. Хотя... Последние восемь лет она общалась только с Леночкой, той самой, что устроила её на работу. Никуда особо не ходила, даже изредка.

– Мы не знакомы, – ответил мужчина, – были незнакомы. Сейчас вот познакомились.

– Как же мы познакомились, если Вы даже имя своё не назвали?

– Правда? Я Иннокентий. Экстрасенс, – и протянул ей руку.

– Экстрасенс? Правда? Ясновидящий, типа?

– Типа, – улыбнулся он.

– И что Вам, уважаемый экстрасенс Иннокентий, от меня нужно? – Вера, наученная прошлым опытом, была достаточно осторожной.

– Ничего. Просто поболтать решил. С праздником наступающим поздравить. Ведь кроме шефа, тебя никто не поздравит.

Вере стало обидно. Кто он такой, этот странный незнакомец, чтобы судить о её жизни? Зачем он здесь? Что ему нужно? Хотя, с другой стороны, он был абсолютно прав.

– Ты же подснежники любишь, правда? – вдруг спросил неожиданный попутчик.

– Люблю, – машинально ответила Вера.

– А тебе подарили мимозы. Да ещё шампанского бутылку. Вот и все подарки к празднику. Так?

– Так, – она ответила машинально, успев подумать, что незнакомец прав. Когда был жив папа, он всегда дарил им с мамой на восьмое марта подснежники.

– Вот! – мужчина открыл свой портфель и достал оттуда чуть помятый букетик подснежников, – Это тебе!

– Мне? – у Веры перехватило дыхание, – Откуда?

– Из леса, – отшутился он.

– Спасибо, – Вера чуть не заплакала, – спасибо, – она взяла в руки цветы и поднесла их к лицу, – Но зачем Вы это делаете?

– Мне нравится быть волшебником, – улыбнулся мужчина, – я хочу, чтобы ты снова поверила в себя и в красоту жизни.

– Вам это удалось, – Вера продолжала вдыхать свежий запах цветов.

– Завтра я приду к тебе в гости, – вдруг сказал мужчина.

– Зачем? – опешила Вера.

– А зачем ходят в гости? С праздником поздравить!

– Вы знаете, где я живу?

– Ещё нет, но скоро узнаю.

– А если я не скажу, – Вера включилась в игру.

– Я и так узнаю. Я же экстрасенс.

Он улыбнулся, и Вера вдруг ощутила всю тяжесть своего одиночества, холодную тоску, что жила в её сердце последние восемь лет. Ей так захотелось быть любимой и желанной, что запершило в горле и зачесалось в носу от подкатывающих слёз.

– У меня ещё шоколадка для тебя есть, – Иннокентий снова открыл свой большой портфель и достал оттуда плитку тёмного дорогого шоколада, – Вот!

– Ну, если Вы экстрасенс, значит, должны были знать, что я молочный шоколад люблю больше, – заметила Вера.

– Это потому, что он дешевле, – снова улыбнулся Иннокентий, – а этот в разы вкуснее. Вот попробуешь и потом скажешь!

Вера взяла в руки протянутую плитку шоколада. Ей в какое-то мгновение показалось, что всё это происходит не с ней, а по телевизору, в любимом сериале.

В это время автобус в очередной раз остановился.

– Пока, Вера! С праздником! – Иннокентий вдруг быстро поднялся и выскочил из автобуса за секунду до того, как дверь начала закрываться.

Весь оставшийся путь домой она провела в оцепенении.

«Может это был сон? Или мне всё привиделось, показалось?» – лихорадочно думала Вера. Но цветы у неё в руках и плитка черного элитного шоколада были очень даже материальными и наилучшим образом подтверждали, что всё происходило наяву.

Домой она долетела, как на крыльях. Сняла в прихожей сапоги и сразу рванула к холодильнику.

– Так, яблоки, картошка, яйца, сыр, горошек, колбаса, майонез... Испеку утром шарлотку, наварю пюре и оливье забацаю. Шампанское есть. Шоколад тоже. Интересно, а в какое время он придёт? Жаль не спросила. Нужно пораньше встать. Уборку дома

сделать и себя в порядок привести. Опять же, стол накрыть. Вряд ли он придёт с утра. Наверное, после обеда. Ближе к вечеру.

Набрала в вазу воды, поставила подснежники и мимозу, начала раздеваться и напевать арию из оперы Верди: «Сердце красавицы склонно к измене и к перемене, как ветер в мае...»

От тягостного, грустного состояния не осталось и следа. Она долго не могла уснуть, представляя завтрашнюю встречу, пока утренний сон не сморил её окончательно.

Проснулась от телефонного звонка. Звонила подруга Ленка, поздравляла с праздником, обещала заехать.

– Нет. Давай не сегодня, – Вера не хотела обидеть подругу, но рассказывать о том, что ждет гостя, тоже не хотелось.

– Почему? У тебя другие планы? – удивилась Ленка.

– Нет, никаких планов. Хочу отоспаться. Вчера до десяти вечера была на работе, – Вера посмотрела на часы. Десять утра. Нужно торопиться. Ведь она не знает точно, в какое время придёт Иннокентий.

– Давай, пока. Я перезвоню позже, – поспешила завершить разговор с подругой.

– Пока, – в голосе Ленки явно слышалось недоумение.

Радостно напевая, она встала с кровати и начала уборку в квартире. Завтрак решила не готовить. Потому, что есть совсем не хотелось, да и времени свободного особо не было. Необходимо было сделать многое.

Через два часа в квартире был полный порядок, стол почти готов и даже платье выбрано. Кстати, платье было из прошлого. Она покупала его в те далёкие времена, когда работала руководителем. Оно было дорогим и брендовым, а также имело свободный силуэт, поэтому пополневшее тело Веры поместилось в нём хорошо. Немного тянуло в рукавах, но она решила, что красота требует жертв и она потерпит.

Ещё два часа ушло на то, чтобы полностью завершить все приготовления и уже с двух часов дня она начала ждать.

Сначала включила телевизор. Там по одному каналу шёл праздничный концерт, а по другому – её любимый сериал. Но, впервые за много лет, сериал показался ей пустым и не интересным. Потом она ходила по комнате, периодически выглядывая в окно и прислушиваясь к звукам в подъезде. Пару раз подогревала картофельное пюре в микроволновке.

Когда часы показали пять вечера, она начала убеждать себя в том, что совсем скоро он придёт и корила, что не написала ему

адрес. Возможно сейчас Иннокентий ходит и ищет её квартиру в другом доме. Или в другом подъезде.

Ещё через час она начала мыслить логически. И так, что мы имеем? Незнакомый мужчина в автобусе называет её по имени. Значит, он её знает. Так? Возможно. Иначе откуда он знает её имя?

Стоп! Пальто! Когда Вера села в автобус, расстегнула пальто. Это было старое пальто, которое со временем стало тесноватым. Она всегда расстёгивала пальто, когда садилась в автобус. Видимо, когда женщина уснула, пальто немного распахнулось, а на пиджаке был бейдж с её именем.

Вот и весь секрет! Мужчина увидел её имя и решил поиграть. Вот гад! Сволочь! Лжец! Как он посмел! Зачем так жестоко пошутил?

Но это еще не всё. Потом были подснежники. Он подарил ей букет подснежников. Вот они! Реальные цветы стоят на столе. Откуда он мог знать, что она любит подснежники? И сама себе ответила: ниоткуда. Он не знал. Просто «ткнул пальцем в небо» и попал в точку. Ведь он-то знал, что у него в портфеле есть букет подснежников. Вот и сотворил чудо. Видите ли, экстрасенс нашёлся. Лжец проклятый!

А с шоколадом не угадал, промашечка вышла. Вот он и выкрутился, типа тёмный шоколад стоит дороже. Вот, гад!

Стоп! А про мужа, откуда он узнал, что мужа нет? Неужели это на её лице написано? Нет, не на лице. На безымянном пальце нет кольца, вечер предпраздничного дня, десять вечера, одинокая женщина в автобусе. Это же очевидно, что у неё мужа нет! Оказывается всё так глупо. И так элементарно.

А почему он решил, что у неё нет кота? Ведь многие одинокие женщины заводят котов и кошек. Странно. Хотя, какая разница! Она повелась на обман. А этот лжец... что ему было нужно? Обчистить её карманы? Её квартиру?

Вере вдруг стало так плохо и грустно, что она заплакала. Взяла бутылку шампанского со стола, легко открыла. Она научилась открывать бутылки с тех пор, как осталась одна. Пила редко, пару раз в год, когда Ленка привозила игристый напиток. Но Ленка открывать не умела и очень боялась, когда шампанское стреляло.

Вера налила полный бокал и выпила залпом. Голову мгновенно повело, она ведь с самого утра ничего не ела. Накатили слёзы и она, не сдерживая себя, начала реветь, размазывая слёзы

по щекам, вместе с косметикой, которую так тщательно наносила на лицо с утра.

– За что? Заааа чтооооо мнеее этооооо? – редела в голос. Взяла салфетку, высморкалась, вытерла, как сумела лицо и снова налила себе бокал, выпила. Ей хотелось напиться до смерти, уснуть и никогда больше не просыпаться. Слёзы душили, катились потоком по лицу и она, размазывая их руками, продолжая тихонько выть. Как маленькая бездомная собачонка.

Неожиданно в дверь позвонили. Вера замерла и взглянула на часы. Восемь вечера. Неужели она неправа и гость все-таки пришел? Или Ленка решила приехать и поздравить её с праздником?

С трудом встала из-за стола. Два бокала шампанского на голодный желудок сделали своё дело, женщина едва стояла на ногах. А туфли на высоких каблуках, которые она одевала последний раз восемь лет назад, и вовсе были плохой опорой.

В дверь ещё раз позвонили. Вера с трудом доковыляла до двери.

– Кто там? – спросила негромко, в горле стоял комок.

– Откройте, пожалуйста! – раздался за дверью мужской голос, и сердце чуть не выскочило из груди. Неужели? Неужели он пришёл?

Но уже в следующее мгновение мужчина сказал:

– Откройте, я Ваш сосед.

Вера повернула ключ и открыла дверь.

– Что Вам нужно? – спросила она, еле выговаривая слова. Язык не хотел ворочаться, в голове шумело, а ноги подкашивались.

– Добрый вечер. С праздником Вас, – начал мужчина обязательную программу праздничного дня, – у Вас на пороге котенок сидит. Вот. Наверное, выбежал из Вашей квартиры.

Она успела заметить, что мужчина довольно высокий и приятной внешности, а в руках у него действительно маленький пищащий комок.

Голова закружилась и она пошатнулась.

– Что с Вами? Эй! Что случилось? – это последнее, что Вера запомнила.

....Маленький пушистый найдёныш был назван Тимом, но через год превратился в огромного толстого кота по имени Тимофей. Каждое утро он будил её рано утром и выпрашивал большой кусок рыбы.

Шампанского она теперь не пила совсем, поскольку навсегда запомнила и промывание желудка, и свое беспомощное состояние при этом.

Жизнь постепенно пошла на лад. Сначала её повысили по службе, а затем тот самый сосед, что буквально спас её восьмого марта, предложил жить вместе. Они расписались месяц назад и купили квартиру в центре, недалеко от её офиса. Квартиру на окраине она продала. Нужно было поехать туда, чтобы забрать последние вещи. Она теперь редко ездила автобусом, муж забирал её после работы на машине. Но сегодня у него случились неотложные дела, и Вера решила сама поехать за вещами. Благо их осталось немного, можно будет увезти на такси. Она пришла на остановку по времени, помня, что автобусы ходят строго по расписанию. Народу было немного и она села на заднее сидение у окна. Прикрыла глаза. Ехать долго, можно и поспать.

Автобус мягко качало, от чего она быстро погрузилась в сон. И вдруг, на одной из остановок он резко остановился. Она открыла глаза и... увидела перед собой мужчину. В длинном пальто, длинной широкополой шляпе, в больших очках и с портфелем в руках. Она не поверила своим глазам. Это был тот самый мужчина, которого год назад она ждала в гости. Он не обращал на неё внимания, разглядывая что-то за окном.

– Здравствуйте, Иннокентий! – весело сказала Вера.

Он повернулся к ней и удивленно спросил:

– Мы знакомы?

– Не помните меня? Странно.

– Я Вас действительно не помню, – смутился мужчина, – возможно, Вы меня с кем-то путаете.

– Нет. Не путаю. Вы же экстрасенс, правильно? – весело сказала Вера.

– Ну что, Вы. Какой же я экстрасенс? Всего лишь артист. Стареющий артист театра... уже в отставке..., – грустно улыбнулся Иннокентий.

Вере вдруг стало его жаль. Она не стала продолжать расспросы:

– Значит, я действительно ошиблась, – улыбнулась женщина. Просто знала одного экстрасенса, очень похожего на Вас. Хороший человек был. Умел вдохновлять. А заодно и чудеса творить.

– Правда? – он повернулся к ней.

– Правда! – Вера посмотрела ему прямо в глаза и улыбнулась.

Лена ФРИК/ Елена ГУЩИНА

ЧЁРНАЯ ЖЕМЧУЖИНА ЛЕСА

рассказ

Она не знала, сколько времени лежала вот так, без движения, да и не хотела знать. Вся жизнь её была поделена на два промежутка времени: день и ночь. День – это отдых, расслабление, возможность отогреться на солнышке, если день был теплым. Ночь – охота, выброс адреналина, движение, жизнь и возможность днем лежать, не испытывая чувства голода. Вернее, особого голода она никогда не знала, так как была молода, гибка, сильна и удачлива в охоте. Вот и сейчас, нежась под теплыми лучами июльского солнца, и, переваривая остатки пищи, она с удовольствием вспоминала о своей ночной вылазке. Мир вокруг неё был наполнен привычными звуками и шорохами. Ни птичий щебет, ни шум работающего вдалеке на лесосеке трактора, ничто не отвлекало её от приятных воспоминаний и созерцания самой себя.

Свернувшись в кольцо-спираль и прижавшись животом к прогретой земле, она положила изящную чёрную головку поверх своего упругого тела. Её эластичная кожа отливала на солнце тёмным серебром.

Она не помнила, сколько так пролежала, как вдруг посторонний неприятный звук привлек её внимание. Это был треск сухой ветки, сломанной под чьей-то ногой. Из-за кустов она ещё не видела, но почувствовала этот нестерпимый запах нагретой на солнце резины. В лес пришли люди – сборщицы ягод. А, вот и они! Два синих резиновых сапога замерли от неё в нескольких шагах. – Ну, что замерла? Думаеш-ш-шь, буду кидаться на твою резину?! Иш-ш-шь, какие высоченные обула! Больно надо! Поберегу драгоценную жидкость для ночной охоты. От неё хоть польза будет, а тут резина...

Она содрогнулась от омерзения, дрожь прошла по всему упругому черному телу, зашелестели чешуйки и, подняв вверх свою изящную головку, замерла, глядя, не мигая поверх сапог. Синие сапоги осторожно попятнулись и скрылись за кустами.

– Больно надо, – ещё раз лениво подумала она, расслабляя своё красивое упругое тело, опустила головку, прикрыла глаза. Волны тепла и неги объяли её всю и унесли в мир грёз...

Тамара ВАХРУШЕВА

ШАВКА

рассказ-быль

Шавка – маленькая взъерошенная, с нависшей над глазами, шерстью, сучонка лежала в новенькой, устланной душистой соломой, будке, перед которой стояла миска с едой и большой вкусно пахнущий мосол.

Она лежала и вспоминала, что это уже когда-то было в её жизни. Последние дни она почему-то вновь сытно ест и спокойно спит. А до этого у неё была совсем другая жизнь.

Всё лето она слонялась по чужой деревне, где ей и дали новую кличку – «Шавка». Местные собаки ни за что её не хотели принимать. Каждая норовила облаять и укусить. С дворов её тоже гнали, а ребятня и вовсе с улюлюканьем норовили, то палкой, то камнем ударить. Иногда несчастной собачонке удавалось украсть немного еды у поросят илилизать чужую миску. Но, где бы она ни появлялась, её отовсюду гнали. Лето пролетело быстро, и жизнь Шавки стала невыносимо тяжёлой. Холодными ночами, прижавшись к какому-нибудь забору, под проливным дождём или колючим снегом, Шавка, жалобно скуля, кое-как скоротав ночь, соскакивала, и весь день бегала в поисках хоть какой-то еды.

А ещё, по деревне так же неприкаянно ходил мирской бык. У быка, конечно, был хозяин старый дед Мирон. Но после того как бык напал на него, дед его со двора выгнал. Бык был огромный и наводил на всех ужас. Всё лето он пасся в деревенском стаде. Покрывл всех коров, был он не только могуч и красив, но и хороший производитель. Вот и решили его мужики зиму содержать всем миром. За селом сложили большой омёт соломы, огородив его жердями, чтобы в гневе бык его не раскидал, бросили кусок соли – лизунца и поставили выдолбленное корыто под фураж. К осени бык заматерел, стал злым, норовив, забить любого своим широким лбом.

Была уже глубокая осень, но скотину ещё ненадолго выгоняли на пастбище.

В это утро бусил холодный дождь вперемешку со снегом. Пастух Веня, верхом на коне, накинув плащ, нещадно махал кнутом, подгоняя ленивое стадо. Сзади, роя землю копытом, и

поддевая плетни рогами, брёл бык. Стадо понуро разбрелось вдоль оврага, пощипывая высохшую траву.

Из-за туч, неуверенно, показалось запоздавшее солнышко, и к обеду день совсем разгулялся.

Веня стреножил коня, расстелил на бугорке плащ и прилёг отдохнуть, глядя вдаль. Вдруг его кто-то ткнул в бок и тут же с силой, словно мяч, подбросил вверх. Веня даже сразу не понял, что это подкрался бык. Свирепые глаза, налитые кровью, смотрели в упор на пастуха. Бык немного отступил, наклоня голову, вновь пошёл в атаку. Веня больше ничего не помнил. Он очнулся от холодного дождя. Он лежал на дне глубокого оврага, стуча зубами от холода и невыносимой боли. Стадо медленно разбрелось по деревне. Бык ревел, как дьявол, нагоняя страх. Шавка неотступно следовала за ним. Он мотал своей огромной башкой, стараясь отогнать её. Но она ловко уворачивалась и снова шла за ним.

Веню хватились поздно вечером, пошли искать всей деревней. Шавка, будто понимая, бежала впереди толпы. Добежав до оврага, она залилась громким лаем. Спустившись в овраг, мужики нашли закоченевшего, с разбитым лицом и сломанными рёбрами пастуха. С этого дня скотину уже не гоняли.

Веня только к Рождеству кое-как оклемался.

Лютый редко заглядывал в село. Быка Лютым называли не всегда, а после одного душеледящего случая, повергшего в ужас всех жителей села.

Случилось это после Нового года, прямо перед Рождеством.

В эту ночь разыгралась сильная метель. Неугомонный ветер носился, поднимая позёмку, по улице и переулкам, срывая ветхие крыши и стуча ставнями в окна. Местные собаки все попрятались в конурах. К утру ветер совсем выстудил с вечера натопленные избы. И люди с нетерпением ждали рассвета. Наконец, ветер стих, и село ненадолго погрузилось в предрассветную, сладкую дрёму. Вдруг в эту тишину ворвался незнакомый страшный толи вой, толи стон. Мужики, набросив на себя кое-какую одежонку, повыскакивали на улицу. Рёв приближался, заставляя содрогнуться тех, кто его слышал.

По селу медленно брёл бык, высоко подняв голову, будто празднуя победу над своим врагом. Шавка, скуля, почти ползла за ним, обходя кровавый след. Обезумевший бык как-то аккуратно почти торжественно нёс на рогах молодую волчицу. Кровь из её распоротого брюха стекала на морду быка, заливая глаза и попадая

в рот. Бык брезгливо, как-то неестественно, слизывал её между глаз, а промеж ног по белому снегу тащилась тонкая длинная кишка, оставляя бурый след. Живая ещё волчица смотрела на ошалевших от ужаса людей, со страхом и болью в глазах, молящих о помощи. Выскочившие бабы с визгом заталкивали ребятишек домой, задёргивая плотно занавески. А бык, будто показывая всем свою победу в бою, нёс трофей к воротам своего хозяина, деда Мирона. Дойдя до ворот, он протяжно заревел, потрянул головой и сбросил всё ещё живую, стонущую волчицу. Круто повернувшись, он быстро ушёл из села.

После того бык редко заглядывал днём в село. Ночами он ложился возле омёта, протяжно ревя. Шавка неотступно следовала за ним, и он смирился с этим. В сильные морозы она старалась лечь рядом с быком, облизывая его. Он, лениво мотая головой, позволял ей греться возле него.

Был конец марта, а зима всё ещё не отступала. Всю ночь мела метель, на утро Шавку и Лютого совсем замело снегом. Он недовольно встал, протяжно мыча, пощипав солому, побрёл в село, его манило призывное мычание отелившихся коров, запах парного молока и сена. Бредя по селу, бык завернул в переулок к своему хозяину деду Мирону. Попытался поднять на рога ворота и побрёл дальше. Шавка время от времени убегала в поисках съестного и вновь возвращалась.

Шурочка проснулась с хорошим настроением. В доме свекрови и свёкра ей жилось вольготно, она была на восьмом месяце беременности. Муж Андрей просто сдувал со своей ненаглядной пылинки. Попив чаю с блинами, она решила сходить к родителям за мочёными яблочками. Андрей и свёкор кололи дрова. Свекровь попыталась её отговорить: «Куда ты по таким сугробам».

Но Шурочка, со смехом накинув шаль и плюшевую полудошку, сказав: «Я скоро», – хлопнув дверью, ушла. Мартовское солнце, отражаясь на белом, выглаженном покрывале снега, слепило глаза и щекотало в носу. Радостно шагая, Шурочка решила сократить путь, пройдя на другую улицу через переулок. Завернув за угол, она остолбенела. Навстречу ей шёл, наклоня голову, Лютый. Шура прижалась к плетню, боясь шелохнуться. Бык медленно приближался, глядя на неё свирепыми глазами. Наклонил голову, ударив копытом, обдал её снегом. Шура едва стояла на ногах, внутри у неё всё замерло. Глухой стук сердца

больно отзывался в висках, голову будто стянуло тугим обручем. Замерши на мгновение, они смотрели в упор друг на друга.

Вдруг, откуда то, с громким лаем выскочила худая маленькая вся взъерошенная Шавка. Как бесстрашный воин набросилась на быка, стараясь укусить за ногу. С силой, гневно махнув хвостом, бык ударил собаку по морде. Она, отскочив, как мячик, снова набросилась на быка.

Шура с ужасом смотрела на бесстрашную собачонку, а та, заливаясь громким лаем, ещё с большим остервенением кидалась на эту громадину. Бык ещё раз яростно мотнул головой, едва не задев Шурочку, медленно развернулся и пошёл на собаку, та, ловко уворачиваясь, визжа и лая, продолжала нападать. Через несколько минут они скрылись за поворотом.

Шура, почти ползком, на ватных ногах дошла до дома. Острая боль в животе пронзила всё её тело, она присела на корточки, не в силах открыть ворота. Во дворе раздавался стук топора и громкий смех мужа и свёкра. Шавка, вывернув из-за угла, начала громко лаять.

Андрей со словами: «Ох, уж эта Шавка», открыл ворота и с изумлением увидел лежавшую на снегу жену. Шавка виновато повизгивая, пыталась облизать мертвенно белые губы и лицо Шурочки.

Наутро, Шура родила двух недоношенных девочек. Любу и Веру. Жизнь дала им шанс, и они крепко держались за него, чтобы через много лет дать новую жизнь.

Андрей, ещё не осознав случившееся, сидя на крыльце, тряс и целовал лохматую мордочку Шавки.

Вот при каких обстоятельствах появились на свет 25 марта 1927 года моя мама – Любовь Андреевна и её сестра – Вера Андреевна.

Надежда КУДИНОВА

ПРОЗА ЖИЗНИ

Жизнь – это длинная (к сожалению, у кого-то не очень) дорога со своими ценностями, радостями, мечтами, чёрными и белыми полосами. Каждому человеку предначертана своя жизнь, своя судьба, которую, как бы нам не хотелось, не изменить. В таком случае говорят: «Так на роду написано». Человек приходит на эту землю с определённой целью, которой он должен, во что бы то ни стало, достичь. Возможно, это удаётся не каждому. Такова уж судьба. Каждый человек имеет своего (или нескольких) ангела – хранителя, о котором он, может быть, совсем не подозревает. Ангел-хранитель оберегает нас на протяжении всей жизни. У каждого человека свои жизненные принципы, свой потенциал, которому он следует. Определённые жизненные ситуации воспитывают в нас различные качества, закаляют характер. С годами люди меняются, набираются опыта, и, вместе с тем, меняются их привычки и вкусы. Каждый человек в большей или меньшей степени наделён определённым талантом, который нужно развивать, чтобы он не пропал окончательно. Для чего-то же ведь он дан? У кого-то есть свои кумиры, за чьей жизнью люди с живым интересом наблюдают. Нужно стараться познать что-то новое, заниматься самообразованием. По возможности, путешествовать по разным городам, а, может быть, даже и странам! Очень хорошо иметь своё хобби. У каждого из нас должно быть любимое дело, которым мы бы с удовольствием занимались и, по возможности, обучали ему других людей. Каждый из нас имеет друзей. У кого-то их много, у кого-то меньше. Есть самые верные и надёжные друзья, которым мы доверяем свои секреты. Делимся своими самыми сокровенными мечтами. Одной из главных ценностей нашей жизни, конечно же, является семья, которой мы дорожим. Она наше главное богатство в жизни. В каждой семье соблюдаются свои традиции. И, конечно, не малое значение отводится работе. Работа должна быть по душе. Ходить (лететь навсех парусах) мы на неё должны с хорошим настроением, как на праздник. Дарить коллегам улыбки и прекрасное настроение! Но это в том случае, если, конечно, рабочая атмосфера не требует серьёзности. Жизнь даётся нам один раз и нужно прожить её с достоинством, чтобы в преклонном возрасте чаще «всплывали» интересные и яркие воспоминания, которыми с гордостью можно поделиться со своим будущим поколением. И даже в связи с изменившейся не в лучшую сторону экологической обстановкой в мире, у нас в запасе много поводов для прекрасного настроения! Наша большая планета Земля! Все мы на ней как родная семья!

Я всем сердцем и душой верю в то, что на свете есть Бог. Он всё видит и бережёт нас. И с Божьей помощью наша жизнь, которую он каждому из нас подарил, продолжается!

Откуда ты,
прекрасное дитя?

Любовь СОШНИКОВА/ БАЖЕНОВА

ЕГОРКА НА ГОРКЕ

Рано утром во дворе,
На заснеженной горе,
На санях сидит Егорка,
Но не едут санки с горки!
Где вчера стрелой летел,
За ночь снег повсюду сел
Толстой белою периной,
Точно с гор сошла лавина.
На полметра завалило,
Вот Зима что натворила!
Раздосадован Егорка:
«Как теперь кататься с горки?
Надо в помощь папу звать,
Чтобы с горки снег сбросать,
Да расчистить все дорожки,
Чтоб в снегу не вязли ножки».

БЕЛЫЕ КОНИ

Белые кони по зимней метели
Сказке навстречу поутру летели.
Вихрем кружились за ними снежинки,
След засыпая, дороги, тропинки...
Белые кони – герои из сказки,
Розвальни-сани несли не салазки,
Тройка летела легко и задорно,
В клочья сугробы взрывая проворно.
Будто явились однажды с зарёю
Белые кони, январской порою,
И, чудеса возвращая на землю,
Будят просторы, людей - всё, что дремлет!

ВЕТЕРОК ПРОСНУЛСЯ

Ветерок проснулся рано:
Речка спит, дорога, лес...
Спят дома... «Как это странно!
Солнце, где же мир чудес?
Ты вчера мне обещало
Чудо-сказку показать
Очень строго наказало,
Что не надо долго спать?»
Улыбнулось лишь светило
И раскинуло лучи
Всё на свете осветило:
«Сказку хочешь? Получи!»
Изумрудный лес проснулся,
С ним проснулся птичий хор.
И теперь уже повсюду
Слышен птичий перезвон.
Речка стала серебристой.
Луг у речки золотой.
Ветерок помчался низко
Всё над сказочной землёй.
А ему цветы навстречу
Закивали головой.
И воздушный вальс танцует
На лугу пчелиный рой.
Бабочек прелестных стая,
Жёлтых, красных, белоснежных,
В прятки с ветерком играет
И нашептывает нежно:
«Хочешь тоже быть счастливым?
Выпей капельку росы!»
Дух у ветра захватило
От увиденной красы.

ЛЕБЁДУШКА

Заплутала, видимо, белая лебёдушка,
Потеряла с вечера своё тёпло гнёздышко.
Над землёю кружится, не найдёт родимая.
Крылышки раскинула белая ранимая.
А ветра ретивые пух срывают яростно
И бросают наземь их словно в блюда пряности.
И взмывает горестно в небеса безбрежные
Храбрая и нежная птица белоснежная.
Станет белым облаком поутру, устанет,
Упадёт снежинками, и зима настанет!

ЗИМНЕЕ

Метёт метель по дворикам январским,
И ветер с фонарями твист затеял.
Зима снега раскинула по-царски,
Из рук своих не выпускает веер.

И каждый взмах, рассчитывая верно,
Суровая хозяйка правит балом:
Мелодии меняются, наверно,
Чтоб в холода плясать не уставали.

Чтобы всегда кружились в снежном танго
Дома, машины, снег под фонарями,
Так, позабыв о званиях и рангах,
В безумной пляске скачут дикарями...

Всё вперемешку в этой круговерти:
Снега, ветра, туманы и морозы.
Мы зрители на праздничном концерте,
На бис встречаем зимушки угрозы.

СКАЗКА ПРО ЕЖА И СИНИЦУ

В нашем лесу, а не в жаркой саванне,
Беленький Ёжик родился в тумане.
Был он совсем не колючим с рожденья,
Это потом начались превращения.
Белый совсем, точно он из сметаны,
В русском лесу слыл зверьком иностранным.
Он по утрам отправлялся гулять,
В белом тумане его не сыскать
Волку зубастому, хитрой Лисице,
Было легко средь кустов заблудиться.
Густо туман опускался у речки,
Там, под берёзкою – домик с крылечком.
В домике этом, заросшем травой,
Было порой одиноко герою.

А на берёзке – гнездо у Синицы,
Очень понравилось рыжей Лисице.
Ведь у заботливой мамочки-птички
В гнёздышке вывелись крошки-синички.
Жаль, что гнездо высоко на берёзке,
Лисонька ждёт, проливает лишь слёзки:
Не удаётся поужинать вкусно,
Как ей обидно, досадно и грустно.
Вот оперились птенцы, осмелели:
Мир посмотреть, полетать захотели.
Птенчик на краешек гнёздышка сел,
Крылья расправил и... вниз полетел...
Только упал он к Ежу на крылечко,
Для приземленья – удачно местечко.
Рыжей плутовке того только надо,
Птенчика скушать желанного рада.
Пахнет птенцом, но в траве его нет!
Где отыскать непоседушки след!

Снова плутовка голодной осталась,
Только с мечтою поесть не рассталась.

Ёжик птенца спас от жадной лисицы,
Птенчику в доме Ежа не сидится,
Плачет, в гнездо к своей маме он хочет.
Ёж возле птенчика снова хлопочет,
Палку нашёл подлиннее с крючком,
Ветвь зацепил и пригнул на свой дом:
- Прыгай на ветку, птенец, поскорей,
Крепче держись ты и будь посмелей!
Птенчик в гнезде, и довольна Синица,
Не успокоилась только Лисица.

С Ёжиком как-то столкнулась плутовка,
В домик Ежонок запрятался ловко.
Лисонька мчалась за ним по пятам,
Знала теперь, что он прячется там.
Ёжику стало опасно гулять,
Может Лисичка его поджидать.
Только туман, да и быстрые ножки
Часто спасали Ежа на дорожках.
Чтоб не попасть ему снова впросак,
Птичка-Синичка советует так:
– Там, за рекой, подрастает сосна,
Иглами очень богата она,
И понасыпалось много иголок,
Кто соберёт, сразу сер станет, колок.
Надо бы реченьку нам переплыть,
Чтоб безопаснее стало всем жить.
Ёжик поплыл через речку поутру,
Понял, что птичка советует мудро.
Птица-Синица летела за ним,
Вслед за соседом и другом своим.
Клювом на спинку смолу нанесла
(Где-то узнала секрет ремесла).

После зверёк наш клубочком сложился,
В кучу иголочек он покатился.
Долго катался – стал серым и колким,
В старых смолистых сосновых иголках.
Иглы на спинке - такое спасенье!
Нынче живёт он без опасенья
В доме родном, с аккуратным крылечком,
Там, где туманы плывут возле речки.

ОРАНЖЕВЫЙ МОСТ

С берега до берега, через Обь дугой,
Светится оранжевый мост, совсем другой.
Нет такого в бытности, не сыскать нигде.
Сказочным и призрачным кажется в воде.
По нему стремительно мчится круглый год
Смелый и решительный северный народ.
Фуры, утомлённые временем в пути,
КраЗов и Икарусов светятся огни,
Вереница тянется легковых машин...
На Сургут торопятся под шуршанье шин.

ПРИЛЕТЕЛА ПТИЦА БЕЛАЯ

Прилетела к нам зима – птица белая,
Все тропинки замела, оголтелая.
Разбросала хрустали по просёлочкам,
Подарила серебро соснам, ёлочкам.
А берёзкам - жемчуга на все веточки
И надела на кусты по береточке.
На дорогах и полях - белы скатерти,
Лишь одни столбы стоят как на паперти,
Просят милость у зимы, подаяние,
Да считают до весны расстояние.

ПРИШЛА ВЕСНА

Что за чудо - чудеса?
Говорят, пришла весна.
Я сидела у окна,
А весну не видела.

Во дворе искала в луже,
За сугробом, за ручьём.
Но замёрзли только руки,
Воды черпнула сапогом.

И сороку видела
Рядом с воробьём.
А весну не видела,
Даже ясным днём.

Говорят – Весна пришла.
Но какая? Где Она?

На кого похожая?
Говорят – Пригожая,
Носик весь в веснушках,
Как у моей подружки.

КАПЕЛЬ

Кап да кап сегодня с крыш,
Солнце счёт ведёт зиме.
И поют, щебечут птицы,
В яркой неба синеве.
Пахнет тёплым, талым снегом,
Ручейками и травой,
Может быть, после обеда
Дождь случится проливной.

МАТЬ И МАЧЕХА

На проталинке у дома
Солнце маленькое есть.
Без листочков стебель тонкий
Лист раздвинул, словно меч.
Золотой цветочек солнца
Улыбнулся мне в обед.
«Мать и мачеха» зовётся.
Почему? Кто даст ответ.

* * *

На кого весна похожа?
На девчонку со двора,
Озорную непоседу,
Рядом я с которой шла.

Ярко-рыжие косички,
И в веснушках всё лицо,
Льдинок синие глазищи.
На ней серое пальто.

И зелёный яркий шарфик,
В одуванчиках – цветах,
Прыгает, как солнца зайчик,
В белых- белых облаках.

А, ещё она похожа
На пушистого кота,
Что на солнышке пригрелся,
Щурит хитрые глаза.

На кого весна похожа?
На девчонку со двора,
А ещё она похожа
На тебя и на меня.

СУГРОБ

Плачет от тепла сугроб,
Посерел от горя.
Друг его, смешной щенок,
Скачет у забора.

Радуетя он весне,
Солнышку и лужам,
А сугроб от слёз промок,
Он весной простужен.

Пожалел Сергей сугроб
И укрыл, чем только мог:

Старой курткой папиной,
Маминым платком.
Он просил родителей
Снег запрятать в дом.

Там бы, в холодильнике,
Полежал сугроб,
До зимы до новенькой....
Убедить не смог.

УРОКИ ФОРТЕПИАНО

Разбежались «моль» с «Би модем»,
«Фа» и «Ля» помчались вскачь...
За окном в зелёном поле
Одуванчиковый мяч.
Солнце прыгает по небу,
Догоняя облака...
Мне сегодня до обеда
Пьеса новая дана.
Нужно выучить все нотки
И запомнить нотный стан.

А весёлые сороки, как трещотки
- Беги к нам!
А на улице весна,
И гуляет детвора.
Только я за фортепиано,
Всё разучиваю гаммы.

ЯБЛОНЯ ЦВЕТЁТ

Не пойду гулять сегодня,
У нас яблоня цветёт.
И слетелись дружно пчёлы
Собирать с цветочков мёд.
Навалилась тяжко грусть,
Пчёлочек очень я боюсь.

ВОЛШЕБНЫЕ МЕЛКИ

Мел с братишкой дали нам,
Целую коробку.
Мы рисуем тут и там,
Кошку и коровку,
Классики и танки,
Солнышко в панамке,
Радугу и речку,
Домики с крылечком.
Разноцветными мелками
Нарисуем букет маме.
И заборы и сарай
Разукрасим. Просто рай!
Всё в картинках разноцветных.
А волшебные мелки
Незаметно вдруг ушли.
Только на ладошках след,
А мелков в коробке нет.

Геннадий КАРКИШКО

ПРО ЕМЕЛЮ

– Деда, вот уже неделю
Обещаешь рассказать
Ты мне сказку «Про Емелю»,
Я уже устала ждать!

– Внучка, сказку «Про Емелю»
Знают люди и давно.
Только в сказки я не верю,
Чудо – это для кино!

Чтобы сани, просто сами,
За дровами – прямо в лес?
Не поедут сани сами,
Да и печь – не «Мерседес»!

Щуки, вдруг, заговорили!
Эта выдумка ясна.
Сколько их переловили,
Все немые, как одна!

Воеводу, да дубиной?
Это ж надо так соврать!
Супротив него – мужчинам
Даже трём не совладать!

– Ну, нагнал ты, деда, скуку.
Неужель тебе не лень?
Мне б поймать такую щуку,
Ты читал бы целый день!

ЗИМА

Словно белые пушинки
От Волшебной Птицы,
Опускаются снежинки
На мои ресницы.
Это что за Диво – птица
Кружит в вышине?
Можно даже заблудиться
В белой пелене.
Но, совсем было не трудно
Угадать самой.
Просто я сегодня утром
Встретилась с Зимой!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спит зайчишка под кустом,
Спит медведь в берлоге.
И уснули лопухи
Прямо на дороге!
Месяц светит в вышине,
Звёздочки мигают.
Сон приходит в дом ко мне,
Саша засыпает!

ПРИМЕТА

Мне не нужен Календарь,
По приметам знаю.
Наступление Весны –
Вовремя встречаю.
Никакой тут тайны нет.
Просто у подружки
Появляются весной
На носу – веснушки!

ЧЕМПИОН

Хочу я сильным, смелым стать.
Не буду я артистом.
Мне снится ледяная гладь,
Я стану хоккеистом!

Щитки надёжно подвяжу,
Надену свои краги.
Любой удар в них удержу
В ледовой передряге!

Мне папа клюшку подарил,
Коньки и шлем в придачу.
На лёд я в форме выходил
Испытывать удачу.

Пусть, подрасти я не успел,
Но говорю знакомым:
- Играть я буду в КХЛ
И стану Чемпионом!

СОРОКА

Обижается сорока:
«Ну, какая я воровка?
Докажу я нынче всем,
не такая я совсем!
В жизни не брала чужого,
Правда, спрятать – я готова!
Обвинитель мой не прав,
А всему виной – мой нрав!
Ну, припрячу безделушку,
Всё найдётся, дайте срок!
Ведь, не зря писал сам Пушкин
Про «весёленьких» сорок!»

КЕНГУРУ

Не пускают меня в магазин.
Простят сумку оставить в углу.
Но, послушайте Вы, гражданин,
В ней же сын мой, малыш-кенгуру!
Он не вырос ещё из пелёнок,
Он, по сути, малыш-кенгурёнок?!
Но охранник был неумолим:
С сумкой Вам не пройти в магазин!
Как же трудно жить в этом Миру,
Всем, кто с сумкой и нам – Кенгуру!!!

МОЙ ПАПА

Мой папа – крановщик в Порту.
Кран у него большой!
Берёт любую высоту
Железную «рукой»!
Заглянет кораблю в нутро,
И выгрузит в момент:
Трубу, оконное стекло,
Балок или цемент.
Он может мощною стрелой
Машину разгрузить.
И на площадку груз любой
В рядочек уложить.
Как продолжением стрелы
И папина рука.
Работают до темноты,
И устают слегка.
А на рассвете – кран в росе,
Как папа мой – в поту.
На берегу здесь знают все,
Кто всех важней в Порту!

ЛЕЙСЯ, ПЕСНЯ!

Александр ЖУРАВСКИЙ

ТРИ ДАМЫ

Три дамы стареньки, прожили в сталинке,
Чьи окна спальни выходят на проспект.

Года-проталинки промочат валенки,
Где стельки - вдвое сложенный конспект,

А на балконе велик маленький
Воспоминанья катит много лет.

Рисунок маменьки, лицо в керамике –
То деда свадебный портрет.

Три дамы стареньки, как свет фонарика
Из прошлого, забытого давно.

Одна боярыня, другая барыня,
А третья - так,.. актриска из кино.

Всё прогутарено, чайком заварено...
Они свой век оставили давно.

Еще звучат на патефоне арии,
Но зеркала завешены сукном.

Они не плачут, соль из глаз лишь сыплется.
Они живут во времени извне.

Снесённый храм над ними вновь возвысился.
Они о нём молились в тишине.

Три добрых ангела живущих в сталинке.

Светлана ПЕЧЁНКИНА/ ХОХЛОВА

ТЫ УХОДИШЬ...

Ты уходишь. Тебя не вернуть.
В небесах полыхают зарницы.
На мгновенье прикрою ресницы,
С глаз слезу попытаюсь смахнуть.
Ты уходишь. Я снова одна,
Как бредущая в тёмном тоннеле,
Сожалея о нашем уделе...
И гнетёт здесь меня тишина.
В ожидании чуда Творца,
Я молила твоё возвращенье
И ждала от тебя снисхожденья.
Плач в подушку... И так – без конца,
Но зачем, всё же, я полюбила
В этой жизни тебя, подлеца?

В этой жизни тебя, подлеца,
Повстречала и полюбила,
Благодарностью оплатила
Всё любовное действие Творца.
Стало холодно в эти ночи,
Нет уже тебя рядом со мной.
Мой любимый и мой дорогой,
Я люблю тебя очень- очень.
Обижаться на жизнь не стоит:
Не случилось, да и не сбылось,
Жаль, конечно, что всё не срослось.
Дождь пройдёт и обиды смоем.
С благодарностью жду я свой дождь.
Сердце, всё же, болит и стонет...

С благодарностью жду я свой дождь,
Тот, который приходит в ненастье.
Я его принимаю, как счастье.

Он в осенний период хорош.
Как в кино, промелькнёт моя жизнь,
Повод есть просмотреть все страницы,
Пробегут пусть они вереницей.
Дождь за окнами шепчет: «Держись!»
Снова думой полна голова.
Мысли, словно летящие птицы.
Пролистав своей жизни страницы,
Поздно многое я поняла..
Вновь оделся наш город в наряд,
Разметав паутин кружева.

Вновь оделся наш город в наряд,
Разметав паутин кружева.
Моя кругом идёт голова,
И кружит над землёй листопад.
Думать я о плохом не смею.
Столько счастья сумел ты мне дать!
Не сказать и здесь не описать.
От любви от твоей хмелею.
Снова слышу любви я слова,
С детства были они знакомы
И, конечно же, так весомы,
Что кружится от них голова.
Вышивает нам осень узоры,
Заполняется ими канва.

МЕЛОДИЯ СИМФОНИЙ

Тяну ладони, их пытаюсь я согреть.
Костёр давно погас. Какая жалость!
Лишь угли, продолжая долго ещё тлеть,
Тепло дают, совсем чуть-чуть осталось.
Я знаю, завтра будет снова ясный день,
Луч солнца упадёт ко мне в ладони.
Ты далеко, но верю, помнишь обо мне.
Звучит в сердцах мелодия симфоний...

Любовь СОШНИКОВА/ БАЖЕНОВА

ПРИГЛАШАЮ НА ВАЛЬС

Вновь тебя приглашаю на вальс!
Не упрямясь - протягивай руку!
Он закружит по залу сейчас
И развеет вечернюю скуку.

Вновь тебя приглашаю на вальс,
Быть с тобой в этот вечер желаю.
Пять минут лишь в объятьях – не час.
Это вовсе не мало – я знаю!

Вновь тебя приглашаю на вальс!
И мечтаю почувствовать нежность.
Так бывало со мною не раз:
Окунуться на миг в бесконечность.

Вновь тебя приглашаю на вальс,
Танцевать – это так интересно.
Мы и в этом покажем всем класс.
Так люблю этот танец чудесный!

ПОДСНЕЖНИКОВ БУКЕТИК

Подснежников букетик нежно-жёлтый
Дороже стал охапки красных роз.
Среди берёзок сонных их нашёл ты,
Покрытых капельками зимних слёз.
Земля их напоила чудным соком
Из нежности весны и чистоты.
Они на свет явились раньше срока,
В них столько солнышка и красоты.

Они как талисман среди морозов,
Людских ошибок, глупостей и бед.
Им никакие не страшны угрозы,
Жестокости и лжи в их взгляде нет.
Подснежников букетик неприметный
Согрел мне душу, стало веселей,
Охапка роз соперничает тщетно,
Подснежники мне всё-таки милей!

НЕ ОТКЛАДЫВАЙ ЖИЗНЬ НА ПОТОМ

Не откладывай жизнь на потом,
Пусть всё будет сегодня, сейчас.
Жить – не игры в футбол и в лото,
Её выиграть можно лишь раз.

Пусть всё будет! О том не жалея,
Что прошло, что однажды пройдёт,
И шагай по судьбе веселей,
Но с условием: только вперёд.

Хоть нас держит зачем-то вчера,
И тропинки знакомые ждут,
Помни: зимние вечера
Нескончаемы, но пройдут

И за мартом нагрянет апрель
Водопадом бушующих чувств...
Зачарует соловушки трель,
Одурманит сиреневый куст...

И прекрасным покажется день:
Солнце, небо, вода и трава.
И забудется прошлого тень,
Все имеют на счастье права.

Маргарита РЫЖОВА

ПОВЕЛИТЕЛЬ БЕЛЫХ ЖУРАВЛЕЙ

Расулу Гамзатову посвящается...

Мне кажется, порою, что когда-то
Среди гор, вершины чьи снегов белей,
Родился не поэт Расул Гамзатов,
А повелитель белых журавлей.

Он нас за ними вдаль небес шальную
Унес на сотни лет тому вперёд,
Где нет войны, нет голода и суйи,
Где каждый, кто в строю наперечет,

Где каждого простое имя свято,
Где души светом доблести полны,
Где именем безвестного солдата
Поротно звёзды все наречены.

Где взмах крыла - не для полета в дали,
Где так не важен статус, род и чин,
Где каждый год торжественно печально
Летит по небу журавлиный клин...

И крик его с годами все сильнее,
Пронзает, прорывая облака,
Призывом быть терпимей и мудрее,
Во имя мира, счастья и добра!

И пусть они летят, летят все выше,
Забыть нам не давая о весне,
В которой мир впервые их услышал
Из песни о далёкой той войне...

Сергей ЦЕЛЫХ

ГИМН НЕФТЕЮГАНСКОМУ РАЙОНУ

В далях бескрайних, где нефти фонтаны
Волей народа с высокой судьбой.
Вырос над топью, развеял туманы
Нефтеюганский район мой родной.

Припев:

Славься великая наша Держава.
Славься район на Юганской земле.
Силой своею, успехом и славой,
Жизнью своей я обязан тебе.

Ныне сияешь народам всем сразу
В центре России Югорской звездой
Мир, одаривший и нефтью, и газом
Нефтеюганский район мой родной.

Припев:

Славься великая наша Держава.
Славься район на Юганской земле.
Силой своею, успехом и славой,
Жизнью своей я обязан тебе.

Ты, ни минуты не знавший беспечной,
Можешь гордиться своею судьбой.
Славься в веках и живи бесконечно
Нефтеюганский район мой родной.

Припев:

Славься великая наша Держава.
Славься район на Юганской земле.
Силой своею, успехом и славой,
Жизнью своей я обязан тебе.

РОМАНС

Не печалит душу мне утрата
Хорошо в родительском краю
Только сдали чуточку девчата
Я уже с трудом их узнаю.

Их года уж тоже на излёте
Измотала жизнь и тяжкий труд
И давно они уже не тёти
Бабушками внуки их зовут.

И они, с внучатами играя,
Их до бесконечности любя
Каждому капризу потакая
Уж совсем забыли про себя.

И, увы, немного постарели
Растеряли силушку в трудах
Волосы покрасили метели
Нет уже той резвости в ногах.

Но как прежде лёгким огонёчком
(Если приглядеться не спеша)
Светится в глазах живой источник
Молодая, нежная душа.

И пускай испортилась походка
Седина прилипла к волосам
Я всегда и всюду буду чётко
Узнавать девчонок по глазам.

Здравствуй,
племя младое,
незнакомое

Ирина ЗМАНОВСКАЯ

* * *

Памяти воинам Великой Отечественной войны

«Погоди, брат-солдат, погоди...
Вот ещё один шаг позади...
Мы приказ выполняем комбата:
Донесенье доставить до штаба.

Я бинтом завязала все раны,
Чтобы кровь не стекла твоя рано,
Чтоб успели до пункта дойти,
Разведданные все донести...

Ну, давай же, родной мой, крепись!
В твоей воле и сила, и жизнь!
Вот немного осталось пути.
Доберёмся до штаба, терпи!»

Наконец-то к своим мы добрались.
Время, силы уже потерялись.
В лазарет надо брата вести,
Чтоб его там успели спасти.

И комбату сестра доложила,
Командира приказ получила:
На линию фронта вернуться опять
Чтоб от смерти солдата спасти.

«Знаю, солдат, будешь ты жить,
Снова гадов – фашистов громить!
Будет у нас наступленье,
Лютым врагам - пораженье!»

ДЕНЬ ПАМЯТИ

День памяти и скорби
В который уже раз
Приносят людям годы
Всем, кто живёт – для нас.

Раскаты стрельб и взрывов
Мы слышим и сейчас.
Всё то, что раньше было,
Останется в сердцах.

А время это вечно.
И этот день нельзя
Нам вычеркнуть из сердца
И снять с календаря.

День памяти и скорби...
Он будет для всех вечным.
Всего народа подвиг
У нас – не быстротечный.

Склонили низко головы
Деревья и цветы.
Над братскими могилами
И кланяемся мы.

ДОРОГА ВПЕРЁД

Мощный в судьбе порок,
Когда ты одинок.
Когда ты сам с собой
Ведёшь неравный бой.

Стремишься к цели ты
Душой, порывами мечты,
И все преграды к ней
Преодолеть сумеи!

Найди себе тот мост,
Что нанесён на холст
Твоей судьбы родной,
Поставь автограф свой.

Не опускай же рук,
Найди себе досуг!
Иди вперёд! Живи!
Общайся ты с людьми!

А в памяти держи
Всё доброе. Пойми:
Добро не исчезает,
Жить дальше продолжает.

И вся твоя любовь
Пусть крепнет вновь и вновь!
Когда садовник рад,
Тогда цветёт весь сад!

ВЗАИМОПОНИМАНИЕ

Всегда понимают
Друг друга немые.
Всё нужное слышат
Люди глухие.
Всё видят в округе
Люди слепые.
У них не бывает
Друг с другом войны.
Никто и не знает
Обиды, вражды.
У них всегда складно,
Радушно в округе.
В душе всегда память,
Забота о друге.

* * *

Мне стыдно за наше время!
Простите, ветераны, молю!
Стою я сейчас на коленях
И больше молчать не могу!

Волна равнодушия – мрака
Гуляет свободно в стране.
Она страшнее раската
Снарядного взрыва в войне.

Когда же проснёмся мы, люди?!
Жизнью ветеранам обязаны мы!
Когда человечнее будем?!
Им помощь, вниманье дадим?!

* * *

Не трогайте Историю –
Вас Время не накажет,
Вы даты все сдвигаете –
Потомки что вам скажут?

Не стыдно вам в глаза смотреть
Родным своим отцам?
Деды, отцы сумели вдеть
В иголку нить-историю
По вехам-временам!

Не трогайте Историю,
Чтоб чистым духом быть.
Не вы её создатели –
Не вам её рубить!

ДАТА ИСТОРИИ

рассказ

Двадцать первого июня, когда я легла спать, на душе у меня не было ничего хорошего, ничего плохого. Уснула, как и всегда, легко. В глубоком сне ночь проходит быстро, и сон не запоминается.

Но в ту ночь сон был особым. Я находилась в концертном зале, полном зрителей, смотрела детский концерт. Ребята танцевали, читали стихи, пели песни моего детства. Весёлые песенки «Карусель», «Чебурашка», «Голубой вагон» и другие звали меня в то мирное, светлое время, в котором прошло моё детство. Зал аплодировал, задавая весёлый настрой выступающим.

Но вот на сцену вышла девочка семи-восьми лет. Не дожидаясь объявления названия песни, которую ей надо было спеть, девочка стала читать со взрослой интонацией стихи об Иосифе Виссарионовиче Сталине, о военном времени, о подвигах советских солдат. Чтение было очень артистичным, звуки были в ритм, подчёркивая в каждом предложении главное слово. Все зрители моментально замерли от неожиданной перемены стиля номеров концерта. Воцарилась тишина, все слушали девочку с некоей боязнью вздохнуть. После стихов девочка запела военные песни. Неизвестно откуда на сцене появился военный хор и стал петь вместе с девочкой. На третьей песне зрители встали, и, со слезами на глазах, стали подпевать военные песни. На сцену вышли все ребята - участники концерта: кто пел, танцевал, и читал стихи - и поддержали пением девочку, хор и зал. На сцене царила художественно-историческая правда о Великой Отечественной войне, о погибших солдатах. Объявили минуту молчания.

Когда по окончании концерта я встала и посмотрела вокруг, я увидела в зале: ветеранов, пенсионеров - детей военного времени. Как так? Ведь в зал я пришла с людьми моего поколения посмотреть на творчество наших детей. После этого вопроса я и проснулась. Стихи и песни, услышанные во сне, я не запомнила, так как слышала их впервые. Их никто ещё не читал и не пел.

На кухне, посмотрев на отрывной календарь, я увидела чёрную дату - 22 июня - День памяти и скорби советского народа.

Общая боль коснулась и моей семьи: под Сталинградом пропал без вести мой дедушка по матери Фохт Фридрих Иванович, призванный на фронт рядовым из Баку. Другой дед по отцу, Фохт Леон Леонович, получил военную бронь и был эвакуирован из

Баку в Башкирию добывать нефть, чтобы советские самолёты,
бронетехника вели победоносные бои с вражескими оккупантами.
История, история.... Она во сне и наяву.

* * *

Мысли бегут постоянно,
Возвращая нас в прошлый век.
Не знать о войне сорок первого
Не может ни один человек.

Взрывами, стрельбами, пытками
С осколками сердце болит.
Нашими ошибками
Нынче время кипит.

Все мы обязаны жизнями
Тем, кто остался в веках.
Тем, кто вернулся в руины,
Тем, кто работал в полях,
Тем, кто вставал за станки,
Тем, кто копал рудники.

Будем все чтить эту память,
Детям своим объяснять
Как связаны нити родные
В крепкую звёздную рать.

Нет у войны ни совести,
Нет у неё и лица.
Зачем же скорбные вести
Снова приносит она?

ХОЛОДНОЕ ВРЕМЯ

Холодное время. Холодная осень.
И холодны люди в душе.
Они всё срубают под корень и косят,
Ничто не оставив земле.

Осенние листья всё падают, стелют
Нам красное ложе уже.
Холодное время. Холодная осень.
И холодны люди в душе.

Туман расстилается низко и густо,
Скрывая границы земли.
И серые тучи собрались все в кучу –
Вот-вот и заплачут они...

А ветер срывает с деревьев жестоко
Последние листья уже...
Холодное время. Холодная осень.
И холодны люди в душе.

Мы плачем, мы мёрзнем, тепла не хватает,
Молебны господние нас не спасают.
Холодное время. Холодная осень.
И холодны люди в душе.

Так надо тепло нам брать из глубинки,
Из сердца, души и родимой кровинки,
Чтоб не было в них ни снега, ни льда,
А только тепло и счастье всегда.

Юлиана ОВЧИННИКОВА

ЖЕСТОКАЯ ВОЙНА

Жестокая война прошла дорогой зла,
Опустошила улицы, дома и семьи...
Не встретятся они - всё сожжено дотла,
Воспоминания людей оставят только тени.

Ему казалось, было холодно цветам,
Которые росли вдоль узенькой тропинки.
Стоит лишь домик, наклонившийся к ветрам.
А радости в глазах уж нет, одни морщинки.

И всё вокруг дышало жуткой тишиной -
Пугающей, тревожной, в тот же час - спокойной.
Солдат вернулся! Он пришёл с войны домой.
Он выжил в той нелёгкой и кровавой бойне.

Такое чувство, что земля сейчас спала
И отдыхала от тяжёлых ран и боли...
Вдруг по щеке сбежала скорбная слеза
Солдатская, которая была в неволе.

А сколько новых жизней унесла война,
Несбыточны мечтания друзей и близких.
Всё это - люди не забудут никогда,
Как не хватало мира в той коварной жизни.

МГНОВЕНИЕ

Наш мир живёт одним мгновеньем
И, не задумываясь, впрок,
Как рушится природы рвеньё
И каждый жизненный росток.

ПОСВЯЩЕНИЕ МОЕМУ ГОРОДУ (акrostих)

Ялуторовск, прекрасный городок,
Любуясь видом, радуют красоты.
У города есть множество дорог,
Тобол-река течёт, меняя повороты.
Острог вознёся до небес,
Рисуя лик блаженства.
Окутан город в дивный лес,
Вдыхая совершенства.
Сияют ярко фонари,
Как звёзды ночью до зари.

ТУМАН

А на улице туман
Нежный и пушистый,
Словно море-океан
В синеве искристой.
Стёр он звёзды и дома,
Птиц не стало слышно.
Обнимает купола
И стоит недвижно.

УСТАЛОЕ ВРЕМЯ

Умирает усталое время
Забывая тропу дивных грёз,
Провожая ночное бремя
В тишине нескончаемых слёз.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Ночь. Тишина. Темнота.
И ветер слегка замирает.
Осень пришла... Пустота.
Снова грусть меня навещает.

Грусть рисует серую линию,
Сгущаются краски в мышлении.
Может, это минута уныния,
За которой придёт пробуждение.

Светлое что-то рождается,
Оставляя в душе добрый след.
В этом душа убеждается,
Ожидая новой жизни рассвет.

Утро. День. И солнца луч.
Он пустоту пронзил в квартире,
Всё в прошлом, нет серых туч,
Счастье сияет в нашем мире.

ПУСТЬ НЕБО БУДЕТ ГОЛУБЫМ

Пусть небо будет голубым,
Не серым, солнечным как дым.
И пусть порой не знали мы
Чего нам ждать от той весны...
Лишь солнца луч горел в сердцах,
Теплом окутывая нас.
Мы будем радоваться вновь
И пусть всегда царит любовь!

Надежда КУДИНОВА

ГОРОД СЧАСТЬЯ

Я спроектирую свой город,
Его я Счастьем назову.
Мой город будет очень молод,
Пусть лишь во сне, не наяву.

Я акварелью разукрашу
В домах тех окна в желтый цвет,
А чёрный цвет совсем замажу –
Здесь чёрной тени места нет.

Здесь люди будут жить простые,
Делясь душевной добротой.
Леса –

 кудрявые, густые
Влекут природной красотой.

Река, озёра, водоёмы
Чисты,
 как девичья слеза.

Стоят старинные хоромы,
Блестит на ставнях бирюза.

И транспорт здесь совсем не нужен –
Мой город крохотный совсем.
Смеясь, бежит народ по лужам –
Он весел, и не огорчён ничем.

Не просто город – здесь мечта!
Не знают люди здесь ненастья.
Душа спокойна и чиста,
Ты процветай,
 мой город Счастья!

РУССКАЯ БЕРЁЗКА

Ты, берёзка, осенью
Цвет листвы меняешь,
Стан свой стройный с проседью
Ярко украшаешь.
И палитру красок всех
В пряди ты вплетаешь,
А ветвями тонкими
С ветром в такт качаешь.
И серёжки носишь ты,
Милая красавица,
Листья чудной красоты
Нежно кучерявятся.
В поле средь густых лесов
Вьётся тропка узкая.
На холсте родных лугов
Ты, берёзка, – русская!

ПРИРОДНЫЕ КРАСОТЫ

Вглядись в природы очертанье –
Она прекрасна круглый год,
Вновь будоражит нам сознание
И красотой своей влечёт.

Цветут в саду кусты сирени,
А рядом – яблоневый цвет,
Волнует аромат растений,
Всё ярче розовый рассвет.

Пушистых облаков фигуры
Плывут по небу не спеша,
Из звезд сияют абажуры,
О, как природа хороша!

СЧАСТЛИВАЯ ЗВЕЗДА

Чуть слышно музыка играла,
В весеннем парке ночь плыла,
Сквозь хвойный стан луна сияла,
И пара, не спеша, брела.
Цветным узором россыпь звёзд
Ночное небо украшала,
А на пути влюблённых – мост,
Морской волной та ночь играла.
В небесном зареве украдкой
И в плеске ледяной воды,
Сверкнув пятном на ряби гладкой,
Ночь осветил полёт звезды.
Влюблённые в очарованье...
Взор приковала та звезда.
В глазах горят огни желанья:
«Мы будем вместе... Навсегда!»
Влечёт красой небесная среда,
Сполна любовным чувством насыщаясь,
Горит в ночи счастливая звезда,
В бездонной глади моря отражаясь.

* * *

Вечереет... Солнце светит,
Дышит жаром летний день.
Скоро Август Осень встретит,
Вслед лениво бросив тень.
Осень благодарно примет
Прелесть ясных тёплых дней.
Лес застенчиво обнимет,
Став от свежести бодрей.
Вечера манят прохладой,
Ночь не делится теплом,
Осень золотой помадой
Красит лес в дворце своём.

Вера МАРТЫНОВА

ЗИМУШКА

Зимушка-зима,
Снежная красавица
Колется слегка,
Но всё равно нам нравится.
Белым одеялом,
Всё вокруг укрыла
Чтоб земле в морозы
Чуть теплее было.
Застудила реки
Жаль нельзя купаться,
Ну а мы возьмём коньки,
И пойдём кататься.
Пусть мороз крепчает
И кусает нос,
Я зиме спасибо
Говорю всерьёз.

ЗОВЁМ ВЕСНУ

Утром в садик мне пора,
но что-то неохота.
На дворе опять зима,
а у меня зевота.
Не хватает света мне,
весенних ярких лучиков.
Эй, весна! Ау! Ты где?
Разгони все тучки!
Но меня весна не слышит.
Может, она спит?
И под снежным одеялом
до сих пор храпит.

Я решил мужчиной быть,
принялся за дело
Нужно нам весну будить,
я ведь мальчик смелый!
Только маме расскажу
я на всякий случай.
Знаю точно: моя мама -
волшебник самый лучший.
Вмиг вылечивает ранку,
только лишь подует
Пусть тогда и над весной
чуточек поколдует.
Мама улыбнулась мне
и достала краски -
И вот уж солнце на окне
устраивает пляски.
Зажурчали ручейки,
запели птицы трели,
И весенний ветерок
загудел в свирели.
Пусть лишь только на окне
моя весна живёт,
Но теперь я точно знаю,
что она придёт!
Ведь, увидев мой рисунок,
вмиг она проснётся.
И тогда весь мир вокруг
сразу встрепенётся!

ВЕСНА

Что за шум, что за гам?
В нашем садике бедлам!
Не хотят детишки спать
Все хотят идти гулять.

Светит солнышко в окошко
Птицы песенки поют
С крыши капают капли
Деткам спать не дают.
Всем сегодня не до сна,
Просто к нам пришла весна!

ПОТЕРЯШКИ

У меня такой вопрос
От чего чихает нос?
И как же, всем на удивленье
В банке кончилось варенье?
Отчего и почему
Многого я не пойму.
Но один вопрос особый,
Разгадать его попробуй.
Папа, почесав висок
Спрашивает: «Где носок?»
Всей семьёй его искали,
Может быть, его украли?
Может инопланетяне
Его для опытов забрали?
Может он в лесу дремучем,
Или в небе выше тучи?
На самолёте в путь далекий
Летит, скучает, одинокий.
Долго я искал ответ
А его всё нет и нет.
Может где-то на планете
Есть место для всего на свете?
Там пропажи - потеряшки
Носки, варежки, подтяжки
Дружно в мире все живут
И своих собратьев ждут.

ЛЮБИМАЯ БУКВА

Сегодня я пришёл из школы
И строго сказал родителям
«Дорогие мама с папой,
Ребенку помочь, не хотите ли?
В алфавите буквы тридцать три,
Десять гласных, 23 согласные
Все они по-своему важны,
Но какая самая прекрасная?
Может «А»? она стоит в начале
И во многих словах встречается
Много рек, городов, даже стран
С буквы «А», знают все, начинается».
Папа промолвил «Д» и посмотрел в окно
«Двигатель, дом, диван,
Дрель, домкрат, домино.
Видишь, как много слов
Важных и нужных очень!»
Папа серьёзен и важен,
А мама чего-то хохочет.
Спросил тогда я у мамы
«Дай мне скорее ответ!»
Она улыбнулась мне нежно,
Сказала: «Ответа нет,
Все буквы нужны, конечно,
Представь, если нет хоть одной,
Какой же тогда беспорядок
Начнётся в речи родной?
Но всё же знаешь сынок,
Любимой моей считается
Буква обычная самая
С неё имя твое начинается».

СКАЗ О ТОМ, КАК МАМА ОБЕД ВАРИЛА

сказка-быль

В некотором царстве, в холодильном государстве жили-были пищевые остатки. Роду-племени остатки были разного, но жили дружно в одном отделении. Самыми крепкими были остатки кабачка, когда-то их собратья были отправлены на икру, а им не повезло, вот и остались они доживать свои дни в холодильнике. Пучки зелени были уже слегка пожухлыми и повидавшими жизнь, очень часто их доставали, выбирали самых породистых и отправляли назад, но зелень не спешила падать духом и оставалась по-прежнему в приподнятом виде и настроении.

Особенно отличался базилик, казалось, никакие невзгоды не смогут скрутить его листья и, понимая это, он гордо выделялся на фоне своих зеленых собратьев. Морковка не относила себя к остаткам, но, когда её семья переехала вместе с кабачками всё в ту же икру, она осталась одна, и ей пришлось переселиться к остаткам. Два братца помидора были слишком мясистыми и толстыми, поэтому от засолки они благополучно откосили, а вот лук наоборот был не допущен к маринованию из-за недовеса, мелковат он был, проще говоря.

Так вот и жила поживала эта компания не день не два, а целых три! Ну, кроме зелени, она была старожилом отделения холодильного государства потому как прожила там уже почти пять дней.

Но вот настал обеденный час, и увидели остатки свет! То был свет надежды. И в самом деле, остатки оказались на кухонном столе. Ох, сколько интересного и увлекательного слышали они про это место. Но больше всего они ждали встречи с разделочной доской – это была их общая и заветная мечта. В общем, жизнь завертелась, закрутилась. Остатки были ещё раз перемыты, нашинкованы, нарезаны, натёрты и разложены по разным тарелочкам.

А потом настал момент таинства. Мама (так называли это создание все находящиеся рядом) взяла сковородку, капнула туда ложечку масла и отправила в него лук. Остатки ещё лежали в своих тарелочках и слушали как довольно шкварчал и шипел лучок, поворачиваясь с боку на бок пока не стал слегка золотистым, тогда к нему в компанию отправили морковку, но долго побыть вдвоём им не дали, почти сразу же к ним присоединился кабачок. Теперь

уже вся компания бурно обсуждала происходящие с ними перемены, вскоре к ним поспешили и братцы – томаты, мелко нашинкованные и со всей щедростью души отдающие свой сок. Так и тушились друзья, пока к ним не пришли новички. Это была влюбленная парочка. Как они сами пояснили, почти во все блюда они ходят вдвоём. Её звали соль, и она была белоснежная и каменная, а он жгучий перец с нежностью смотревший на свою верную подругу. Эта парочка добавила новые нотки в уже сложившийся коллектив, а вскоре к ним присоединилась и зелень, необыкновенно похорошевшая и будто только что сорванная. Так уже полностью собранная команда тушилась некоторое время, пока, наконец, голос откуда-то сверху не произнес: «Ну, всё готово». И тогда они поняли, что больше они не остатки, теперь они носят гордое название Рагу! И скоро исполнят своё предназначение и их съедят.

* * *

Я росла не тощим, озорным ребенком.
И всегда любила этот мир.
Радость мне дарили шоколад с зефиром,
И мамины котлеты, и гарнир.

Вот промчались годы, похудеть решила.
Села я на воду и кефир,
Гречку запиваю, маму вспоминаю
И её котлеты, и гарнир...

Вот идёт неделя, а за ней другая
Тают килограммы словно дым.
Только почему-то снятся мне ночами
Мамины котлеты и гарнир.

Вот уж похудела на 20 килограммов
И пропал куда-то весь мой жир,
Но хотя б раз в месяц всё же позволяю
Я себе котлеты и гарнир.

Татьяна ЛАПИНА

БАБЬЕ ЛЕТО

Бабье лето – странное название,
Красота, тепло – женское призвание!
Почему же лето «Бабьим» вдруг зовётся?
«Лето женское» – куда приятней льётся!

Летних дней остатки – очень сладки!
Солнечные, страстные стояли дни,
И в душе моей, как будто бы в тетрадке,
Написали строки о любви!

КАЛЕЙДОСКОП

Калейдоскоп – золотая осень,
Манит тебя, как волшебство,
Глаза еще картинок просят,
Природа – чудо, естество!

В руке осенний лист ты держишь,
Багряный, красный, золотой,
И воздух, ещё теплый, свежий,
Вдыхаешь, ты, уже с тоской!

СКАЗ ПРО АЛЁНКУ И АНТОШКУ

I

Познакомьтесь: вот – Алёнка,
Две косички у девчонки,
Вот карапуз Антошка,
Он мал ещё немножко.

Девочка Алёнка
Антошкина сестрёнка.

О них пойдёт рассказ,
Вся правда, без прикрас.

Девочке Алёнке –
Шесть лет уже сестрёнке,
Смородинками глазки,
Очень любит сказки.
Губки – алый бантик,
А в кармане фантик.

А Антошка – карапуз,
Пухлый малый, как арбуз,
Светлый лён на голове.
Встаёт рано, на заре.
Очень любит сказку нашу
Про медведя и про Машу.

II

На Алёнкин день рожденья,
Папа ей привёз подарки:
Пазлы, книжки, угощенья,
Домик очень-очень яркий

И огромного медведя.
Он Алёнке в полный рост!
И подумала Аленка:
Как же папа его вёз?

Может в поезде он ехал?
На него купил билет?
Иль летел на самолёте,
Выдали ему обед?

Нет!

Медведь – не настоящий,
Хоть огромен его рост!

Папа этого медведя,
В большой коробке
ей привез!

III

Как-то вечером, зимой,
Возвратились мы домой.
После ужина все сели,
Телевизор мы смотрели.

Там фигурное катанье
Привлекло наше вниманье.
Алёнка смотрит во весь рот:
Там прыжки, переворот

Выполняют фигуристы.
Так красиво и так чисто!
Тут Алёнка соскочила,
Громко музыку включила

И сказала:
- Ну и что? Так умею я давно!
Только мне нужны коньки!

И глаза, как огоньки,
Загорелись у Алёнки
И купили ей коньки –
Белые, как мотыльки.

Только ножки у Алёнки,
Как надели ей коньки,
Подкосились у девчонки,
Вдруг разъехались они.

Держим мы Алёнку крепко,
Чтоб могла она стоять.
И заплакала девчонка:
– Как же я пойду гулять?

Как же встать на скользкий лёд?
Ехать как назад, вперёд?
Выполнять перевороты
И прыжки и обороты?
Ведь легко у фигуристов
Получалось ловко, чисто!

И Алёнка заревела:
– Что такое? Что за дело?
Я умела, я умела!
Только тут такое дело:

Чтобы так легко катиться,
Надо много лет учиться.
Много сил потратить впредь,
Чтоб так мастерски уметь!

И ходить на тренировки!
И трудиться для сноровки!
Как в народе говорится:
«Надо очень потрудиться!»

IV

Всем известно в Новый год
Все мечты сбываются
И под ёлкой в Новый год
Чудеса случаются.

С нетерпением ждёт Алёнка,
Что придет к ней Дед Мороз.
Постучит он в двери звонко:
- Я подарки Вам принес!

Песенку споёт Аленка?
Иль расскажет Деду стих?
«Интересная девчонка!»,
Дед согрелся и притих.

А был с улицы холодный
У Мороза красный нос.
Кафтан красный, кушак модный
И высокий очень рост!

А в мешке много подарков:
И игрушек, и конфет,
Много свёртков ярких-ярких
И чего в нём только нет!

Есть подарок для Алёнки,
От неё пришло письмо.
Дед Морозу написала:
«Зайку я хочу давно!»

И Аленка громко чётко
Рассказала свой стишок.
Потрепал тут дед бородку,
Сунул руку он в мешок.

Зайку он достал Алёнке –
Тот: в рубашке и в штанах,
Засмеялась дочка звонко
И сказала деду: «Ах!»

Всем известно в Новый год
Чудеса случаются.
И у всех детей страны,
Все мечты сбываются!

Ксения ЖИЛИНА

УВЕЗИ МЕНЯ

Увези меня в страну чудес,
На волшебном тканом покрывале.
Где стоит загадочный бескрайний лес,
Где б нам было сладко в идеале...

Увези меня в долину райских рек,
Где забудем обо всём на свете.
Остановимся у водопада на ночлег,
И с поцелуями покончим на рассвете...

Увези меня в пустыню дивных грёз,
В мир фантазий или же мечтаний.
И с тобой я не увижу слёз,
А только радостный полёт воспоминаний.

Увези меня на утренней заре,
В то таинственное чудное местечко.
Где с поцелуем будем пить мы каберне,
Не говоря друг другу ни словечка...

Увези меня в далёкий уголок земли,
Где б на кухне страстно целовались.
У огня стояли, что-то там пекли,
А потом друг другом пылко наслаждались.

Никто с тобой нигде нас не найдет,
Мы будем в масках, как на карнавале.
Где только к нам любовь придёт,
Как всё на том же тканом покрывале...

* * *

День завершился романтическим закатом,
И отблеск в озере мерцающем сверкнул.
Пикник окончен...

В танце сладковатом,
Ты нежно так ко мне прильнул.

В палатке мы, едва стучится сердце,
Твои глаза не сводят с меня взгляд.
Ещё минута - дождь,
и мы откроем дверцы,
Под звуки ливня мысли в голове кружат.

Уже и ночь близка,
и мы с тобой так тесно,
Прижавшись, греемся, ничто нам нипочём.
По телу дрожь,
едва заметно, так чудесно,
Что эту ночь закончим под дождём.

Твой поцелуй меня сейчас согреет,
Огнём горят глаза,
с ума сведёшь...
Пожар внутри, и взор твой горячее,
И ты меня внезапно увлечёшь.

Сверкнула молния, и ночь уже темнея,
Заполонила быстро всё уже вокруг.
Как образ твой
окутывает в танце апогея,
Ты знаешь, что мне нужно,
милый друг...

Максим ЛАПИН

REMEMBER ME

Прошу Вас мадам, хоть строку напишите,
Я Вас любил с самых первых минут.
И это письмо за улыбку примите,
Улыбку несчастных тоскующих губ.

Мне память о Вас жить спокойно мешает,
Вы были правы, в том, что буду жалеть.
Мне жалко, что счастье лишь рядом летает,
А сил уж всё меньше, сложнее терпеть.

Зачем я живу? В тишину восклицаю,
И пальцы сжимают сильней пистолет.
Всё чаще минуты такие бывают,
И даже в вине мне спасения нет.

О, эти глаза, о, эта улыбка,
Вы снитесь мне ночью, я вижу Вас днём.
А рядом всё плачет унылая скрипка,
Наполнив печалью мой маленький дом.

Прошу Вас, мадам, хоть строку напишите,
Я Вас любил с наших первых минут.
В английское слово всю силу вложите,
И буду я там, где действительно ждут.

ОБРАЗ

Снег кружится и медленно падает,
Я смотрю, не мигая в окно.
И прекрасный твой образ радует
Ведь я помню его, всё равно.

Твои руки и нежные плечи,
Твои волосы, смелый твой взгляд.
Я соскучился, хочется встречи,
И снежинки об этом твердят.

Как увижу, то крикну - Любимая,
И волнуясь к себе, притяну.
Ни кому не отдам, люблю сильно я
И желаю тебя лишь одну!

ТОПОЛЬ И БЕРЁЗА

Пожелтели листья,
Жёлтая трава.
Что же ты мне снишься,
Милая моя.
Будто ты – Берёза
Будто Тополь я.
Вытираю слёзы,
Ветками с тебя.
Ну, не надо плакать,
Ну, прости меня.
Дождик начал капать,
Да, не прав был я.
На земле лежишь ты,
Ветром сломана.
Горькая мной чаша,
Выпита до дна.
Снег покрыл вокруг всё,
И под снегом мы.
Был один не в силах,
Сдержать удар судьбы.

ОБРЫВ

Наклонившись низко над обрывом,
Доживая последние дни.
Вспоминает берёза о милом,
А вокруг только старые пни.

Вот и хутор, и бабушка злая,
Вспоминает былую любовь.
Вспоминает о солнечном мае,
И бурлит уже старая кровь.

Две судьбы, совершенно похожи,
Друг о друге, не зная, живут.
Но пойдёт к обрыву старушка быть может,
Где их души с берёзой умрут.

* * *

О, милая, я по тебе скучаю,
Я не могу забыть тебя никак.
Звонков и писем я не получаю,
Поэтому в душе лишь только мрак.

Я знаю, что ты любишь, без сомнений,
Ты света луч, во мгле моей сплошной.
Не слушай, я прошу, чужие мненья,
Вернись ко мне и я навеки твой.

Я подводить сейчас черту не буду,
Я буду ждать, когда вернёшься ты.
Вернёшься ты, я верю в это чудо,
И сбудутся тогда мои мечты!

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Андриянова Татьяна/Сосунова	114, 190
Богданов Юрий	163
Вахрушева Тамара	236
Гимпель Ирина	125
Голозубов Александр	95
Губина Ольга	89, 196, 248
Дарьина Александра	152
Жилина Кения	293
Журавский Александр	142, 258
Змановская Ирина	268
Карелина Лариса	105, 188
Каркишко Геннадий	145, 253
Кудинова Надежда	240, 278
Кузнецов Вадим	200
Лапин Максим	295
Лапина Татьяна	288
Лексина Нина	65
Мамедова Марьям	127
Мартынова Вера	282
Меркушина Елизавета	174
Овчинникова Юлиана	275
Печёнкина Светлана/Хохлова	259
Рыжова Маргарита	129, 263
Сошникова Любовь/Баженова	181, 242, 261
Титова Светлана/Светлая	73
Ткаченко Людмила/Мила Романова	169, 226
Флегентова Галина/Шпрингер	117, 219

Фрик Лена/Гущина Елена	115, 193, 235
Целых Сергей	264
Шамсутдинов Николай	55

СОДЕРЖАНИЕ

«Феномен поэта Николая Шамсутдинова» /материал М. Бушуевой	3
«Вначале было слово» Эссе С. Титовой.....	11
Гость Альманаха/Геннадий Норд.....	13
Дань памяти и славе/Светлана Василенко	33, 34
«Минута – и стихи свободно потекут».....	141
«О чём, прозаик, ты хлопчешь».....	199
«Откуда ты, прекрасное дитя?».....	241
«Лейся песня!».....	257
«Здравствуй, племя младое, незнакомое».....	267
Алфавитный указатель.....	297
Содержание.....	298

Литературно-художественный альманах посвящён
75-летнему юбилею Победы в Великой Отечественной войне

ГИПЕРБОРЕЙ

№1(2) 2020

Литературные произведения и тексты
в авторской редакции

**Куратор издательского проекта:
Шамсутдинов Николай Миркамалович,
Сопредседатель Правления Союза российских писателей**

Редактор-составитель:
Дмитриенко Ирина Михайловна,
E-mail: i.matveyka@mail.ru

Вёрстка и оформление обложки: Матвеева И.М.
При оформлении обложки использована репродукция картины
«Храм солнца» известного российского художника Угланова А.Б.

Подписано в печать 20.07.2020.
Формат 60x84/16 Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. 17,48. Тираж 200. Заказ №937

Отпечатано в АО «Тюменский дом печати»
625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81
Тел: (3452) 56-56-50
E-mail: dom@dom-pechati.ru